

ISSN 0131-6117

Русе-

R U S S I A N

СЕРДЦА

S P E E C H

РЕЧЬ

МОСКВА, 2020

НОЯБРЬ –
ДЕКАБРЬ

Журнал основан в январе 1967 года

Выходит 6 раз в год

Главный редактор:

А. Д. Шмелев д. ф. н., проф., Московский педагогический государственный университет;
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зам. главного редактора:

М. Л. Каленчук д. ф. н., член-корр. РАО, проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Е. Я. Шмелева к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Редколлегия:

Е. Л. Березович д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Уральский федеральный университет
А. А. Гиппиус д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»; Институт славяноведения РАН
М. Горэм PhD, проф., Флоридский университет, США
В. В. Дементьев д. ф. н., проф., Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского
А. Ф. Журавлев д. ф. н., проф., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
А. А. Кибрик д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Ю. А. Клейнер д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет
А. М. Красовицкий PhD, Оксфордский университет, Великобритания
М. А. Кронгауз д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
М. А. Осадчий д. ф. н., проф., Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
М. С. Полинская PhD, проф., Мэрилендский университет, США
Е. Ю. Протасова PhD, проф., Хельсинкский университет, Финляндия
Х. Пфандль Dr. phil., проф., Грацский университет, Австрия
Л. Рязанова-Кларк PhD, проф., Эдинбургский университет, Великобритания
А. А. Соколянский д. ф. н., проф., Северо-Восточный государственный университет

Зав. редакцией: **О. В. Антонова**
Зав. отделами: **А. В. Занадворова, М. А. Пузина**

Статьи отбираются редколлегией
журнала на основе анонимного
независимого рецензирования.

Журнал индексируется в: Российский
индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции: 119019, Москва,
ул. Волхонка, 18/2, Институт русского
языка им. В. В. Виноградова РАН,
редакция журнала «Русская речь»

Телефон: +7 495 637-27-35
E-mail: rus-rech@mail.ru
Сайт: <http://russkayarech.ru/>

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
© Государственный институт
русского языка им. А. С. Пушкина
© Российская академия наук
© Составление. Редколлегия журнала
«Русская речь», 2020

ISSN 0131-6117

Russian R U S S K A Y A Speech R E C H'

MOSCOW, 2020

**NOVEMBER –
DECEMBER**

Founded in January 1967
6 issues per year

Editor-in-chief:

Alexei D. Shmelev Moscow State University of Education; Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia

Assistant editors:

Maria L. Kalenchuk Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia

Elena Ya. Shmeleva Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia

Editorial board:

Elena L. Berezovich Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Vadim V. Demytyev Saratov State University, Saratov, Russia

Alexei A. Gippius National Research University Higher School of Economics; Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia

Michael Gorham University of Florida, Gainesville, USA

Andrey A. Kibrik Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yury A. Kleiner St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Alexander M. Krasovitsky University of Oxford, UK

Maxim A. Kronhaus National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Mikhail A. Osadchiy Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Heinrich Pfandl University of Graz, Austria

Maria Polinsky University of Maryland, College Park, USA

Ekaterina Y. Protassova University of Helsinki, Finland

Larissa Ryazanova-Clarke University of Edinburgh, UK

Alexander A. Sokolyansky North-Eastern State University, Magadan, Russia

Anatoly F. Zhuravlev Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor: **Olga V. Antonova**

Editorial staff: **Anna V. Zanadvorova, Maria A. Puzina**

Articles are selected by the editorial board on the basis of blind peer review process.

Abstracting / Indexing: Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs).

Address: «Russkaya rech'», editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Website: <http://russkayarech.ru/>

Содержание

Проблемы современного русского языка

- 7..... *О. В. Антонова. То́лика и то́лика* в живой речи и орфоэпических словарях
- 17..... *Д. А. Горбунова. Если бы да «как бы»:* опыт лексикографического описания
- 28..... *И. Б. Левонтина. Похоже ли походу на походе?*
- 40..... *И. В. Нечаева. Синяя Борода и Мальчик-с-пальчик,* или Проблема орфографического оформления неоднословных индивидуальных наименований
- 54..... *С. Е. Никитина. О русской речи в США:* конфессиональная личность в иноязычной среде
- 67..... *О. Е. Фролова. Послание президента Федеральному собранию:* жанр, содержание и средства выражения
- 82..... *Т. Д. Четверикова. «Тело возбуждено, а дело возбуждено?»*

Язык художественной литературы

- 94..... *Ю. А. Арская, А. А. Мамедов. Специфика референциального статуса местоимения мы* в «маленьких» поэмах С. А. Есенина
- 107..... *О. И. Федотов. Сонет-медальон Игоря Северянина «Шмелев»* как стихотворный ремейк «Солнца мертвых»
- 117..... *А. Т. Хроленко. Параязык* в художественной прозе

Contents

Issues of Modern Russian Language

- 7..... *Olga V. Antonova*. Tolika and Tolika in Oral Discourse and Orthoepic Dictionaries
- 17..... *Daria A. Gorbunova*. Lexicographical Description of “*Kak By*” (*As Though*)
- 28..... *Irina B. Levontina*. Are the Words *Pokhodu* and *Pokhozhe* Similar?
- 40..... *Iya V. Nechaeva*. *Sinyaya Boroda* and *Mal’chik-s-Pal’chik*, or The Problem of Spelling Multicomponent Individual Names
- 54..... *Serafima E. Nikitina*. On Russian Speech in the USA: Confessional Personality in Foreign Language Environment
- 67..... *Olga E. Frolova*. Presidential Address to the Federal Assembly: Genre, Content and Means of Expression
- 82..... *Tatiana D. Chetverikova*. “*Telo Vozbuzhdeno*” and “*Delo Vozbuzhdeno*”: Special Accent Forms in Professional Jargon

The Language of Fiction

- 94..... *Yuliya A. Arskaya, Akhmed A. Mamedov*. Peculiarities of Referential Relation of the Pronoun *Мы* (“We”) in S. A. Yesenin’s “Small” Poems
- 107..... *Oleg I. Fedotov*. Sonnet-Medallion by Igor Severyanin “*Shmelev*” as a Remyk of “The Sun of the Dead”
- 117..... *Alexander T. Khrolenko*. Paralanguage in Fiction

Толи́ка и то́лика в живой речи и орфоэпических словарях

Ольга Валентиновна Антонова, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), ovantonova@gmail.com

DOI: 10.31857/S013161170012872-8

АННОТАЦИЯ: Задачей орфоэпических словарей русского языка на современном этапе развития науки является не только сообщение сведений о нормативном произношении и ударении слов, но и отражение всего многообразия орфоэпических вариантов, свойственных литературному языку. Но нередки случаи, когда в узусе носителей литературного языка преобладает не нормативный вариант, а тот, который в словарях маркируется как ошибочный. Так, существительное *толика* в современном литературном языке имеет ярко выраженные акцентные колебания разной степени нормированности (словари не рекомендуют вариант *то́лика* и допускают только *толи́ка*, однако в узусе литературно говорящих респондентов значительно преобладает вариант *то́лика*). Рекомендации словарей, очевидно, были справедливы для периода конца XVIII — начала XX вв., когда единственно возможной была акцентуация на втором слоге. Однако, судя по примерам из поэтических текстов, начиная с 30-х гг. XX в. место ударения в слове *толика* изменилось, перейдя на первый слог. Результаты орфоэпического эксперимента с участием респондентов трех возрастных групп подтверждают, что и в современном литературном узусе предпочтение с огромным преимуществом отдается варианту с ударением на первом слоге (в младшей группе испытуемых вариант *то́лики* (Р. п., ед. ч.) выбрали 100 % информантов). Таким образом, орфоэпические рекомендации в словарях требуют коррекции в соответствии с современным научным представлением о принятии кодификационных решений с опорой на фактическую распространенность варианта в речи образованных людей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: акцентуация, имена существительные, вариативность, орфоэпическая норма, изменение нормы, орфоэпические словари
для цитирования: Антонова О. В. *Толі́ка* и *то́лика* в живой речи и орфоэпических словарях // Русская речь. 2020. № 6. С. 7–16. DOI: 10.31857/S013161170012872-8.

Issues of Modern Russian Language

Tolika and Tolika in Oral Discourse and Orthoepic Dictionaries

Olga V. Antonova, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)
(Russia, Moscow), ovantonova@gmail.com

ABSTRACT: Nowadays the main task of the orthoepic dictionaries of the Russian language is not only to report information about the normative pronunciation and stress of words, but also to reflect the whole variety of orthoepic variants peculiar to the literary language. However, there are some cases when in the usage of native speakers, it is not the normative version that prevails, but the one that is marked as erroneous in the dictionaries. Thus, the noun *tolika* in the modern literary language has pronounced accentual fluctuations of normalization (dictionaries do not recommend the *tolika* version and only admit the *tolika*, nevertheless, the first variant predominates in the usus of literary-speaking respondents). The recommendations of the dictionaries were obviously valid for the period of the late 18th — early 20th centuries, when the only possible accentuation was on the second syllable. However, judging by examples from poetic texts, starting from the 1930s the stress in the word shifted to the first syllable. The results of the orthoepic experiment, involving respondents of three different age groups, confirm that in the modern literary usus, the variant with the emphasis on the first syllable is prioritized (in the younger group of the subjects, 100 % of the informants chose *tolika* variant). Thus, orthoepic recommendations in dictionaries require correction in accordance with the modern scientific concept of making codification decisions based on the actual prevalence of the variant in the speech of educated people.

KEYWORDS: accentuation, nouns, variability, stress standard, alteration of the stress standard, orthoepic dictionaries

FOR CITATION: Antonova O. V. Tolika and Tolika in Oral Discourse and Orthoepic Dictionaries. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 6. Pp. 7–16. DOI: 10.31857/S013161170012872-8.

*Памяти Елены Владимировны Щигель (1952–2020),
посвятившей жизнь рыцарственному служению русской фонетике*

Основная задача орфоэпических словарей — сообщать сведения о произношении и ударении слов литературного языка. При этом приметой современной орфоэпической концепции (восходящей к научным воззрениям М. В. Панова) является стремление отразить в словаре всё «реальное многообразие вариантов произношения и ударения, собственных современному состоянию русского литературного языка» [Касаткин (ред.) 2018: 4]. Фиксируя несколько произносительных вариантов, словарь указывает, какое место каждый из них занимает в системе языка, и наряду с нормативными вариантами в словарях отражены также и случаи отступлений от литературного произношения, снабженные запретительными пометами (*неправ.*, *грубо неправ.* и под.). Такие пометы должны предостеречь читателей от распространенных орфоэпических ошибок.

Однако с точки зрения носителя языка не все орфоэпические ошибки одинаково непростительны: так, неверная акцентуация (постановка ударения) обычно раздражает слушающего значительно сильнее (например, *арбузы*, *аналог* вместо нормативных *арбу́зы*, *ана́лог*), нежели иные отступления от литературной нормы (например, для лексемы *а́стма* вариант *á[см]а* отмечается как неправильный [Касаткин (ред.) 2018], в отличие от нормативного *á[стм]а* — однако легко допустить, что в потоке речи, в особенности при быстром ее темпе, такие различия не будут заметны).

Нередки и случаи, когда в узусе говорящих — в том числе и говорящих на литературном языке — преобладает тот вариант, который в словарях маркируется как ошибочный: к примеру, в абсолютном большинстве случаев носителями языка в живой речи выбирается не кодифицированный вариант *жалюзи́*, а снабженный запретительной пометой — *жа́люзи*. Порой экспансия такого «неверного» орфоэпического варианта столь агрессивна,

а степень колебаний в произношении литературно говорящих респондентов столь велика, что даже в нормативных словарях, созданных в одном и том же синхронном языковом срезе, появляются противоречащие друг другу рекомендации: так, для лексемы *граффити* «Большой орфоэпический словарь» (БОС) [Касаткин (ред.) 2018] маркирует вариант с ударением на первом слоге *граффити* как *неправильный*, а школьный «Орфоэпический словарь русского языка. 9–11 классы» тот же вариант уже считает *допустимым* наряду с основным *граффити* [Скачедубова 2020: 67]. Очевидно, что в подобных случаях особенно остро встает проблема оценивания при проверке результатов различных экзаменов (а лексемы с колебаниями в акцентуации чаще прочих «проблемных мест» орфоэпии попадают в состав тестовых заданий ЕГЭ и ОГЭ), так как закономерно возникает вопрос, чьим же рекомендациям обязаны следовать экзаменаторы и экзаменуемые (оба словаря выпущены в рамках академической лексикографической программы «Словари XXI века», и подобные различия крайне нежелательны).

В некоторых случаях слово, зафиксированное в словарях на предыдущем этапе исследований, в дальнейшем утрачивает орфоэпические варианты и функционирует в языке уже только в одном произносительном виде. Тогда (со временем) лексема исключается из орфоэпических словарей как не содержащая проблемной зоны. Так, например, слово *строка* в середине XX в. испытывало колебания в выборе места ударения в формах косвенных падежей в подпарадигме мн. ч.: в форме мн. ч. Д. п. *стро́кам* или *строкáм* «Орфоэпический словарь русского языка» (ОС) под ред. Р. И. Аванесова [Аванесов (ред.) 1983] отмечал форму *строкáм* как предпочтительную, а вариант с ударением на корне *стро́кам* снабжал пометой *и доп.*, т. е. *допустимо*. Или же: в ОС для слова *струя* в формах мн. ч. с ударением на флексии (*струи́, струя́м*) давалась помета *в поэтич. речи возм.*, т. е. *возможно* (при этом нормативным ударением во мн. ч. признавалось ударение на основе). В БОС [Касаткин (ред.) 2018] эти слова отсутствуют — можно предположить, что авторы словаря считают процесс перехода ударения на основу во всей подпарадигме мн. ч. завершённым, и на этом основании лексемы *строка*, *струя* были исключены из проблемной зоны русской орфоэпии¹.

¹ Согласно новейшим экспериментальным данным [Антонова 2020 (в печати)], в настоящее время переход ударения на основу в подпарадигме мн. ч. в лексемах *струя* и *строка* протекает неодинаково: если для слова *струя* противопоставление форм мн. и ед. ч. по месту ударения и впрямь можно считать завершённым (*струя́, струи́, струе́* и пр. — но *стру́и, струя́м, о струя́х* и пр.), то для слова *строка* колебания в речи литературно говорящих респондентов отмечаются довольно последовательно, особенно в младшей возрастной группе испытуемых.

На первый взгляд аналогична ситуация с лексемой *толика*, у которой в современном литературном языке имеются ярко выраженные акцентные колебания разной степени нормированности (традиционно словари не рекомендуют вариант *то́лика*, допуская лишь *толі́ка* [Ушаков (ред.) 1940; Евгеньева (ред.) 1999²; Аванесов (ред.) 1983], однако в узусе литературно говорящих респондентов значительно преобладает вариант *то́лика*). В. В. Виноградов полагал, что словосочетание *малая толика* (в редких случаях — *некоторая толика*) относится к фразеологическим сращениям и «обособление формы *толика*... как отдельного слова является комическим и не очень удачным приемом стилизации нелитературного бытового просторечия» [Виноградов 1994]. Для настоящего времени это невозможно признать справедливым: хотя в современном русском языке действительно часто слово *толика* функционирует в составе фразеологизма *малая толика*, однако по крайней мере с середины XX в. может выступать и отдельно (обычно в значении ‘часть чего-то’), будучи стилистически нейтральным, ср.:

Обсудив
 и вглубь
 и вдоль,
вырешили
 всё
 до **то́лики**:
де —
 ужасен алкоголь,
и —
 ужасны алкоголики (В. В. Маяковский, 1929).

* * *

И сражается он без ракеты
В черном небе за **то́лику** света (И. Г. Эренбург, 1958).

* * *

Заострили кинжалы до **то́лики**.
Рано-раненько за баштанами
прикололи калики **стольников** (В. А. Соснора, 1959–1966).

* * *

Что не убавят **то́лики**
Ни мавры, ни католики (И. Г. Эренбург, 1964–1966).

² Примечательно, что в МАС [Евгеньева (ред.) 1999] сущ. *толика* снабжено пометой *устар.* (аналогичные пометы в [Ушаков (ред.) 1940] сопровождают прил. *толикий* и нареч. *толико*).

* * *

*Подскажите, синие томики,
начиненные пыльным порохом.
Искру, одну только искру!
Но дневное безумие дорого,
не подарят и малой **то́блики**,
целкнут внутренние задвижки* (М. Н. Айзенберг, 1992).

Обращает на себя внимание, что и в приведенных примерах, и в прочих поэтических текстах (по данным [НКРЯ] — Национального корпуса русского языка, ruscorgora.ru) авторы, начиная с Маяковского, используют почти исключительно вариант с ударением на первом слоге (*то́блика*), таким образом стихотворные примеры прямо противоречат рекомендациям нормативных словарей. При этом в массивах текстов с конца XVIII в. и на протяжении всего XIX в. обнаруживается, напротив, лишь *толи́ка*, и отступлений от такой акцентуации практически нет, ср.:

*Лиса глядь, глядь туда, сюда,
Как будто совести почувствуя улику.
«Всецедрый царь-отец! —
Ответствовала Льву с запинкой наконец. —
Индеек... малую **толи́ку**»* (И. И. Дмитриев, 1805).

* * *

*Органист идет, шатаясь,
Надрываясь с крику, —
Знать, для храбрости он выпил
Малую **толи́ку!*** (Л. Н. Трефолев, 1867).

Примеры из [НКРЯ] (ruscorgora.ru) также демонстрируют изобилие контекстов с краткими формами прилагательного *толикий* в значении ‘столький, столь многий, великий’ (и примыкавшего к нему наречия *толико* ‘столь, столько’), которые отражены в словаре В. И. Даля [Даль 2003: 681], а с пометой *старин.* отмечены и в словаре Д. Н. Ушакова [Ушаков 1940: 726], однако уже отсутствуют в МАС [Евгеньева (ред.) 1999] (до середины XX в. существительное *толика* не фиксировалось словарями; его падежные формы в ряде случаев совпадали с краткими формами прилагательного *толикий*). Ср.:

*Где мудрость такова и зрится толь велика,
Что истина уже ни в чем другом **толи́ка?***
(В. К. Третьяковский, 1750–1754).

* * *

Но добрый человек, честнейша тварь владыки,
Сам может без всего снискать хвалы **толи́ки**,
Самое похвалы и славы естество
Изображенное ценит в нем божество (Н. Н. Поповский, 1753–1754).

* * *

Тогда Ирида, зря премены в них **толи́ки**,
Приемлет глас и вид прелестной Лаодики (Е. И. Костров, 1787).

Ударение и в прилагательном, и в наречии фиксировалось таким образом: *толи́кий*, *толи́ко*; у Д. Н. Ушакова уже отдельно отмечено существительное *толи́ка*³ с пометой *разг.* и указанием «ср. толикий, толико» [Ушаков 1940: 726] — очевидно, что при появлении субстантива, когда связь с исходными формами еще явно осознавалась носителями языка, сохранялось и ударение на втором слоге. При этом создается впечатление, что в 30-х гг. XX в. пролегает некая невидимая граница, после пересечения которой место ударения изменилось радикально. С чем мог бы быть связан такой переход? Можно предположить, что, с одной стороны, с утратой в языке прил. *толикий* распалась и аналогическая связь, требовавшая сохранения ударения в существительном на том же слоге, что и в прилагательном (и наречии), а с другой стороны, возникла корреляция с современной формой наречия *то́лько* (восходящей к др.-рус. *толи́ко*). Также можно предположить, что дополнительную поддержку новое место ударения получает благодаря ассоциативной связи в сознании говорящих сущ. *то́лика* с сущ. *до́ля*, основанной, вероятно, на народно-этимологическом осмыслении фразеологизма *малая толика*⁴, ср.: «...не для себя старается, для барыг за долю малую» (х/ф «Место встречи изменить нельзя», 1979).

В настоящий момент в ОС слово *толика* представлено со следующими рекомендациями: «**толи́ка**: малая толи́ка ! не рек. то́лика» [Аванесов (ред.) 1983]. В БОС же [Касаткин (ред.) 2018] *толика* исключена из словника —

³ В. В. Виноградов полагал источником происхождения фразеологизма *малая толика* церковно-книжную и канцелярскую формулу *мало толико*, вошедшую в литературный обиход «гораздо ранее XVIII в.»; само же существительное *толика*, по мысли исследователя, является не полноценным, а лишь потенциальным (т. к. не употребляется вне сочетаний *малая* или (реже) *некоторая толика*) [Виноградов 1994]. Как было сказано выше, с последним утверждением нельзя согласиться — в поэтических текстах уже в середине XX в. в изолированном виде сущ. *толика* функционирует совершенно свободно.

⁴ Вопреки тому, что в большинстве случаев во фразеологизмах консервируются именно устарелые произносительные варианты, напр.: *пришла беда — отворяй ворота́*, *вор у ворá дубинку украл* и подобн.

можно предположить, что авторы сочли вопрос об акцентуации данного слова не представляющим проблемы. Нет этого слова и в школьном орфоэпическом словаре [Скачедубова 2020]. В словаре под ред. Н. А. Еськовой вариант с ударением на первом слоге признан *допустимым* наряду с основным (с ударением на втором слоге): «**то́лика** и *допуст.* **то́лика**: *ма́лая то́лика* и *допуст.* *ма́лая то́лика*» [Еськова (ред.) 2015].

Однако в ходе наблюдений над ситуациями спонтанных произнесений в живой речи отступления от акцентуации, заявленной в словарях в качестве предпочтительной, фиксировались постоянно (к тому же данное слово в разные годы попадало в тестовые задания ЕГЭ и ОГЭ, что повышало значимость разрешения вопроса о нормативном ударении). Для выяснения современной акцентуации лексемы *толика* и уточнения орфоэпических рекомендаций был проведен специальный орфоэпический эксперимент; в эксперименте участвовали 120 респондентов-москвичей во втором или третьем поколении. Испытуемым предлагалось прочитать некоторый текст большого объема (в контекст которого было включено слово *толика*, замаскированное таким образом, чтобы не привлекать к себе пристального внимания информантов). Респонденты, как это принято в современной орфоэпической и социолингвистической практике, были разделены на три группы по возрастному критерию: младшую (18–30 лет), среднюю (31–55 лет) и старшую (от 56 лет).

Результаты эксперимента представлены в таблице.

Начальная форма	Р. п. ед. ч. (словоформа в эксперименте)	Старш. группа	Средн. группа	Младш. группа
<i>толика</i>	<i>то́лики</i> <i>толи́ки</i>	80 % 20 %	90 % 10 %	100 %

Обработка результатов эксперимента продемонстрировала, что внутри каждой из трех возрастных групп предпочтение с огромным преимуществом отдавалось варианту с ударением на первом слоге (в младшей группе испытуемых вариант *то́лики* выбрали 100 % респондентов). Таким образом, сообразно с современным научным представлением о том, что одним из главных факторов, в соответствии с которым должно приниматься кодификационное решение, является распространенность варианта в речи образованных людей [Каленчук 2016; Каленчук, Савинов, Скачедубова 2017: 10], представляется важным 1) скорректировать орфоэпические рекомендации в словарях, отметив в качестве предпочтительного варианта тот, что поддержан узусом большинства литературно говорящих респондентов (а именно *то́лика*), 2) а также отразить лексему во всех основных орфоэпических словарях, в особенности — ориентированных на школьников.

Источники

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 26.10.2020).

Литература

- Аванесов Р. И. (ред.). Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова. Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1983. 704 с.
- Антонова О. В. Варианты акцентуации непроизводных имен существительных ж. р. с основой на *-а (-я)* // Произносительная норма в узусе и кодификации. Отв. ред. М. Л. Каленчук, Д. М. Савинов. М., 2020 (в печати).
- Виноградов В. В. История слов. М.: Толк, 1994. 1138 с. [Электронный ресурс]. URL: http://etymolog.ruslang.ru/vinogradov.php?id=malaja_tolika&vol=1 (дата обращения: 26.10.2020).
- Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. Т. IV. С–Я. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. 797 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 26.10.2020).
- Еськова Н. А. (ред.). Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / Н. А. Еськова, С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова; под ред. Н. А. Еськовой. 10-е изд., испр. и доп. М.: АСТ, Lingua, 2015. 1007 с. — С 1-го по 9-е изд. под ред. Р. И. Аванесова.
- Каленчук М. Л. Нормы произношения в живой речи и в словарях // Труды Отделения историко-филологических наук РАН / Отв. ред. В. А. Тишков. М., 2016. С. 262–270.
- Каленчук М. Л., Савинов Д. М., Скачедубова Е. С. Активные процессы в просодической системе русского языка: акцентуация прилагательных // Русский язык в научном освещении, № 2 (34). М., 2017. С. 9–28.
- Касаткин Л. Л. (ред.). Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты / М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина. 2-е изд., исправ. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2018. 1008 с.
- Скачедубова Е. С. Орфоэпический словарь русского языка. 9–11 классы. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. 352 с.
- Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка. Т. 4: С — Ящурный. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1940. 1502 стб.
-

References

- Antonova O. V. [Variants of accentuation of non-derivative feminine nouns with a stem in *-a (-ya)*]. *Pronunciation norm in usus and codification*. Ed. by M. L. Kalenchuk, D. M. Savinov. Moscow, 2020 (in print).

- Avanesov R. I. (ed.). *Orfoepicheskiĭ slovar' russkogo yazyka: proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy* [Orthoepic dictionary of the Russian language. Pronunciation. Accent. Grammatical forms]. S. M. Borunova, V. L. Vorontsova, N. A. Es'kova. Ed. by R. I. Avanesov. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1983. 703 p.
- Es'kova N. A. (ed.). *Orfoepicheskiĭ slovar' russkogo yazyka: proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy* [Orthoepic dictionary of the Russian language. Pronunciation. Accent. Grammatical forms]. N. A. Es'kova, S. M. Borunova, V. L. Vorontsova. Ed. by N. A. Es'kova. 10th edition, corrected and amended. Moscow, AST Lingua Publ., 2015. 1007 p.
- Evgenieva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. T. IV. S–Ya* [Dictionary of the Russian language: In 4 volumes. Vol. IV. S – Z]. RAS, Institute of Linguistic Research. 4th edition. Moscow, Russkii Yazyk Publ., Polygraphresursy Publ., 1999. 797 p. Available at: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (accessed 26.10.2020).
- Kalenchuk M. L. [Pronunciation norms in living speech and in dictionaries]. *Trudy Otdeleniya Istoriko-filologicheskikh nauk RAN*. Ed. V. A. Tishkov. Moscow, 2016, pp. 262–270. (In Russ.)
- Kalenchuk M. L., Savinov D. M., Skachedubova E. S. [Active processes in the prosodic system of the Russian language: accentuation of adjectives]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, no. 2 (34). Moscow, 2017, pp. 9–28. (In Russ.)
- Kasatkin L. L. (ed.). *Bol'shoi orfoepicheskiĭ slovar' russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka. Norma i ee varianty* [The comprehensive pronouncing dictionary of the Russian language. Standard pronunciation and stress in the early 21st century. Standard and its variants]. M. L. Kalenchuk, L. L. Kasatkin, R. F. Kasatkina. 2nd ed., corrected and amended. Moscow, AST-Press Shkola Publ., 2018. 1008 p.
- Skachedubova E. S. *Orfoepicheskiĭ slovar' russkogo yazyka. 9–11 klassy* [Orthoepic dictionary of the Russian language. 9–11 grades]. Moscow, AST-Press SCHOOL Publ., 2020. 352 p.
- Ushakov D. N. (ed.). *Tolkovyĭ slovar' russkogo yazyka. T. 4: S – Yashchurnyi* [Explanatory dictionary of the Russian language. T. 4: S – Yashchurnyi (*Festering*)]. Moscow, Gos. Izd-vo Inostr. I Nats. Slov Publ., 1940. 1502 col.
- Vinogradov V. V. *Istoriya slov* [History of words]. Moscow, Tolk Publ., 1994. 1138 p. Available at: http://etymolog.ruslang.ru/vinogradov.php?id=malaja_tolika&vol=1 (accessed 26.10.2020).

Если бы да «как бы»: опыт лексикографического описания

Дарья Александровна Горбунова, Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург), dgorbunova2@gmail.com

DOI: 10.31857/S013161170012873-9

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются различные лексические значения конструкции *как бы*, в частных случаях представляющей многочисленный класс единиц, прошедших процесс *прагматикализации*, — прагматический маркер. Прагматические маркеры практически утрачивают свое исходное лексическое и/или грамматическое значение и приобретают прагматическое, то есть выполняют в дискурсе только определенные *функции*. В ходе исследования на материале разговорной речи был подтвержден ряд словарных дефиниций, а также зафиксировано расширение функций *как бы* за счет хезитативных и дискурсивных употреблений, а также общая полифункциональность данной единицы. В ситуации анализа значения и функционирования *как бы* в качестве прагматического маркера, как нам кажется, корпусный подход представляется достаточно продуктивным методом работы, открывающим новые, не исследованные еще грани семантического потенциала лексической единицы. Источником лингвистических и статистических данных для исследования послужил корпус «Один речевой день», наиболее точно отражающий изменения современной устной речи последнего десятилетия. На основании статистического и лексико-семантического анализа употреблений *как бы* в корпусе были сделаны выводы об основных функциональных возможностях данной единицы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: прагматический маркер, психотип, речевой корпус, компьютерная лингвистика, устная спонтанная речь

для цитирования: Горбунова Д. А. Если бы да «как бы»: опыт лексикографического описания // Русская речь. 2020. № 6. С. 17–27. DOI: 10.31857/S013161170012873-9.

БЛАГОДАРНОСТИ: Подготовлено при финансовой поддержке гранта РФФ № 18-18-00242 «Система прагматических маркеров русской повседневной речи» и гранта РФФИ № 17-29-09175 «Диагностические признаки социолингвистической вариативности повседневной русской речи (на материале звукового корпуса)».

Issues of Modern Russian Language

Lexicographical Description of “*Kak By*” (*As Though*)

Daria A. Gorbunova, St. Petersburg State University (Russia, St. Petersburg),
dgorbunova2@gmail.com

АБСТРАКТ: The article is devoted to various lexical meanings of the construction *kak by (as though)* representing, in particular cases, a large class of units, which have undergone a process of pragmaticalization — pragmatic markers. Pragmatic markers almost lose their original lexical and / or grammatical meaning and acquire pragmatic meaning, in other words, they perform only certain functions in discourse. The study is based on the material from colloquial speech. It confirms several dictionary definitions, as well as the list of functions of *kak by (as though)* expanded by hesitant and discursive uses, in addition to confirmation of the general polyfunctionality of the unit. For analyzing the meaning and functioning of *kak by (as though)* as a pragmatic marker, the corpus approach seemed to be a rather productive method of work, opening up previously unexplored features of semantic potential of the lexical unit.

The source of linguistic and statistical data for the study was the “One Day of Speech” corpus, which most accurately reflects the changes in modern speech of the last decade. Based on the statistical and lexical-semantic analysis of the usage of *kak by (as though)* in the corpus, conclusions were drawn about the main functional capabilities of the discursive unit.

KEYWORDS: pragmatic marker, psychotype, speech corpora, computational linguistics, spontaneous oral speech

FOR CITATION: Gorbunova D. A. Lexicographical Description of “Kak By” (As Though). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 6. Pp. 17–27. DOI: 10.31857/S013161170012873-9.

ACKNOWLEDGEMENTS: This research is supported by the grant of Russian Science Foundation, project № 18-18-00242 “A system of pragmatic markers of Russian everyday speech” and by the grant of Russian Foundation for Basic Research № 17-29-09175 “Diagnostic features of sociolinguistic variability of everyday Russian speech (based on the material of the speech corpus)”

В настоящее время все более возрастает влияние разговорного дискурса на различные языковые процессы, и традиционная академическая лексикография, которая придерживается «отражения только тех фактов лексики и семантики, которые характерны для стандартного современного общелитературного, общеразговорного употребления как в его письменной, так и в устной форме; ничего индивидуального, ничего окказионального» [Герд 1990: 29–30], уже не справляется с обширным входящим потоком лексики. Наряду с академической лексикографией начинает формироваться традиция «речевой лексикографии», в рамках которой и выполнено настоящее исследование. Говоря словами М. Н. Приемышевой, пришло время перейти в описании устной речи от *лексикографии* (описания только лексики) — к *речеграфии* (описанию речи как дискурса) [Приемышева 2020]. Словарь в рамках речевой лексикографии должен отражать коммуникативное «поведение» слова, это должен быть «словарь активного типа» [Басалаева и др. 2020: 9]. Объектом описания в этом случае становится не только лексема как единица языка, но и различные единицы устной речи, как смысловые, так и функциональные — речевые, условно-речевые и неречевые (о принципах и содержании термина «речевая лексикография» см. [Осьмак 2014]).

Наиболее показательными в лексическом отношении являются как раз условно-речевые единицы звучащего текста [см. о них: Богданова-Бегларян 2014: 10]. В результате процессов грамматикализации и *прагматикализации* такие единицы проходят путь от самостоятельных единиц языка (лексем, словосочетаний, предложений) к прагматическим маркерам (ПМ): *это самое, (я) не знаю, (...) скажем (...), (я) (не) думаю (что),*

как бы и др. — и могут реализовывать множество функций, частично или полностью утрачивая свое лексическое и грамматическое значение. Такие единицы, как правило, не имеют лексикографической фиксации, их сложно встретить в письменных текстах (разве что в стилизациях устной речи или передаче речи персонажей в художественном произведении), а потому изучение такого рода единиц нужно проводить исключительно на живом устном материале.

Для лексикографического описания в настоящем исследовании был выбран один из наиболее частотных (5-й ранг в общем частотном списке) прагматических маркеров в устной спонтанной речи — единица-конструкция *как бы*. Источником лингвистического материала для анализа и описания данной единицы послужил корпус повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД), один из наиболее представительных на сегодняшний день ресурсов для анализа русского устного дискурса [Asinovsky et al. 2009; Русский язык... 2016; Bogdanova-Beglarian et al. 2019].

В. И. Новиков называет *как бы* символом нашей культурной эпохи, замечая, что это «словечко-паразит, обитающее исключительно в интеллигентских языковых организмах» [Новиков 1998: 140]. Примерно таким же статусом награждают *как бы* и недавние рассуждения психологов: словечко *как бы* появилось в русской речи в последние годы и получило «тотальное, почти эпидемиоподобное распространение. Распространено оно так широко и всеохватно, что можно уже говорить о целом поколении (и не одном уже поколении) — поколении *Как бы*. И для этого есть некоторые основания, и их не меньше, чем в тех случаях, когда говорят о поколении Next или о поколении Pepsi. По аналогии с этим можно, видимо, говорить и о сознании *Как бы*, и о культуре *Как бы*, и об образе жизни *Как бы*» [Вересов, Суортти 2008: 341]. Однако в последнее время по популярности эта конструкция уступила частотному в устной речи обычным носителям языка слову *типа*. Кто-то из лингвистов даже выразил это так: «На смену поколению *как бы* пришло поколение *типа*».

При этом речь явно идет не о кодифицированных словарных употреблениях, а о функциональных, прагматических, хотя на живом материале обнаружено много случаев, отражающих и традиционную словарную фиксацию данной конструкции. Рассмотрим эти кодифицированные употребления.

Как бы — 1) союз: при присоединении члена предложения со значением условно-предположительного сравнения; при присоединении придаточной части сложноподчиненного предложения (СПП), которая содержит недостоверное сравнение либо раскрывает содержание главной части; 2) *частица*: предположительность, условность высказывания [Ефремова 2006].

Как бы не — опасение, боязнь; **как бы то ни было** — во всяком случае, при всех условиях (МАС [Евгеньева (ред.) 1999]).

Как бы не так — выражение несогласия, возмущения, отказа; **как бы** — *частица*: условное предположение, союз: сравнение, опасение (БТС [Кузнецов (ред.) 1998]):

(1) *там / там / на самом деле вот / сейчас / двадцать человек / вот / ну точнее / двадцать процентов из ста / нормальные // восемьдесят процентов / либо (...) плохо образованные / либо кретины / либо пофигисты / ну / как бы это грубо ни звучало (И104)¹;*

(2) *но тебе ж дают то специально как бы под это (И109);*

(3) *да чую / блин / как бы не просидеть без толку (И100).*

Что касается словарного описания *как бы* на материале разговорной речи, в «Толковом словаре русской разговорной речи» (под ред. Л. П. Крысина) приведены следующие значения:

КАК БЫ

1) смягчает категоричность высказанного утверждения. *Эти «чернушки» как бы в стиле русского менталитета// (С. Корзун. Беседа о юморе в Интернете // Интернет, 2004); Я вот участвовал в нескольких избирательных кампаниях / меня просто поразила как бы доля участия / уж не здесь будет сказано / федеральной службы безопасности// (Заседание клуба «Новые правые» // Интернет, 2004); Давайте тогда так / мы поговорим немножко о творчестве / а потом переползём как бы на политику// (Д. Смирнова. ТВ, канал «Культура», «Школа злословия», 09.12.2003);*

2) может выступать как фигура скромности. (Отдавая курсовую работу руководителю): *Я курсовую как бы написала//; Я второй тур весь как бы слушала//; Я в походе как бы отвечаю за снаряжение;*

3) заполняет паузу при поиске нужного слова. *Поэтому вместо людей / лучше Богу поклоняться / потому что Бог / всё-таки выше наших мыслей / выше того / что мы можем сообразить / поэтому он всё равно как бы... не подведёт// (Пресс-конференция Б. Гребенщикова // Интернет, 2003);*

4) может полностью обесмысливаться в речи. *Мы запчасти как бы купили; Я вам перезвоню / у меня сейчас мама ученика как бы// [Крысин (ред.) 2017: 21].*

В исследуемом материале встретилось много заполненных при помощи *как бы* пауз при поиске нужного слова (пауз *хезитации*²):

¹ Здесь и далее все примеры из корпуса ОРД. Об особенностях орфографического представления материала в корпусе ОРД см.: Шерстинова и др. 2009; Русский язык... 2016: 242–243. Все примеры из этого корпуса в статье атрибутируются при помощи номера информанта (например, И120).

² Пауза, задержка в речи, которая возникает чаще всего при поиске нужной единицы или продолжения речи, в ходе преодоления возникшего коммуникативного затруднения или в иных ситуациях.

- (4) **как бы** в... знаешь... / знаешь / в какое бы говно ни был двигатель / мне кажется это вряд ли так... / двигатель... если он сутки считай простоит даже на (...) просто тупо на холоде (И16);
- (5) (а-а) ну (у-у) (у) **как бы** (э) / по идее / это это это наимено... наименование (э-у) компьютера / то есть у Хьюлета (а-э) каждый / ну / вот то что они выпускают там / да / это? (И78);
- (6) в ну в первой строчке пишете / бывает несколько человек отсутствует / поэтому там несколько (э-э) **как бы** и (...) несколько строчек предусмотрено (И84).

Однако оставшиеся значения при тщательном анализе употреблений явно показывают использование *как бы* в качестве маркера-аппроксиматора, т. е. и фигура скромности, и смягчение категоричности — это, скорее, семантические оттенки, которые в разговорной речи может иметь нечеткая номинация. Аппроксиматоры являются маркерами нечеткой, или приблизительной, номинации, которые употребляются говорящим, когда прямое название предмета, явления или положения дел является излишним, неуместным или невозможным [Подлеская 2013]. Конструкция *как бы* употребляется как «непрямой» способ сообщения и создает почву для развития специфических модальностей, присущих контекстам с данным словечком» [Урысон 2008]. Употребление конструкции *как бы* в качестве маркера-аппроксиматора является наиболее частотным дискурсивным употреблением (более 70 % случаев):

- (7) значит (...) **как бы** нырять / и плыть вперед (И120);
- (8) то есть было оборудование было тиски были **как бы** ну инструментари (И102).

Заметно, что информанты в контекстах (7) и (8) используют *как бы* в качестве своеобразной речевой «разминки», поначалу нечетко определяя предмет разговора с помощью маркера-аппроксиматора, нащупывая дальнейший путь и с каждым словом все более уточняя и поясняя то, о чем идет речь.

Обычно *как бы* не упоминается в ряду ксенопоказателей (ср., например [Левонтина 2020]). Однако, выступая в качестве аппроксиматора, *как бы* может сопровождать передачу чужой речи или просто информации, полученной от другого человека, т. е. частично брать на себя функции ксенопоказателя. Таких случаев в проанализированном материале было немного:

- (9) потом в итоге она меня спрашивает то же самое / **как бы** / что вот (э...э) зачем должны быть / были быть изначально вопросы (И116);
- (10) при при любом вот таком подозрении / просто **как бы** скажут / ну / извините / типа / нас же очень не любят сейчас (И83);

- (11) *потом они / а он еще потом постоянно меня звал / там что-то давай типа встретимся вдвоём уже / но я всё / как бы типа нет / меня ты извини* (И95).

Функция аппроксимации в употреблениях *как бы* нередко сопровождается *хезитацией*, что подтверждает присущую любому классу ПМ полифункциональность, ср.:

- (12) *ну вообще тайна эта уже / (м-м) ну как бы за / за (э-э) за год она (э) вот из разряда / я я тебе скажу / только ты никому не говори* (И118);

- (13) — *программист / (э-э) / но он / как бы не... / он интересуется философией / традиционалистскими учениями //*

— *ну да //*

— *Рене... Ренегенонам там /*

— *программист и понятия да / они близкие.*

Как бы в устной речи реализует различные варианты хезитации, порой в комбинации с другими подобными единицами.

- Вербальный хезитатив:

- (14) *сегодня мы должны как бы что-то решить с вами* (И38);

- Вербальный хезитатив с чистой хезитацией:

- (15) *то есть как бы (э...э) я надеюсь что до сих / ну до сих пор в общем как бы (...) на самом деле зауважал тебя / что ты так ответственно отнёсся //* и *как бы наде... надеюсь что / надеюсь что в дальней... ну на хрен / дальше ты как бы ну не бросишь меня здесь одного опять / и отработаешь* (И36).

В роли разграничительного маркера *как бы* может маркировать начало/финал фразы или инверсию, ср.:

- (16) — *у тебя будет мальчиковый рюкзак //*

— *слушай / вот вот сюда бы что-то вставить / просто знаешь / такое широкое //*

— *ну да //*

— *как бы по... ну посмотреть / чтобы не давило //* *то есть это () это () это самим можно (э)... можно поджопники подложить* (И78);

- (17) *мы на скалы ездили... в мою несчастную палатку набилось человек //* *десять //* *мы от дождя прятались там как бы* (И912);

- (18) *я не понимаю одного / Даш / это формально придуманные истории / как бы* (И45).

В целом из приведенных иллюстраций видно, что данный ПМ может встречаться многократно в одном, даже достаточно коротком, высказывании. А рядом с ним можно видеть множество других прагматических маркеров, выступающих в различных функциях и расширяющих исследуемую конструкцию:

- (19) ну работа **на самом деле как бы** / времени мало занимает / с одной стороны / а с другой стороны мы за за день пробегаем двадцать километров / пятнадцать двадцать километров (И104);
- (20) (э-э) ну **как бы** внутрь (э-э) заглянуть // и вот (э-э) на это тоже надо... ну вот ладно // значит / (э-э) про звук // про звук (И117).

Анализ расширенного материала (300 000 слов) позволил также увидеть некоторые особенности употребления ПМ *как бы* информантами с различным психологическим типом личности. Так, оказалось, что экстраверты употребляют³ *как бы* существенно реже, нежели интроверты (36 vs 64 %) (подробнее о методике эксперимента см. [Gorbunova 2017]).

Чаще всего эта конструкция в устной спонтанной речи полифункциональна и выступает в ряде своих дискурсивных, прагматических значений, зачастую расширяя состав элементов за счет других ПМ: *ну...ну, на самом деле, в общем* и т. п. Итоговая характеристика конструкции *как бы* как прагматического маркера в результате может быть следующей: маркер-аппроксиматор, разграничительный маркер всех трех типов — стартовый, навигационный и финальный, — гезитатив и (редко) маркер-кенопоказатель. Иными словами, *как бы* чаще всего выражает неуверенность в чем-либо, заполняет паузу или задержку в речи либо помогает начать или закончить высказывание.

В заключение еще раз процитируем В. И. Подлесскую: «Данные живой речи позволяют убедиться, что в тех случаях, когда говорящий испытывает трудности при подборе адекватной точной номинации или просто избегает точной номинации в силу тех или иных прагматических причин, он обычно использует целый комплекс сигналов разного уровня, которые предупреждают слушающего об этой ситуации» [Подлесская 2013: 642]. Список таких «сигналов», или «кластеров», достаточно объемен и разнообразен, исследуемое *как бы* находится в их числе, а словарь подобных единиц может быть очень полезен во многих теоретических и прикладных целях.

Литература

Басалаева Е. Г., Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А. Стилистическая квалификация разговорной лексики в Базе данных прагматически маркированной лексики русского языка // Повседневная речь как объект лексикографии (XIII Шмелевские чтения). Тезисы

³ Необходимо также учитывать, в каких значениях и в каких контекстах интроверты и экстраверты чаще употребляют маркер для более глубокого понимания специфики. В данной статье сделана попытка обобщенного анализа, детальный анализ находится в перспективе исследования.

- докладов международной конференции (23–25 февраля 2020 г.) / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: ИРЯ РАН, 2020. С. 9–10 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruslang.ru/doc/smelevskie-thesis.pdf> (2020).
- Вересов Н., Суортти Ю.* Поколение «Как бы» (некоторые размышления в перспективе культурно-исторической психологии) // Известия Академии педагогических и социальных наук, XII. Ч. 1. М., 2008. С. 341–350.
- Герд А. С.* Новый академический словарь – исходные позиции и ориентиры // Актуальные проблемы разработки нового академического словаря русского языка. Л., 1990. С. 29–30.
- Евгеньева А. П.* (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. К – О. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. 736 с.
- Ефремова Т. Ф.* Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2006. 1168 с.
- Крысин Л. П.* (ред.). Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 2. К – О. М.: Языки славянской культуры. М., 2017. 860 с.
- Кузнецов С. А.* (ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
- Левонтина И. Б.* Об арсенале ксенопоказателей в русском языке // Вопросы языкознания. 2020. № 3. С. 52–77.
- Новиков В. И.* Ноблесс оближ. О нашем речевом поведении // Новый мир. 1998. № 1. С. 139–153.
- Осьмак Н. А.* Лексические единицы повседневной разговорной речи: пути лексикографического описания их функционирования. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2014. 135 с. (машинопись).
- Подлеская В. И.* Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (2013) (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19): в 2 т. Т. 1. Основная программа конференции / Гл. ред. В. П. Селегей. М.: РГГУ, 2013. С. 631–643.
- Приемышева М. Н.* Разговорная лексика vs разговорная речь: тенденции и проблемы лексикографического описания // Повседневная речь как объект лексикографии (XIII Шмелевские чтения). Тезисы докладов международной конференции (23–25 февраля 2020 г.) / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: ИРЯ РАН, 2020. С. 58–59 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruslang.ru/doc/smelevskie-thesis.pdf> (2020).
- Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах.* Коллективная монография / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.
- Урысон Е. В.* Разговорные словечки КАК БЫ и КОНКРЕТНО // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «ДИАЛОГ 2009». Вып. 8 (15). 2009. С. 493–498.
- Шерстинова Т. Ю., Рыко А. И., Степанова С. Б.* Система аннотирования в звуковом корпусе русского языка «Один речевой день» // Формальные методы анализа речи: материалы XXXVIII Международной филологической конференции СПб.: Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 66–75.

- Asinovsky A., Bogdanova N., Rusakova M., Ryko A., Stepanova S., Sherstinova T. The ORD speech corpus of Russian everyday communication “One Speaker’s Day”: Creation Principles and Annotation / Matoušek V., Mautner P. (eds.). TSD 2009. LNAI, vol. 57292009. Berlin–Heidelberg, Springer, 2009, pp. 250–257.
- Bogdanova-Beglarian N. V., Blinova O. V., Sherstinova T. Ju., Troshchenkova E. V., Gorbunova D. A., Zaides K. D. Pragmatic markers of Russian everyday speech: the revised typology and corpus-based study. Proceedings of the 25th conference of open innovations association FRUCT (ed. by S. Balandin, V. Niemi, T. Tuytina). Helsinki, Finland, 2019, pp. 57–63.
- Gorbunova D. Spontaneous oral speech from the psycholinguistic side: Pragmatemes in the speech of informants with a different psychotype. *Communicative studies*, no. 4 (14), 2017, pp. 73–82.

References

- Asinovsky A., Bogdanova N., Rusakova M., Ryko A., Stepanova S., Sherstinova T. The ORD speech corpus of Russian everyday communication “One speaker’s day”: Creation principles and annotation (ed. by Matoušek V., Mautner P.). TSD 2009. LNAI, vol. 57292009. Berlin–Heidelberg, Springer, 2009, pp. 250–257.
- Basalaeva E., Bulygina E., Tripolskaya T. [Stylistic qualification of colloquial vocabulary in the Database of pragmatically marked vocabulary of the Russian language]. *Povsednevnyaya rech’ kak ob’ekt leksikografii (XIII Shmelevskie chteniya). Tezisy dokladov mezhdunarodnoi konferentsii* [Proc. of 13th Shmelev readings “Everyday speech as an object of lexicography”]. IRL RAS, 2020, pp. 9–10. (In Russ.). Available at: <http://www.ruslang.ru/doc/smelevskie-thesis.pdf> (2020) (accessed 22.09.2020).
- Bogdanova-Beglarian N. V., Blinova O. V., Sherstinova T. Yu., Troshchenkova E. V., Gorbunova D. A., Zaides K. D. Pragmatic markers of Russian everyday speech: the revised typology and corpus-based study. Proceedings of the 25th conference of open innovations association FRUCT (ed. by S. Balandin, V. Niemi, T. Tuytina). Helsinki, Finland, 2019, pp. 57–63.
- Efremova T. *Sovremenniy tolkovyi slovar’ russkogo yazyka* [Modern explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Astrel’, Harvest Publ., 2006. 1168 p.
- Evgen’eva A. P. (ed.). *Slovar’ russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. In 4 vol. Vol. 2. K – O. Moscow, Russkii Yazyk, Poligrafresursy Publ., 1999, 736 p.
- Gerd A. [New academic dictionary – initial positions and landmarks]. *Aktual’nye problemy razrabotki novogo akademicheskogo slovary russkogo yazyka* [Actual problems of development of a new academic dictionary of the Russian language]. Leningrad, 1990, pp. 29–30. (In Russ.)
- Gorbunova D. Spontaneous oral speech from the psycholinguistic side: pragmatemes in the speech of informants with a different psychotype. *Communicative studies*, no. 4 (14), 2017, pp. 73–82. (In Russ.)
- Krysin L. P. (ed.). *Tolkovyi slovar’ russkoi razgovornoj rechi* [Dictionary of the colloquial Russian speech]. Vol. 2. K – O. Moscow, Yazyki Slavianskoi Kultury Publ., 2017. 860 p.

- Kuznetsov S. A. (ed.). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [The great explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg, Norint Publ., 2008. 1536 p.
- Levontina I. [About xeno-markers in Russian]. *Voprosy Yazikoznania*, 2020, no. 3, pp. 52–77. (In Russ.)
- Novikov V. [Noblesse oblige. About our speech behavior]. *Novyi mir*, 1998, no. 1, pp. 139–153. (In Russ.)
- Osmak N. [Lexical units of everyday colloquial speech: ways of lexicographic description of their functioning]. PhD Thesis. St. Petersburg, 2014. 135 p. (typescript). (In Russ.)
- Podlesskaya V. [Fuzzy nomination in Russian colloquial speech: the experience of corpus research]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii "DIALOG 2013"* [Proc. of the International conference "DIALOG 2013": Computational linguistics and intellectual technologies]. Iss. 12 (19): in 2 vol. T. 1. Moscow, RGGU, 2013, pp. 631–643. (In Russ.)
- Priemysheva M. [Conversational vocabulary vs colloquial speech: tendencies and problems of lexicographic description]. *Povsednevnyaya rech' kak ob'ekt leksikografii (XIII Shmelevskie chteniya). Tezisy dokladov mezhdunarodnoi konferentsii* [Proc. of 13th Shmelev Readings "Everyday speech as an object of lexicography"]. RLI RAS, Moscow, 2020, pp. 58–59. (In Russ.) Available at: <http://www.ruslang.ru/doc/smelevskie-thesis.pdf> (2020) (accessed 22.09.2020).
- Russkii yazyk povsednevnogo obshcheniya: osobennosti funktsionirovaniya v raznykh sotsial'nykh gruppakh. Kollektivnaya monografiya* [Everyday Russian language: functioning features in different social groups. Collective monograph] (N. V. Bogdanova-Beglarian ed.). St. Petersburg, LAIKA Publ., 2016. 244 p.
- Sherstinova T., Ryko A., Stepanova S. [Annotation system in the sound corpus of the Russian language "One Day of Speech"]. *Materialy XXXVIII Mezhdunarodnoj filologicheskoy konferentsii* [Proc. of the XXXVIII International philological conference]. Faculty of Philology and Arts SPbSU, 2009, pp. 66–75. (In Russ.)
- Uryson E. [Colloquial words KAK BY and KONKRETNO]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii "DIALOG 2009"* [Proc. of the International conference "DIALOG 2009": Computational linguistics and intellectual technologies]. Moscow, RGGU, 2009, pp. 493–498. (In Russ.)
- Veresov N., Suortti J. [Generation "AS THOUGH": some considerations from the point of view of cultural-historical psychology]. *Bulletin of academy of pedagogical and social sciences*, 7. Moscow, 2008, pp. 341–350. (In Russ.)

Похоже ли *походу* на *похоже*?

Ирина Борисовна Левонтина, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), irina.levontina@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170012874-0

АННОТАЦИЯ: Тема слов-«паразитов» вызывает живейший интерес не только лингвистов, но и в еще большей степени обычных носителей языка. Сам термин «слова-паразиты» — из области культуры речи, а не дескриптивной лингвистики. Однако другого термина для обозначения соответствующего явления пока не нашлось. В лингвистике уже давно показано, что так называемые «паразиты» выполняют в языке множество полезных функций, а вредными паразитами становятся разве что при неумеренном употреблении. И семантически эти слова на самом деле не пусты. В языке постоянно действует механизм обновления. Это характерно и для «слов-паразитов» — мода на них часто меняется. С некоторых пор в моде словечко *по ходу*: *Ты что по ходу совсем дурак?*; *А у тебя по ходу самое длинное сочинение*. Существует распространенное мнение, что *походу* — это испорченное *похоже*. Действительно, во многих примерах *походу* можно заменить на *похоже*. Однако это не всегда так. В частности, *походу* свободно употребляется в специальных вопросах и при императивах, что для *похоже* невозможно. Кроме того, наблюдения за живой речью показывают, что перед появлением дискурсивного *походу* активизировалось выражение *по ходу дела* и вариант *по ходу пьесы* — как с обстоятельственным, так и с ослабленным дискурсивным значением. В статье приводятся и другие аргументы против интерпретации *походу* как испорченного *похоже*.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: семантика, культура речи, спонтанная речь, слова-«паразиты», паронимическая аттракция, внутренняя форма

для цитирования: Левонтина И. Б. Похоже ли *походу* на *похоже*? // Русская речь. 2020. № 6. С. 28–39. DOI: 10.31857/S013161170012874-0.

благодарности: Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 19-012-00291.

Issues of Modern Russian Language

Are the Words *Pokhodu* and *Pokhozhe* Similar?

Irina B. Levontina, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)
(Russia, Moscow), irina.levontina@mail.ru

ABSTRACT: Parasite-words, or fillers, are of keen interest not only to linguists, but also to ordinary native speakers. The term parasite-words itself originates from the field of speech culture, not descriptive linguistics. However, no other term has yet been found to denote the corresponding phenomenon in Russian language. In linguistics it is well-known that so-called ‘parasites’ perform many useful functions in the language and become harmful only when used excessively. Moreover, semantically, these words are not meaningless. The language is constantly updating. This is also typical for parasite-words — the fashion for them often changes. For some time now, a word *pokhodu* has been in vogue: *A ti pokhodu sovsem durak? (You are, like, a complete idiot, aren’t you?); A u tebya pokhodu samoye dlinnoye sochineniye (Your essay is, like, the longest one)*. It is believed that *pokhodu* is a distorted word *pokhozhe* (‘it seems’). Indeed, in many examples, *pokhodu* can be replaced with *pokhozhe*. However, this is not always the case. In particular, *pokhodu* is freely used in special questions and imperatives, which is impossible for *pokhozhe*. In addition, observations of the real oral discourse show that before the discursive *pokhodu* appeared, expression *po khodu dela* (‘on the fly’) and its variant *po khodu p’yesy* became more active — both with adverbial and weakened discursive meaning. The article also provides other arguments against interpreting *pokhodu* as distorted *pokhozhe*.

KEYWORDS: semantics, speech culture, spontaneous speech, parasite-words, paronymic attraction, inner word form

FOR CITATION: Levontina I. B. Are the Words *Pokhodu* and *Pokhozhe* Similar? Russian Speech = Russkaya Rech’. 2020. No. 6. Pp. 28–39. DOI: 10.31857/S013161170012874-0.

ACKNOWLEDGEMENTS: This research is supported by the grant of Russian Foundation for Basic Research № 19-012-00291.

Тема слов-«паразитов» вызывает живейший интерес не только лингвистов, но и в еще большей степени обычных носителей языка. По телевидению и радио постоянно говорят о том, что эти словечки необходимо искоренять, что они засоряют нашу речь, что в речи культурного человека их быть не должно. Считается, что так называемые слова-«паразиты» (*эээ, вот, ну, это, это самое, значит, вроде, как бы, типа, так сказать, можно сказать, понимаешь, будем говорить, грубо говоря, можно сказать, кстати, кстати говоря, между прочим, походу, в общем, в общем-то, да?, ну вот, так вот, короче, и всё такое, вот это всё, вернее, точнее, такое, там...*) человек употребляет, когда ему не хватает нормальных слов, как в песне из фильма «Карнавальная ночь»: *Я не знаю, как начать, / В общем, значит, так сказать...*

«Паразитам» посвящено множество научных [например, Дараган 2000, 2002, 2003, Долгов, Лейнонен 1988, Хуршудян 2006, Шмелев 1998, 2004, 2005, Levontina, Shmelev 2007, Šmelev, Protassova 1998, Swerts 1998] и научно-популярных [например, Северская 2004, Левонтина 2010, 2016] работ.

Сам термин «слова-паразиты» — конечно, из области культуры речи, а не дескриптивной лингвистики. Однако в лингвистике другого термина для обозначения соответствующего явления пока не нашлось. Ю. Дараган в работе «Функции слов-“паразитов” в русской спонтанной речи» специально отмечает «факт отсутствия устоявшегося “научообразного” термина. После того, как в конце 60-х — начале 70-х гг. повысился интерес к спонтанной речи и, в частности, к явлениям речевого колебания, в литературе появился ряд терминов, таких, как “незнаменательная лексика”, “лишние слова” [Сиротинина 1971: 71, 73], “пустые частицы” [Розанова 1983: 36], “вставные элементы” [Ладыженская 1985], “слова-заменители” [Земская 1987: 91] (имеются в виду заполнители пауз хезитации), однако термины эти не прижились» [Дараган 2000]. Я уже не говорю о таких сугубо оценочных определениях, как «упаковочный материал» и «словесная шелуха» [Веселитский 1965; Успенский 1976].

В лингвистике уже давно показано, что так называемые «паразиты» выполняют в языке множество полезных функций [см., например, Дараган 2000, 2002, 2005], а вредными паразитами становятся разве что при неумеренном употреблении. И семантически эти слова на самом деле не пусты; в работе [Levontina, Shmelev 2007] мы назвали это явление “false emptiness” (мнимая пустота).

В спонтанной речи человек не всегда успевает сформулировать свою мысль, ему приходится останавливаться, чтобы подумать или подыскать подходящее слово. Конечно, можно замолчать и держать паузу до тех пор, пока вы не придумаете абсолютно гладкую фразу. Но тогда есть риск потерять контакт с собеседником или дать ему перехватить инициативу

в диалоге. Вот тут и приходят на помощь всевозможные *эээ, мэээ, ну, это* и так далее. Это своего рода сигналы: я здесь, я на связи, сейчас уже скажу, ждите ответа. Кроме того, в режиме цейтнота не всегда удается найти самое подходящее слово и приходится удовлетворяться более или менее подходящим. Многие слова-«паразиты» — *вроде, типа, как бы* и так далее — имеют именно такую функцию: мол, слово, может, и не совсем подходящее, но другое что-то пока в голову не приходит. Н. Н. Розанова уже давно указала на еще одну функцию слов-«паразитов» — ритмическую организацию фразы [Розанова 1983]. Кроме того, человеку трудно начать речь, вступить в словесный контакт. Вот мы и говорим *А можно войти?*, а не просто *Можно войти?* Как будто мы уже до этого с человеком разговаривали, а сейчас просто хотим сменить тему. Да и закончить речь непросто, именно поэтому люди так часто в конце фразы прибавляют ни к селу ни к городу: *во-о-о-т* или еще что-нибудь в этом роде. Скажем, как в русском переводе «Над пропастью во ржи» — трогательно-беспомощное *и всё такое...* Сейчас, кстати, в моде вариант *вот это всё...*, до него — *как-то так...*

Соответственно, наличие в речи слов-«паразитов» — это своего рода знак естественности, неподготовленности речи. У Грибоедова сказано о Чацком: *И говорит как пишет!* — но хорошо ли принимаются его пламенные монологи? Часто собеседник гораздо лучше воспринимает, если говорящий прямо на его глазах и вместе с ним формулирует мысль, ищет слово. Этот эффект знаком любому преподавателю. Если просто отбарабанить готовый текст, никто ничего не усвоит. Гораздо лучше, если слегка имитировать спонтанность: остановиться, призадуматься, как бы поискать слово; ученик тогда будет думать вместе с преподавателем, тоже искать это слово — и поймет и запомнит мысль гораздо лучше.

Любое из, на первый взгляд, бессмысленных слов-«паразитов» на самом деле имеет свой особый смысл, и все они друг от друга отличаются. Кажется, что неважно, пересыпает ли человек свою речь бесконечными *так сказать* или предпочитает *это, типа* или *как бы*. В действительности это совсем разные люди. Например, человек, который через слово говорит *это*, — это человек, которому вообще каждое слово дается с трудом, это тугодум, или, как теперь говорят, тормоз. Напротив того, *так сказать* — точнее обычно *тскасть* — часто говорят люди, которые за словом в карман не лезут, говорят очень быстро и с помощью этого *тскасть* пытаются расчленивать свою речь на отрезки, чтобы облегчить слушателю понимание.

Можно предложить такую классификацию слов-«паразитов»:

- Заполнители пауз и показатели затруднения: *э, ну, это, это самое*
- Маркер неуверенного начала: *А...*
- Показатели неточности: *как бы, типа, вроде, так сказать, там*
- Показатели незавершенности: *...и всё такое, и так далее и тому подобное, вот это всё, как-то так*

- Сигналы исправления и зачеркивания: *ой, тьфу, фу, то есть, вернее, точнее*
- Средства организации разметки текста: *так вот, ...воот, кстати, между прочим, в общем, вообще(-то), короче*
- Сигналы проверки контакта: *понимаешь, прикинь, ...да?*

В упомянутой выше нашей с А. Д. Шмелевым работе 2007 г. было высказано важное для нас соображение: в каждом отдельном случае такое слово может быть опущено и содержание как будто не пострадает. Однако в совокупности такие слова являются неотъемлемой принадлежностью устной речи, обеспечивая успешность коммуникации и придавая речи естественность и индивидуальность. При этом было бы неверно считать, что подобное слово каждый раз конкретно указывает на то, что такая-то часть высказывания, например, недостоверна, неинформативна и т. п. Это некие словесные жесты, передающие определенную установку говорящего: мол, не предъявляйте ко мне повышенных требований. Смысл таких слов нередко оказывается разлитым по тексту, сообщая ему определенную тональность.

В языке постоянно действует механизм обновления: людям надоедают одни и те же слова, хочется чего-то новенького. Старые слова затираются, новые кажутся яркими и свежими. Потом и они приедаются, и снова откуда-то берутся новые. Это особенно хорошо видно на всевозможных формулах речевого общения: у каждого поколения свои коммуникативные обыкновения. Это характерно и для слов-«паразитов» — мода на них часто меняется. С некоторых пор в моде словечко *по ходу*: *Ты что по ходу совсем дурак?*; *А у тебя по ходу самое длинное сочинение.*

Один из ранних и очень концентрированных случаев употребления этого выражения находим в «культовом» фильме «Бумер» (2002):

По ходу / кто-то цемкнул / что мы у Кулибина были. <...> Я уже Саньчу отзвонил / у него на даче отсидимся. Ситуация / по ходу / серьёзная. <...> Тишина какая-то. <...> Да / по ходу / пробивоны. Вычисляют / где мы. <...> Ничё се / вы мне такое говорите! Укачало вас / по ходу? <...> Ну чё / по ходу / к Саньчу лукавить без мазы. <...> Автоответчик срabатывает. Надо ехать / он там по ходу. <...> У них там две фуры стоят / я к ним подходил / они сладкие по ходу. <...> Тёма / да там по ходу / водяра в ящиках. <...> Тихонько / тихонько. [Машина забуксовала.] <...> Всё / сели по ходу. <...> Петь / давай назад потихоньку / а потом вперёд в натяг. Тока сильно не газуй. <...> Слышь / Килл / да она умерла по ходу (К/ф «Бумер», 2002).

Кстати, очень возможно, что «Бумер» стимулировал моду на это выражение.

Походу — слово довольно вульгарное. Правда, в молодежном сленге сейчас почти общепринятое, да и вообще за последние годы его стилистическая окраска несколько стерлась.

У *по ходу* часто встречаются, особенно в интернет-коммуникации, орфографические варианты *походу* и *по-ходу*. Однако, в отличие от вариантов

сходных слов — *кагбэ, типо* и *кароч*, девиантные написания у *по ходу* пока не закрепились жестко за дискурсивными употреблениями (но такая тенденция есть, особенно у людей, владеющих нормами орфографии); ср. написания *походу* в недискурсивных употреблениях:

Но не всё так просто... походу расследования журналист понимает что это было не убийство а САМОУБИЙСТВО (hip-hop.ru/forum/post552078-n82/).

4. *Походу* изложения вопросов не пытайтесь дословно записать все, что говорит преподаватель (zfkai.ru/sveden/files/SRS_OUD.02_15.01.05.pdf).

Походу изложения материала автор может ссылаться на других авторов, всевозможные источники (документы, карты, таблицы, схемы и т. д.) (lectmania.ru/1xc248.html).

Приведем примеры дискурсивного использования *походу*:

Неделю назад мне подтвердили, что 9 ноября последний день тренировки. Пришел сегодня, оказалось, что я дурак и у меня уже все закончилось. *Походу* значит и тот Администратор не прав (коллективный). Отзывы о спортивном клубе Джем спорт, 2012–2014).

[Roberta, жен] *И надо ехать на дачу, закруглять «стройку», а там по агентурным данным «конь не валялся»... и придёт трындец моему так нелегко добытому спокойствию : (Короче, деньги кончились, кухня походу только в следующем году :) (коллективный. Форум: Аппрейд дачной кухни, 2011–2013).*

[Ianika, nick] *С целью, что умные и знающие люди написали, что знают о таких делах... а ты походу не особо одаренная, если что!!!! (коллективный. Форум: Помогите пожалуйста! Расскажите про СИЗО №4. Москва!, 2012).*

[hoseraul, nick] *Подмосковье — самый богатый регион в ЗАМКАДье. Уж поверьте мне!* [designermars, nick] *Ты в других регионах не был походу. Сразу видно.* [ortovick, nick] (коллективный. Форум: Разорять область они не боялись, а книжку бояться, 2011).

Походу исходно принадлежит к другой группе слов-«паразитов», чем *как бы* и *типа*, в основе значения которых лежит указание на неточность номинации. *Походу* по своей внутренней форме стоит в одном ряду с *между прочим* и *кстати*, которые указывают на то, что говорящий уклонился от основной темы своего сообщения. Собственно, по своей внутренней форме *походу* — то же, что английское *by the way*. Если говорящий хочет снять с себя ответственность, очень удобно на всякий случай пересыпать речь словечками, которые помогают сделать вид, что вот это говорится так, между делом, как будто вообще-то человек открыл рот, чтобы сказать нечто важное, просто случайно отвлекся на что-то другое. Постепенно в выражении *по ходу*, конечно, остается лишь слабый след первоначальной идеи, придающий высказыванию просто некоторую необязательность; поэтому *кстати* и *между прочим*, которые подверглись смысловому опустошению в гораздо меньшей степени, в приведенных фразах неуместны (в то же время *как бы* и *типа* в своих самых стертых употреблениях в этих фразах как раз возможны, хотя в ядерных контекстах *как бы* и *кстати* сильно различаются).

Существует распространённое мнение, что *походу* — это испорченное *похоже*:

А откуда это взялось «походу (по ходу?)» вместо «похоже». Раньше такого не замечала в разговорной речи. И не жаргон, вроде (lady.mail.ru/Форум)..._pohodu_vместо_pohozhe).

Уже около полугода постоянно слышу употребление «походу» вместо «похоже». Употребляется повсеместно: подростками (практически поголовно) (rus.proz.com/forum/russian/161086-»походу...похоже...).

Это мнение представлено и в Викисловаре:

походу I. 1. жарг. то же, что похоже; по-видимому, вероятно, наверно, предположение чего-либо ◆ Вообще, в ветке той идёт разговор о том, что есть большие и маленькие раци, дык вот, маленькие не сработали, походу, пришлось пользоваться плохими большими, их и слушали\писали. ◆ Ну ко мне у тебя и так уже неприязнь походу...

Синонимы похоже, по-видимому, вероятно, наверно, кажись (разг.), видимо, кажется (<https://ru.wiktionary.org/wiki/походу>).

Так же считают и некоторые лингвисты.

Действительно, во многих примерах *походу* можно заменить на *похоже*: *Набираю в гугле «что делать», найдено 11 900 000 результатов. по ходу проблема очень актуальна...*

По-ходу забился бензиновый фильтр в машине. Не завелся.

Каждый раз после визита к родителям (что своих, что жены) у меня в голове крутится один вопрос, по ходу не имеющий ответа: «зачем, НУ ЗАЧЕМ?! Ну вот нафига я ТАК ОБОЖРАЛСЯ?!»).

И написала Насте в 23 часа, что МОЖЕТ не поеду (почему я выделяю «может», потому что по ходу Настя именно этого слова не заметила).

Походу я правда ф-ленты сильно засоряю.

Но сейчас-то я ничего не пишу. И поэтому через два года я, может, пролистать страницу в 20 постов и скажу «ээ, чувак, да я так посмотрю с 2007 по 2009 ты ваще ничерта не делал походу».

В других случаях *походу* можно «дотягивать» до *похоже*, но в реальности говорящие, скорее всего, не имели в виду указания на предположительность:

Я по ходу заболела. Температура маленькая, но голову долбит конкретно!

Есть ли здесь идея, что говорящая не уверена, что заболела, а просто ее состояние сходно с таким, какое бывает в начале болезни? Сомнительно. Скорее она вполне уверена, но не хочет, чтобы ее сообщение звучало слишком весомо. Еще более сомнительно, что говорящие высказывают свои предположения, в следующих примерах:

Был отвратительный вечер, по пьяному делу люди расплатились с официанткой, а та походу воспользовалась и попросила расплатиться их еще раз. В хлебопечке сварил варенье из мякоти мандаринок, а потом подумал и из шкурки тоже. Первое вкусно кушать ложкой, второе походу хорошо на заначку пустить для какой-нибудь вкусняшки.

Наконец, есть случаи, где *походу* никак не заменяется на *похоже*:

В городе Н как-то все дует и красный восход не впечатляет. На набережной дубак по ходу.

я ходила на кастинг / чтобы быть промоутером / таким / не каким-то там промоутером / они походу разные бывают / а тем / который впаривают людям всякую фигню за подарки дурацкие

Но раз есть такая зарядка для iPhone (причем официальная, походу), почему не быть для других телефонов?

В частности, *походу* свободно употребляется в специальных вопросах и при императивах, что для *похоже* невозможно:

кстати, просвети походу, зачем на выходе построена цепь R17 R18 C11 а ты походу откуда такая появилась????))))))расфуфыренная????))))))))))

Ты походу чем думаешь, бесстыдница?

И, походу, почему каналы вдруг пропадают).

Конечно, можно заподозрить, что такие употребления появились поздно, уже на том этапе, когда *походу* совсем стерлось. Однако следующие примеры довольно ранние:

[№ 2, жен, 19] *Скажи / почему именно джаз? [№ 1, муж, 21] Честно / никогда об этом не думал... Ммм... Наверное / потому / что это... красивая / спокойная музыка / спокойная в плане / как бы / отношения к жизни что ли / вот... Во / загнул / ну я / по ходу / так считаю. [Усмехается.] [№ 2, жен, 19] Интересная точка зрения... (Интервью с участником проекта «Гражданская смена» // Из коллекции НКРЯ, 2006).*

[Вова, муж] *Короче / вигвам этот они нашли / Купер в него вперся и походу потерялся там навсегда / среди красных бархатных занавесов (Обсуждение фильмов // Из коллекции НКРЯ, 2006).*

Да и уже процитированный пример о промоутерах, которые *походу* разные бывают, относится к 2009 г.

Еще один аргумент против интерпретации *походу* как испорченного *похоже* состоит в том, что непонятно, как такое было бы технически возможно. Слово *похоже* имеет абсолютно прозрачную внутреннюю форму, и странно было бы его «переразлагать». Кроме того, *похоже* не труднопроизносимое слово, артикуляционно и семантически оно никак не сложнее, чем *походу*. Для сравнения возьмем, например, часто звучащее выражение *до белого колена* вместо *до белого каления*: *колена* — и фонетически более простое, и более привычное слово, отсюда и искажение. Или, скажем, весьма частотное сочетание *холерный эмбрион* вместо *холерный вибрион*, где малоизвестное слово подменяется созвучным более известным. Стоит также отметить и еще один источник искажений — языковую игру, каламбур, как в популярном слове *устаканиться* вместо *успокоиться* или в сленговом *по чесноку* (*по чесноку*, *по чесноку* и т. п.)¹. Однако в этом

¹ На этот случай обратил мое внимание рецензент журнала «Русская речь».

случае нужно, чтобы замена была забавной, парадоксальной: обычно абстрактное подменяется конкретным, часто сниженным, — говорящие понимают, что тут игра, и делают это «для веселья» (хотя, в принципе, постепенно шутовство может со временем пропадать). В случае же с *похоже* и *по ходу* ни для какого каламбурного эффекта материала нет.

Наконец, наблюдения за живой речью показывают, что перед появлением дискурсивного *походу* активизировалось выражение *по ходу дела* и вариант *по ходу пьесы* — как с обстоятельственным, так и с ослабленным дискурсивным значением.

Приведем примеры употребления этих выражений в значениях, сходных с *между тем, попутно, между делом, в рабочем порядке*:

[Сергей Лавров, муж] *Времени до девятого мая ещё немало / подтверждения участия продолжают поступать. Будем вас по ходу дела информировать* (Ежегодная пресс-конференция С. В. Лаврова, 2015).

[Н., жен, 37] *Ага/ немножечко растопим.* [П., жен, 70] *Угу.* [Н., жен, 37] *По ходу пьесы.* [П., жен, 70] *Хорошо. Вместе когда будет картошка / тогда и растопить масло* (Разговор знакомых // Из материалов Саратовского университета, 1985).

Походу пьесы, между делом, вопрос решить не удалось. Поэтому целенаправленно позвонил хозяину фирмы, который возит и обслуживает котлы (<https://imhodom.ru/forums/reply/pohodu-pesy-mezhdu/>).

— *Выбрали себе нового начальника — или потом разберетесь походу пьесы?* (forum28/st/150/topic2155158.html).

Само *походу* тоже может так употребляться:

[mihin, nick] *Основное-то понятно. а с мелочами походу можно разобратца. и результат неплох вчера был* (коллективный. Форум: 3.11 или 6.11, 2011).

И ещё один вопрос походу, почему русские бегут из Средней Азии в Россию, а из Прибалтики никто не бежит, хотя в Прибалтике русофобия страшнейшая? Забыл походу, зачем пошел.

Конечно, интерпретацию этого примера тоже можно «дотягивать» до *похоже*, но на самом деле очевидно, что тут другой смысл: человек точно знает, что забыл, он вовсе не хочет сказать, что он вроде бы забыл.

Теперь приведем примеры дискурсивных употреблений *по ходу дела* и *по ходу пьесы*:

[С., муж] *Ну там как бы учебный центр сделали / по ходу дела / эМВэДэ* (Разговор по телефону с приятелем // Из коллекции НКРЯ, 2009).

[Анастасия З., жен, 19] *Водолазку я не могу найти / она по ходу дела у матери* (Разговор двух девушек о выборе одежды // Из коллекции НКРЯ, 2008).

[Zergling, nick] *Ибо когда я выносил бандитов, мои 6 доблестных скелетов гоблинов не нанесли ему и царапины! Походу дела мужик бессмертный.* [Юлька, nick] *Останавливаться не собирался* (Приколы в Готике-2 (форум), 2004).

Кошка действительно голодная, походу пьесы, не кормлена со вчерашнего дня. (https://zen.yandex.ru/media/elena1210_-kak-ia-stala-tretim-shturmanom-boiko-ev-na-celyi-chas-5ad2995761049348b6c06eaf).

Говори, да не заговаривайся. Ты что знаешь о тех временах и событиях? **Походу дела** даже вики не читал (forums.drom.ru/Гараж:t1152308498-p1150.html). Следим за Ираном... **По ходу дела**, начинается нешуточная движуха (<http://politikus.ru/events/60454-sledim-za-iranompo-hodu-dela-nachinaetsya-neshutochnaya-dvizhuha.html>).

Как мы видим, функционально эти употребления аналогичны «паразитическим» употреблениям *походу*, только на них почему-то обычно не обращают внимания.

Итак, считать, что *походу* — испорченное *похоже*, оснований не больше, чем считать, что это калька английского *by the way*. Это типичная народная этимология. Возможно, на ее популярность повлияла сцена из знаменитого фильма «Квартета И» «О чем еще говорят мужчины» (2011):

Слушай, а че это такое — «походу»?

— В смысле?

— Ну вот ты сейчас сказал: «Походу да» — че это значит?

— Ну, типа да, похоже да, а что?

— А че вот так вот сразу не сказать — похоже да?

— Я не знаю, походу все так говорят, а че?

Однако, как свойственно народной этимологии, появившись, она начинает оказывать обратное влияние на семантику слова, и между *походу* и *похоже*, видимо, происходит паронимическая аттракция.

Литература

- Веселитский В. В. «Упаковочный материал» // Наша речь. Как мы говорим и пишем. М.: Знание. 1965. С. 77–79.
- Дараган Ю. В. Функции слов-«паразитов» в русской спонтанной речи // Труды Международного семинара «Диалог'2000» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Теоретические проблемы. Протвино: Наука, 2000. С. 67–73.
- Дараган Ю. В. Риторическая структура текста и маркеры порождения речи // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международного семинара «Диалог'2002». Т. 1. Теоретические проблемы. Протвино: Наука. 2002. С. 114–127.
- Дараган Ю. В. Паразитизм или симбиоз: механизм преодоления коммуникативных сбоев и обслуживающие его вербальные средства // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции «Диалог'2003». Протвино: Наука, 2003. С. 116–125.
- Долгов И., Лейнонен М. Употребление частицы *вот* в русской разговорной речи // *Scandoslavica*, 34. 1988. С. 127–146.
- Земская Е. А., Капанадзе Л. А. (ред.). Русская разговорная речь: Тексты. М.: Наука, 1978. 307 с.
- Земская Е. А. Морфология // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983. С. 80–118, 135–141.

- Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей: Коммуникативно- культурологический аспект. М.: Русские словари, 1999. 493 с.
- Левонтина И. Б. Русский со словарем. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010, 365 с.
- Левонтина И. Б. О чем речь. М.: АСТ Corpus, 2016. 507 с.
- Розанова Н. Н. Суперсегментная фонетика // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983. С. 5–79.
- Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М.: Просвещение, 1974. 144 с.
- Северская О. И. Слова-паразиты // Наука и жизнь. 2004. № 5.
- Успенский Л. В. Культура речи. М.: Знание, 1976. 96 с.
- Хуршудян В. Г. Средства выражения хезитации в устном армянском дискурсе в типологической перспективе. Диссертация... кандидата филологических наук. Москва. Manuscript, 2006.
- Шмелев А. Д. Слова-паразиты и их роль в построении дискурса // *Русский язык в контексте современной культуры*. Екатеринбург: УрГУ, 1998. С. 151–153.
- Шмелев А. Д. «Заполнители пауз» как коммуникативные маркеры // Жанр интервью: Особенности русской устной речи в Финляндии и Санкт-Петербурге. Tampere: Slavica Tamperensia VI, 2004.
- Шмелев А. Д. Показатели хезитации в устной русской речи // Язык. Личность. Текст. Сборник статей к 70-летию Т. М. Николаевой. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 518–529.
- Levontina I. B., Shmelev A. D. False emptiness: Are so-called “parasitical words” really semantically void? // Kim Gerdes, Tilmann Reuther, Leo Wanner (eds.). Meaning – Text Theory 2007. Proceedings of the 3rd International Conference on Meaning-Text Theory. Klagenfurt, May 20–24, 2007. Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 69, München – Wien, 2007.
- Šmelev A., Protassova E. «Хмыканье» и «меканье» в русской речи. In [CD-ROM:] *Aikalainen. Professori Arto Mustajoen juhlateos*. Helsinki. 1998.
- Swerts M. Filled pauses as markers of discourse structure. *Journal of Pragmatics*, 1998, 30, pp. 485–496.

References

- Daragan Yu. V. [Functions of “parasitical” words in Russian spontaneous speech]. Trudy Mezhdunarodnogo seminarina Dialog’2000 po komp’yuternoi lingvistike I ee prilozheniyam. T. 1. Teoreticheskie problemy. Protvino, Nauka Publ., 2000, pp. 67–73. (In Russ.)
- Daragan Yu. V. [Rhetorical structure of the text and markers of speech generation]. Komp’yuternaya lingvistika i intellektual’nye tekhnologii. Trudy Mezhdunarodnogo seminarina Dialog’2002. T. 1. Protvino, Nauka Publ., 2002, pp. 114–127. (In Russ.)
- Daragan Yu. V. [Parasitism or symbiosis: a mechanism for overcoming communication failures and verbal means that serve it]. Komp’yuternaya lingvistika i intellektual’nye tekhnologii. Trudy Mezhdunarodnoi konferentsii Dialog’2003. Protvino, Nauka Publ., 2003, pp. 116–125. (In Russ.)

- Dolgov I., Leinonen M. [The use of the particle “vot” in Russian colloquial speech]. *Scandoslavica*, 34, 1988, pp. 127–146. (In Russ.)
- Khurshudyan V. G. [Means of expressing hesitation in the oral Armenian discourse in a typological perspective]. *Dissertatsiya... kandidata filologicheskikh nauk*. Moscow, Manuscript, 2006.
- Kitaigorodskaya M. V., Rozanova N. N. *Rech' moskvichei: Kommunikativno-kul'turologicheskii aspekt* [Speech of Muscovites: Communicative and cultural aspect]. Moscow, Russkie Slovarei Publ., 1999. 493 p.
- Levontina I. B. *Russkii so slovarem* [Russian with a dictionary]. Moscow, Izdatel'skii tsentr “Azbukovnik”, 2010. 365 p.
- Levontina I. B. *O chem rech'* [What is the speech about]. Moscow, AST Corpus Publ., 2016. 507 p.
- Levontina I. B., Shmelev A. D. False emptiness: Are so-called “parasitical words” really semantically void? Kim Gerdes, Tilmann Reuther, Leo Wanner (eds.). *Meaning – Text Theory 2007*. Proceedings of the 3rd International Conference on Meaning-Text Theory. Klagenfurt, May 20–24, 2007. *Wiener Slavistischer Almanach, Sonderband 69*, München – Wien, 2007.
- Rozanova N. N. [Supersegment phonetics]. *Russkaya razgovornaya rech': Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest* [Russian colloquial speech. Phonetics. Vocabulary. Morphology. Gesture]. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 5–79. (In Russ.)
- Severskaya O. I. [“Parasitical words”]. *Nauka i zhizn'*, 2004, no 5.
- Shmelev A. D. [“Pause Placeholders” as communicative markers]. *Zhanr interv'yu: Osobennosti russkoi ustnoi rechi v Finlyandii i Sankt-Peterburge* [Interview genre: Features of Russian oral speech in Finland and St. Petersburg]. Tampere, Slavica Tamperensia VI, 2004.
- Shmelev A. D. [“Parasitical words” and their role in the construction of discourse]. In *Russkii yazyk v kontekste sovremennoi kul'tury*. Ekaterinburg, UrGU, 1998, pp. 151–153. (In Russ.)
- Shmelev A. D. [Markers of hesitation in oral Russian speech]. *Yazyk. Lichnost'. Tekst. Sbornik statei k 70-letiyu T. M. Nikolaevoi* [Language. Personality. Text. Festschrift to T. M. Nikolaeva 70th anniversary]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2005, pp. 518–529. (In Russ.)
- Sirotinina O. B. *Sovremennaya razgovornaya rech' I ee osobennosti* [Modern colloquial speech and its features]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1974. 144 p.
- Šmelev A., Protassova E. [“Sniff” and “meek” in the Russian language]. In [CD-ROM:] Aikalainen. Professori Arto Mustajoen juhlateos. Helsinki, 1998.
- Swerts M. Filled pauses as markers of discourse structure. *Journal of Pragmatics*, 30, 1998, pp. 485–496.
- Uspenskii L. V. *Kul'tura rechi* [Culture of speech]. Moscow, Znanie Publ., 1976. 96 p.
- Veselitskii V. V. [“Packaging material”]. *Nasha rech'. Kak my govorim I pishem* [Our speech. How we speak and write]. Moscow, Znanie Publ., 1965, pp. 77–79. (In Russ.)
- Zemskaya E. A. [Morphology]. *Russkaya razgovornaya rech': Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest* [Russian colloquial speech. Phonetics. Vocabulary. Morphology. Gesture]. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 80–118, 135–141. (In Russ.)
- Zemskaya E. A., Kapanadze L. A. (eds.). *Russkaya razgovornaya rech'. Teksty* [Russian colloquial speech: Texts]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 307 p.

Синяя Борода и Мальчик-с-пальчик, или Проблема орфографического оформления неоднословных индивидуальных наименований

Ия Вениаминовна Нечаева, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), inechaeva@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170012875-1

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается правописание индивидуальных наименований (имен литературных, фольклорных, кино- или мультипликационных персонажей), включающих в свой состав нарицательные слова. Это частный случай переходных явлений в ономастике — от нарицательного к собственному, а также (при употреблении этих наименований переносно, в характеризующей функции) — и от собственного к нарицательному. Переходные явления — орфографически нестабильный разряд номинаций, вопрос о правописании которых на данный момент нельзя считать решенным.

Исследованный языковой материал показывает, что написание многокомпонентного наименования зависит от его структуры и от характера составляющих его компонентов. Выделяется несколько структурных типов индивидуальных наименований: а) словосочетание, включающее собственное имя с нарицательным словом (родовым понятием) в препозиции (типа *барон Мюнхаузен, царь Салтан, доктор Айболит*), б) адъективная или описательная неделимая конструкция, состоящая исходно из одних нарицательных слов (типа *Синяя птица, Маленький принц, Снежная королева, Кот в сапогах*), в) дефисная конструкция (*Иван-царевич, Конек-горбунок, Карабас-Барабас*) и др. Номинации, не

относящиеся к типовым структурам, в большей степени испытывают орфографические колебания.

Действующие на данный момент правила орфографии в области употребления прописной буквы построены по тематическому принципу (собственные имена людей, географические названия, названия органов власти и др.). При таком подходе языковые особенности номинаций остаются невыявленными, орфографические закономерности неустановленными. Замена тематического подхода на структурно-языковой представляется продуктивной для дальнейшего изучения правописания в области буквенного регистра.

ключевые слова: орфография, ономастика, прописная буква, имя собственное, имя нарицательное, переходные явления, имена литературных и др. персонажей

для цитирования: Нечаева И. В. *Синяя Борода и Мальчик-с-пальчик*, или Проблема орфографического оформления неоднословных индивидуальных наименований // Русская речь. 2020. № 6. С. 40–53. DOI: 10.31857/S013161170012875-1.

Issues of Modern Russian Language

Sinyaya Boroda and *Mal'chik-s-Pal'chik*, or The Problem of Spelling Multicomponent Individual Names

Iya V. Nechaeva, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)
(Moscow, Russia), inechaeva@mail.ru

ABSTRACT: The article deals with the spelling of individual names (names of literary, folklore, film or cartoon characters) that include appellative words. This is a special case of transitive phenomena in onomastics. Appellative names transform into proper names, as well as (when using these names

figuratively, in the characterizing function) vice versa. Transients are a spelling-unstable group of nominations whose spelling cannot be considered conventional at the moment.

The studied language material shows that the spelling of a multicomponent name depends on its structure and the nature of its components. There are several structural types of individual names: a) a phrase that includes a proper name with an appellative (generic concept) in the preposition (such as *baron Myunhauzen*, *tsar' Saltan*, *doktor Ajbolit*), b) an adjectival or descriptive indivisible construction initially consisting only of appellatives (such as *Sinyaya ptitsa*, *Malen'kij prints*, *Snezhnaya koroleva*, *Kot v sapogah*), c) a hyphenated construction (*Ivan-tsarevich*, *Konek-gorbunok*, *Karabas-Barabas*), etc. Nominations that do not belong to standard structures are more likely to experience spelling fluctuations.

The current spelling rules for capitalization are based on a thematic principle (proper names of people, geographical names, names of governmental bodies, etc.). With this approach, the language features of the nominations remain undetected, and spelling patterns are not established. Replacing the thematic approach with a structural-language approach seems to be productive for further study of spelling in the field of letter case.

KEYWORD: spelling, onomastics, capital letter, uppercase letter, proper name, appellative, transitional phenomena, names of literary and other characters

FOR CITATION: Nechaeva I. V. *Sinyaya Boroda and Mal'chik-s-Pal'chik*, or The Problem of Spelling Multicomponent Individual Names. *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2020. No. 6. Pp. 40–53. DOI: 10.31857/S013161170012875-1.

1. Орфографическое исследование ряда сфер русского ономастикона показывает, что различные группы номинаций обладают и неодинаковой степенью письменной стабильности. Наиболее устойчивы в орфографии номинации номенклатурные, например топонимы, административные названия, названия структур государственного управления и др. Среди номинаций наименее устойчивых — наименования переходные, происходящие от нарицательных имен или обладающие как собственным, так и нарицательным значением — т. е. усложненные семантически, а также наименования, усложненные структурно [Нечаева 2016: 46–49]. Такие наименования, будучи наиболее проблемными, являются на сегодняшний день и наименее регламентированными. Между тем в правилах правописания требуется зафиксировать орфографическую норму (или ее колебания) и для таких случаев.

Переходные явления в ономастике в диахроническом плане имеют два направления преобразования: от собственного к нарицательному (апеллятивация) и от нарицательного к собственному (онимизация). Их орфографическая нестабильность обусловлена тем, что приобретающие противоположный статус номинации могут нести на себе печать исходного значения. О полном переходе в нарицательные можно говорить лишь в тех случаях, когда преобразованное наименование перешло в иной денотативный ряд и настолько в нем закрепилось, что связь приобретенного значения с исходным при употреблении данного названия становится неактуальной (см. [Суперанская 1973: 114–115]). Примеры полученных таким образом нарицательных: *панама* (головной убор), *бостон* (ткань), *геркулес* (овсяные хлопья), *наган* (оружие), *оливье* (блюдо), *нюфаундленд* (порода собак), *ампер* (единица измерения) и др. Иное дело — «Волга» (автомобиль), *А/афродита* (красивая женщина), *Ч/чернобыль* (ядерная катастрофа): в первом случае исходный топоним слишком значим для всех говорящих по-русски, во втором и третьем — связь между исходным и приобретенным значением вполне живая, что отражается и в правописании.

Противоположный процесс (онимизацию) иллюстрируют всевозможные вторичные номинации иного рода, при которых не создается новое значение (в нарицательном смысле), но которые приобретают выделительную и идентифицирующую функции как собственные имена. Это в том числе символические наименования из разных областей ономастики, например *остров Уединения*, *мыс Доброй Надежды*, *завод «Луч»*, *театр «Современник»*, *кинотеатр «Горизонт»*, *орден Дружбы*, *приз «Золотая бутса»* и др.

2. Одну из периферийных тематических групп среди вторичных собственных имен составляют названия литературных, фольклорных, кино- или мультипликационных персонажей, орфография которых в силу неразработанности для них критериев правописания и значительного влияния фактора традиции может представлять проблему. Речь идет о названиях, включающих в свой состав нарицательные слова и при этом являющихся сложными по составу — состоящими из нескольких слов либо пишущимися через дефис. Напротив, первичные номинации типа *Евгений Онегин* или однословные, в том числе вторичные, преобразованные из нарицательных слов типа *Незнайка*, *Щелкунчик*, *Пятница*, *Левша* не представляют орфографических затруднений (данная группа тяготеет к антропонимам, составляющим ядерную область ономастического пространства, примыкая к ним или уподобляясь им). Как уже говорилось, источник проблем здесь — либо семантическая неоднозначность, либо структурная усложненность. Поэтому регламентации требуют номинации, включающие в свой состав исходно нарицательные слова, — как раздельнооформленные, т. е. словосочетания разных типов, так и дефисные конструкции, например: *Снежная королева*,

*царь Салтан, Царица Ночи, старик Хоттабыч, Пеппи Длинныйчулок, Кот в сапогах, кот Леопольд, Петушок — Золотой гребешок, Гадкий утенок, Синяя Борода, Синяя птица, Муми-тролль, Мальчик-с-пальчик, Иванушка-дурачок, Жар-птица, Зайка-зазнайка*¹ и др. Подобные вторичные онимы из группы литературных и фольклорных антропонимов и зоонимов нередко сохраняют семантику и добавочные коннотации исходного нарицательного значения, что обеспечивает выполнение ими характеризующей функции (о функциях собственных имен в художественных текстах и «говорящих названиях» см. [Васильева 2005: 7–11]).

2.1. Регламентация написаний таких частных языковых явлений в кодифицирующих источниках до сих пор делалась довольно скупо — как в отношении орфографической проблемы, не заслуживающей особого внимания. В источниках разных лет правило было весьма кратким и с течением времени принципиально не менялось; разнообразие структуры подобных номинаций в правиле практически не учитывалось:

§ 98. Пишутся с прописной буквы в баснях, в драматических и других художественных произведениях названия действующих лиц, выраженные именами, обычно имеющими значения нарицательных, например: *Пустынник, Медведь, Осел, Пушки, Паруса* (в баснях Крылова); *Леший, Снегурочка, Дед Мороз* (в «Снегурочке» Островского); *Сокол, Уж* (у М. Горького); *Некто в сером* (у Л. Андреева) [Правила-56: 55].

§ 15. <...> В баснях, сказках, драматических и некоторых других произведениях названия действующих лиц, выраженные нарицательными именами, пишутся с прописной буквы, например: *проказница Мартышка, Осел, Козел да козопаный Мишка затеяли сыграть квартет* (Крылов); *Дед Мороз* (герой сказок; но: *дед-мороз* — игрушка); *Змей Горыныч, Кащей Бессмертный* (название оперы Н. А. Римского-Корсакова; в других случаях пишется *кощей*); *Красная Шапочка; Синяя Борода; Сахар* (в пьесе Метерлинка «Синяя птица») [Розенталь и др. 2001: 16–17].

§ 165. С прописной буквы пишутся нарицательные слова, выступающие как названия персонажей в сказках, пьесах, баснях и некоторых других произведениях художественной литературы, фольклора, напр.: *Красная Шапочка, Змей Горыныч, Серый Волк, Синяя Борода, Дед Мороз, Петушок со Шпорами* (герои сказок); *Кот, Пёс, Сахар, Хлеб* (персонажи «Синей птицы» М. Метерлинка); *Весна, Леший* (персонажи «Снегурочки» А. Островского); *Городничий, Душечка, Левша, Некто в сером* (литературные персонажи); *проказница Мартышка, Осёл, Козёл да козопаный Мишка затеяли сыграть квартет* (Крыл.).

¹ Многие из этих наименований имеют в узусе различные варианты написания; здесь мы приводим лишь один из возможных вариантов, как правило, наиболее употребительный.

Примечание. Нарисательные имена, сопровождающие собственное имя персонажа, пишутся со строчной буквы, напр.: дядя Стёпа, граф Монте-Кристо, король Лир, леди Макбет, мистер Пиквик, дед Мазай, царь Дадон, доктор Айболит, крокодил Гена; Марья-царевна, Иванушка-дурачок [Лопатин (ред.) 2006: 169–170].

Процитированные правила не отвечают на следующие вопросы: в каких случаях все слова составного наименования пишутся с прописной, и в каких — только одно из них? когда выделяется первое слово названия и когда второе? все ли дефисные наименования должны писаться однотипно или у них существуют свои градации? какие нарицательные следует считать сопровождающими собственными именами, а какие — самими собственными именами? почему Синяя Борода и Синяя птица пишутся по-разному? и т. д.

Надо сказать, что понятие «пишутся» в данном случае имеет условный смысл: имеется в виду частотность встречаемости соответствующего варианта или фиксация его в кодифицирующем источнике (при наличии) — т. е. в орфографических словарях. Узус предоставляет палитру орфографических вариантов (но обычно с численным преобладанием одного из них), например:

Кот в сапогах бывает только в сказках, мессир (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита. Часть 2. 1929–1940).

Людоед, которого в виде мышонка сожрал *Кот в Сапогах* и т. п. (А. Н. Бенуа. Жизнь художника).

И только когда история про *Гадкого утенка* была закончена и он вместе с лебедями улетел на юг, а книга сказок полностью распродана, Дорохов пошел к Батону и опустился рядом с ним на лавку (Н. Дежнев. Год бродячей собаки. 2002).

Внутри можно было встретить Русалочку, диких лебедей, огниво, Дюймовочку, Снежную королеву, принцессу на горошине, *гадкого утенка* и даже гоголого короля (З. Синявская. Пазлы // Сибирские огни. 2013).

1 января в 14.00 детей приглашают на представление «Жили-были сказки» на Театральной площади. Пока Дед Мороз, Снегурочка, Баба-Яга и **Кощей Бессмертный** будут веселить и пугать детей, то есть с 13.30 до 18.00, инспекторы ГИБДД перекроют Моховую, Охотный ряд и Театральный проезд (Г. Анисимов. Централизованный затор. ГИБДД советует автомобилистам на праздники стать пешеходами // Известия. 29.12.2002).

— Да?.. Кстати, знаешь, как по-украински «**Кощей бессмертный**»? Чахлык невмэруиший. Лена покатилаь от смеха (Р. Солнцев. Полураспад. Из жизни А. А. Левушкина-Александрова, а также анекдоты о нем (2000–2002) // Октябрь. 2002).

Художник не актер, но в данном случае то, что он совершил, похоже на труд актера-импровизатора: вот взял и возник перед нами и в образе Снеговика,

и Дюймовочки, и Свинопаса, и советника юстиции Кнапа, и Стойкого оловянного солдатика, и, конечно, **Принцессы на горошине** (С. А. Дангулов. Кокорин. 1981).

*Хотя наш повар не слишком сильно напоминал андерсеновскую **принцессу на горошине** — думаю, взглянув на них, вы бы сразу сказали, кто принцесса, а кто повар, — под утро, яростно повертевшись ночь на матрасе, он обнаружил бутылку и, как честный человек, решил не оставаться в долгу (В. Санин. Не говори ты Арктике — прощай. 1987).*

*А вот соседи Хмелевской — звезды настоящие. До нее в списке стоит Эдуард Успенский, которому хотя бы за Чебурашку и **Дядю Федора** можно поставить памятник (Ю. Рахаева. Товароведение. В среду откроется Московская международная книжная ярмарка // Известия. 01.09.2002).*

*Его герои триумфально идут по свету. Найдется ли сегодня человек, который не знает Гену и Чебурашку, **дядю Федора** и Матроскина! (С. Л. Рябцева. Дети восьмидесятых. 1989).*

*Маленьким мальчиком я представлял себе, что двухместное купе, белоснежное белье, предупредительные проводники — доступно только какому-нибудь американскому **мистеру Твистеру**, толстяку в цилиндре и с сигарой (Е. Рубин. Пан или пропал. Жизнеописание. 1999–2000).*

*Язык вражды, на котором так любил говорить книжный персонаж **Мистер Твистер**, когда просил избавить его от «негров, малайцев и прочего сброда», чувствует себя привольно в сегодняшних российских СМИ, да и в обществе (А. Братерский. Ксенофобия и фашизм по невнимательности. Расистский язык вольготно чувствует себя в российском обществе // Известия. 19.12.2002).*

*Тысячный ослабился. — Ну, эта службешка — не служба, как говаривал **Конек-горбунок** в аналогичных ситуациях (И. Грекова. На испытаниях. 1967).*

*К счастью, в кинематографии никто не знал, что такое додекафоническая манера, а если нас спрашивали, что это за стиль, мы отвечали, что это подражание «**Коньку-Горбунку**» Римского-Корсакова (С. П. Капица. Мои воспоминания. 2008).*

Очевидно, что существующие правила не справляются с задачей регламентации подобных написаний, не учитывая их структурное разнообразие. Попробуем установить типологические различия между ними.

2.2. Названия 1-й группы включают в себя нарицательное слово (являющееся родовым наименованием), сопровождающее собственное имя персонажа и находящееся обычно в препозиции к нему. Примеры:

барон Мюнхаузен, граф Монте-Кристо, дед Мазай, доктор Айболит, дядя Стёпа, дядя Фёдор, король Лир, кот Баюн, кот Леопольд, крокодил Гена, леди Макбет, мистер Пиквик, мистер Твистер, почтальон Печкин, сватья баба Бабариха, синьор Помидор, старик Хоттабыч, старуха Шапокляк, царевна Несмеяна, царь Дадон, царь Салтан и др.

Эти раздельноформленные наименования состоят из двух частей — нарицательного и собственного, — что по логике и должно определять их соответствующее написание (хотя в узусе иногда встречаются и написания с двумя прописными, см. приведенные выше примеры). Это наиболее простой — в орфографическом отношении — случай. Можно, однако, заметить, что приведенным словосочетаниям присуща разная степень связанности компонентов: *Мюнхаузен, Салтан, Леопольд, Хоттабыч* в определенных контекстах могут употребляться и отдельно от родового наименования, что является затрудненным (скорее — невозможным) для номинаций *леди Макбет, дядя Фёдор, дядя Стёпа, синьор Помидор*; это тонкое различие до сих пор не учитывалось при орфографическом нормировании, однако в силу его наличия вариативность написания подобных наименований представляется нам оправданной.

2-я группа включает словосочетания другого типа. Это адъективные или описательные неделимые конструкции, синтаксически несвободные словосочетания, состоящие исходно из одних нарицательных слов:

*Кот в сапогах, Крысиный король, Маленький принц, Некто в сером, Принцесса на горошине, Синяя птица, Снежная королева, Шамаханская царица, Гадкий утёнок, Голый король, Стойкий оловянный солдатик, Спящая царевна, Маленькая разбойница, Бременские музыканты*² и др.

В отличие от первой группы, которая включает названия, четко различающие собственные и нарицательные имена и по составу практически не отличающиеся от общеязыковых антропонимов и зоонимов, названия 2-й группы более условны. У данных названий, не включающих собственные и по смыслу неделимых на части (ср. *король по имени Лир*, но нельзя сказать *королева по имени Снежная* и т. п.), с прописной буквы обычно пишется только первое слово.

Итак, для основного правила правописания составных имен, включающих нарицательные слова или состоящих целиком из исходно нарицательных слов, имеют значение два критерия: а) наличие/отсутствие в их составе имени собственного и б) степень спаянности компонентов словосочетания между собой, степень их синтаксической и семантической несвободы.

² Следует иметь в виду, что некоторые из приведенных наименований могут вообще не выделяться с помощью прописных букв в исходном литературном произведении, но выделяться в текстах иных жанров, поскольку представляют собой некий культурный артефакт (см. приведенные выше контексты). Замечено, что дискурсивные и контекстные особенности представляют существенный фактор при выборе прописной или строчной буквы в написании наименований [Нечаева 2017: 454], но вопрос этот на данный момент является совершенно неизученным. Правила орфографии создаются для пишущих, а не читающих — тем самым они применимы к упоминаниям имен персонажей не в аутентичных (оригинальных) текстах, а в текстах иного содержания; в самих же литературных произведениях при их переиздании следует сохранять первоначальную орфографию.

Надо сказать, что исследуемая нами область наименований относится к тем случаям, где не существует четких границ между единицами различного порядка. «Граница между собственными и нарицательными именами представляет собой полосу незаметных переходов от одного качества к другому» [Чельцова 2009: 253]. Отсюда проблема орфографического оформления многих явлений, связанных с употреблением прописной буквы. В отношении ряда наименований нелегко определить, чем является определяющее слово: начальным компонентом неоднословной номинации (тогда нужно писать его с прописной) — или свободным определением при имени или названии персонажа (писать со строчной): *б/Бедная Лиза, п/Премудрый пискарь, к/Крошка Цахес, с/Стойкий о/Оловянный солдатик, б/Бременские музыканты, с/Спящая царевна, м/Маленькая разбойница*. Подобная неоднозначность также является основанием для толерантного отношения к орфографическим вариантам. Ср. текстовые примеры:

Помнишь повесть Карамзина о бедной Лизе, которую бросил легкомысленный Эраст? Образец русского сентиментализма, который, кажется, изучали в старших классах... (Т. Тронина. Русалка для интимных встреч. 2004).

Актеры меняли голоса. Я играла и Бедную Лизу, и старую графиню из «Пиковой дамы». От такого перевоплощения мы получали удовольствие (Поклонники приходят и уходят, роли остаются // Культура. 25.03.2002).

Напрасно он увлекал меня на ночные прогулки под звездами, напрасно силится пробудить, я была как спящая царевна в хрустальном гробу: вот она, да недокличешься (Т. Набатникова. День рождения кошки. 2001).

Играя в Спящую царевну, дети чем-то отвлеклись от игры и долго не приходили к спавшей на лавке царевне (К. И. Чуковский. От двух до пяти. 1933–1965).

Звон затихает. Распахивается дверь, входят Герда и маленькая разбойница. Герда, увидев советника, вскрикивает (Е. Л. Шварц. Снежная королева. 1938).

И на следующий день согласились ставить «Снежную королеву». Роль Маленькой разбойницы досталась Дубравке. Потом все начали влюбляться. Мальчишки писали девочкам записки (Р. Погодин. Дубравка. 1960).

Существует, помимо этого, ряд нестандартных номинаций (это 3-я группа наименований), частотно имеющих в узусе иное написание — с прописной пишутся оба слова, входящие в название: *Змей Горыныч, Кощей Бессмертный, Красная Шапочка, Серая Шейка, Серый Волк, Синяя Борода, Царица Ночи, Царевна Лебедь*. Эти написания подчиняются традиции, однако традиция имеет лингвистическую опору в свойствах данных номинаций. Эти свойства различны.

а) В группе легко выделяются три названия: *Красная Шапочка, Серая Шейка, Синяя Борода*, представляющие собой метонимические образования — наименование целого по его части. Судя по всему, данный признак

является орфографически существенным. (В узусе встречаются и другие написания, но они гораздо менее частотны.) Примеры:

*Когда Брунов и Шароев увидели Терезу на сцене маминого театра в роли **Красной Шапочки**, то сразу взяли ее на второй курс ГИТИСа (Поклонники приходят и уходят, роли остаются // Культура. 25.03.2002).*

*В детстве Тоня ничем не отличалась от сверстниц. Так же, как и все, горько плакала над книжкой, жалея **Серую Шейку** (Л. Лянге. Что посеешь... // Работница. 1980).*

*Колюнин дедушка Николай Петрович, по странному, филевскому совпадению женатый три или четыре раза и, как **Синяя Борода**, хоронивший всех своих жен и среди них другую Колюнину бабушку — Клавдию Алексеевну Ширяеву, садовода по профессии и профессиональную большевичку по судьбе (А. Варламов. Купавна // Новый Мир. 2000).*

б) Названия *Змей Горыныч, Кощей Бессмертный, Василиса Премудрая, Дульсинея Тобосская* вызывают в сознании определенные общеязыковые аналогии: первое по структуре напоминает имя и отчество, остальные — традиционные исторические антропимы, такие как *Иван Грозный, Филипп Красивый, Лоренцо Великолепный*. Известно, что аналогии очень значимы в правописании, на них основан принцип орфографической унификации.

в) *Царица Ночи, Царевна Лебедь*. Здесь слова *царица, царевна* нельзя считать родовыми наименованиями при имени собственном (как в первой группе). Первое представляет довольно редкую в данной области номинаций генитивную конструкцию; во втором случае *Лебедь* является не именем царевны (ср. *царевна Несмеяна*), а равноправным с ней понятием и компонентом неоднословного названия: наполовину царевна, наполовину лебедь. Оба эти наименования неделимы. Нестандартность наречения влечет за собой и нестандартность написания.

В итоге можно констатировать следующее: орфографические нормы в данной области правописания следует рассматривать как рекомендуемые, а не императивные (обязательные). Как считает А. Д. Шмелев, во многих случаях, связанных с употреблением прописных букв, «следует ограничиться мягкими рекомендациями, избегая жестких правил, отклонение от которых считается ошибкой» [Шмелев 2017: 716].

2.3. Особую проблему представляют номинации, пишущиеся через дефис³. Русский орфографический словарь (РОС) дает вполне однозначные рекомендации относительно написания следующих названий:

Аника-воин, Бова-королевич, Баба-яга, жар-птица, Зайка-зазнайка, Иван-царевич, Иванушка-дурачок, Конек-горбунок, Мальчик с пальчик и Мальчик-с-

³ Некоторые из приведенных наименований встречаются и в раздельном написании, однако вопрос о правомерности употребления дефиса в подобных номинациях в данной статье подробно мы не рассматриваем.

пальчик, Муха-цокотуха, Синдбад-мореход, Соловей-разбойник, Царь-девица, Царевна-лягушка, Чудо-юдо; Сивка-Бурка, Винни Пух⁴, Микки-Маус, Карабас-Барабас, Шалтай-Болтай.

Приведенные словарные кодификации вызывают ряд вопросов и недоумений. Почему *Шалтай-Болтай, Микки-Маус, Карабас-Барабас* пишутся с двумя прописными, а *Баба-яга, Чудо-юдо, Конек-горбунок* — с одной? Почему *жар-птица* в РОСе вообще со строчной буквы? Возникает ощущение, что кодификации носят случайный характер и не учитывают действительно существующие различия, а они следующие: у номинаций *Аника-воин, Бова-королевич, Иван-царевич, Муми-тролль, Синдбад-мореход, Соловей-разбойник, Царь-девица* вторая часть представляет собой родовое наименование, а у номинаций *Баба-яга, Чудо-юдо, Сивка-Бурка, Шалтай-Болтай, Винни-Пух* — уникальное, но при этом четыре последних названия пишутся почему-то по-разному; третий случай — вторая часть не уникальна, а вполне узуальна, но представляет собой не родовое наименование, а характеризующее: *Зайка-заячка, Иванушка-дурачок, Конек-горбунок, Мальчик-с-пальчик*. Возможно, данные различия не следует учитывать в орфографии, но почему тогда вообще дефисные номинации пишутся по-разному? Ссылка на традицию работает слабо, поскольку узус представляет палитру вариантов. На наш взгляд, логично было бы писать все уникальные компоненты подобных сложносоставных названий с прописной буквы (*Баба-Яга, Чудо-Юдо*).

3. Следует также затронуть вопрос о вторичной апелляции описываемых онимов — употреблении их в переносном нарицательном значении в качестве метафорического названия носителей определенных качеств, внешних или внутренних. Тем самым входящие в наименование имена претерпевают вторую, обратную перемену своего статуса (но уже в составе целого словосочетания). Примеры: *Принцесса на горошине* (принцесса на горошине) ‘об очень нежной и чувствительной девушке’, *Синяя птица* (синяя птица) ‘символ счастья, удачи’, *Гадкий утенок* (гадкий утенок) ‘о некрасивом ребенке’, *Голый король* (голый король) ‘о человеке, чей внешний вид и внутреннее содержание не соответствуют тому, за кого он себя выдает’, *Синяя борода* (синяя борода) ‘о мужчине, имевшем много жен и жестоко с ними обращавшемся’, *Баба-яга* (баба-яга) ‘о злой и безобразной женщине’, *Зайка-заячка* (зайка-заячка) ‘о заносчивом ребенке’, *Мальчик-с-пальчик* (мальчик-с-пальчик) ‘о молодом человеке очень маленького роста’, *Снежная королева* ‘о величественной

⁴ Несмотря на рекомендацию отдельного написания этого названия в Русском орфографическом словаре [Лопатин, Иванова (ред.) 2018], мы включаем его в список дефисных конструкций. Словарное отдельное написание вызывает законный вопрос: на чем оно основано? В НКРЯ из 199 употреблений всего 33 отдельных написания (*Винни Пух*), остальные дефисные (*Винни-Пух*).

и холодной женщине', *Коцей Бессмертный* 'худой и страшный человек', *Карабас-Барабас* 'опасный злодей', *граф Монте-Кристо* 'загадочный мститель', *дядя Степа* 'о человеке очень высокого роста', *царевна Несмеяна* 'постоянно грустящая молодая женщина' и т. д.

Написание подобных метафорических наименований представляет интерес для орфографии. Всегда ли в таких случаях прописная буква заменяется на строчную? Теоретически они могут сохранять орфографию оригинала (поскольку связь с исходным значением не утрачена, а, напротив, является актуальной), но могут писаться и со строчной (поскольку утрачена функция индивидуализации и тем самым осуществлен переход к нарицательному значению). Это не касается неоднословных названий 1-й группы (в которой с прописной пишется только собственное имя, сохраняющее свое написание при любых условиях), но относится ко всем остальным. Узус и в данном случае вариативен.

*Будущая секс-бомба вообще переживала из-за своей внешности: костлявая, длинная, кривоногая — настоящий **гадкий утёнок*** (Н. Склярова. Казаки-разбойники // Вечерняя Москва. 10.01.2002).

*Титул **Синей бороды** получил обозреватель «Мегаполиса» Игорь Дудинский. На днях он женится в десятый раз. Скандал* (А. Миллер. Говорит и показывает Москва // Столица. 06.01.1997).

*Она вдруг бегло, словно украдкой, подняла руку и быстро-быстро провела по моим волосам. — Худющий! Страшный! **Коцей Бессмертный*** (Ю. Домбровский. Рождение мыши. 1951–1956).

*Атакванная судьбой Галя — этот **стойкий оловянный солдатик** — захлебнулась в мутных волнах житейского моря* (Д. Карапетян. Владимир Высоцкий. Воспоминания. 2000–2002).

*Если **Мальчик с Пальчик** по два часа в день висит на турнике, чтобы вырасти, это отлично* (Т. Шохина. Красота — дело поправимое // Семейный доктор. 15.07.2002).

*Гости фестиваля питались в ресторане седьмого этажа гостиницы «Москва», где они остановились. Единственным исключением была Софи Лорен и ее богатенький **мальчик-с-пальчик** Карло Понти: завтрак им приносили непосредственно в номер* (Д. Карапетян. Владимир Высоцкий. Воспоминания. 2000–2002).

*И вот мы с Юрой решили собрать деньги в фонд революционной Кубы. Как положено, составили ведомость и пошли в люди. Восторженных **мальчишайкибальчишей** было хоть пруд пруди* (И. Ушаков. Записки неинтересного человека. Тетрадка №1 // Вестник США. 09.07.2003).

4. Рассмотренные наименования литературных, фольклорных и киноперсонажей — частный случай переходных языковых явлений в области вторичной номинации и частный случай неоднословных номинаций, различающихся по буквенному регистру. Понятно, что переходные явления

есть и в других сферах ономастического поля, равно как и неоднословные либо дефисные номинации встречаются во всех тематических разрядах собственных имен и наименований. Именно эти два фактора — переходность явления и структурная усложненность наименования — в области употребления прописной буквы являются источником орфографической неоднозначности.

Правила употребления прописной буквы на сегодняшний день чрезвычайно сложны и громоздки, поскольку построены по тематическому принципу. Они требуют запоминания большого количества разрозненных языковых фактов либо постоянного обращения к справочной литературе и словарям. Номинации различного типа сгруппированы в некоторое количество тематических разрядов без учета их структурных различий. При таком подходе их языковые особенности остаются невыявленными, орфографические закономерности неустановленными. Замена тематического подхода на структурно-языковой представляется продуктивной для дальнейшего изучения употребления прописной буквы.

Другим серьезным недостатком существующих орфографических правил является их безусловная императивность, не знающая градаций и исключений. Вопрос о свободе в правописании особенно актуален для области собственных имен и индивидуальных наименований. Как мы видели, существуют переходные явления, вариативность в написании которых является логичным отражением их неоднозначного статуса.

Правила орфографии отражают выявленные закономерности правописания. Правила, по сути дела, — лаконичный результат, «сухой остаток» лингвистического исследования. Представленные здесь рассуждения могут послужить основой для соответствующих орфографических рекомендаций, фиксируемых в правилах. Эти рекомендации в ряде случаев допускают варианты написания наименований, поскольку данная вариативность, как было показано выше, обусловлена и лингвистически, и функционально.

Литература

- Васильева Н. В.* О функциях собственных имен в художественных текстах // Вопросы филологии. 2005. № 3 (21). С. 7–13.
- Лопатин В. В.* (ред.). Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник М.: Эксмо, 2006. 480 с.
- Лопатин В. В., Иванова О. Е.* (ред.). Русский орфографический словарь: 5-е изд., испр. (авторы: О. Е. Иванова, В. В. Лопатин, И. В. Нечаева, Л. К. Чельцова). М.: АСТ-ПРЕСС-ШКОЛА, 2018. 896 с.

- Нечаева И. В. Словарь «Прописная или строчная?» как вид аспектных орфографических словарей // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. Том 75. 2016. № 2. С. 43–53.
- Нечаева И. В. Употребление прописной графемы: аргументы и факторы // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова, вып. № 13. 2017. С. 449–458.
- Правила русской орфографии и пунктуации. М.: Учпедгиз, 1956. 176 с.
- Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. Изд. 4-е, испр. М.: ЧеРо, 2001. 400 с.
- Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.
- Чельцова Л. К. О правилах употребления прописной буквы // Лингвистические основы кодификации русской орфографии. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2009. С. 247–271.
- Шмелев А. Д. Прописные буквы в светской и церковной печати // Сретенский сборник. Вып. 7–8. М.: Изд-во Сретенского монастыря. 2017. С. 698–734.

References

- Chel'tsova L. K. [About the rules for using capital letters]. *Lingvisticheskie osnovy kodifikatsii russkoj orfografii* [Linguistic bases of codification of the Russian spelling]. Moscow, Izdatel'skii Tsentr "Azbukovnik", 2009, pp. 247–271. (In Russ.)
- Lopatin V. V. (ed.). *Pravila russkoi orfografii i punktuatsii. Polnyi akademicheskii spravochnik* [Russian orthography and punctuation rules. Complete academic reference book]. Moscow, Eksmo Publ., 2006. 480 p.
- Lopatin V. V., Ivanova O. E. (eds.). *Russkii orfograficheski slovar'* [Russian orthographic dictionary]. 5th ed. Moscow, AST-PRESS-SHKOLA Publ., 2018. 896 p.
- Nechaeva I. V. [Dictionary "Uppercase or lowercase?" as a type of aspect orthographic dictionaries]. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. Vol. 75. 2016, no. 2, pp. 43–53. (In Russ.)
- Nechaeva I. V. [Using the uppercase grapheme: arguments and factors]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute]. 2017, no. 13, pp. 449–458. (In Russ.)
- Pravila russkoi orfografii i punktuatsii* [Russian orthography and punctuation rules]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1956. 176 p.
- Rozental' D. E., Dzhandzhakova E. V., Kabanova N. P. *Spravochnik po pravopisaniiyu, proiznosheniyu, literaturnomu redaktirovaniyu* [Handbook of spelling, pronunciation, and literary editing]. 4th ed. Moscow, CHERo Publ., 2001. 400 p.
- Shmelev A. D. [Capital letters in secular and ecclesiastical literature]. *Sretenskij sbornik*. Moscow, Publishing House of the Sretensky Monastery, 2017, no. 7–8, pp. 698–734. (In Russ.)
- Superanskaya A. V. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General theory of proper names]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 366 p.
- Vasil'eva N. V. [About the functions of proper names in literary texts]. *Voprosy filologii*, 2005, no. 3 (21), pp. 7–13. (In Russ.)

О русской речи в США: конфессиональная личность в иноязычной среде

Серафима Евгеньевна НИКИТИНА, Институт языкознания РАН (Россия, Москва),
seniki38@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170012876-2

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена описанию состояния жанров русской речи молокан и старообрядцев, проживающих в США в штатах Калифорния и Орегон. Материалом исследования служат полевые записи автора статьи сделанные в 90-х годах XX в. Вводится понятие **конфессиональной личности** — члена конфессионального сообщества, принимающего общие для всех членов сообщества религиозные убеждения, культурные традиции, образ жизни, язык. Статья состоит из двух частей. В первой перечисляются основные признаки рассматриваемых конфессиональных культур: специфическая замкнутость, обостренное самосознание, самодостаточность, повышенная степень миграции, традиционализм, эсхатологическая направленность, религиозное отношение к труду, идея избранности, включенность в веру элементов мифологических представлений. Показывается на конкретных примерах влияние этих признаков на виды речевой деятельности, например, обязательное присутствие в культуре эсхатологической тематики в самых разных формах и жанрах русской речи, общих для молокан и старообрядцев. Во второй части дается речевой портрет конфессиональной личности — незаурядной, одаренной женщины-старообрядки беспоповского часовенного согласия 1932 г. р., пережившей в течение своей жизни много лишений и горя и сохранившей чистую русскую речь. Рассказывая о своей жизни, она использовала разные речевые жанры: высказывала свое религиозное кредо, старалась быть точной в мемуарном жанре, посвященном своим предкам, обличала любые

чародейства как обман, по-деловому рассказывала о своей профессии *бабушки* — народного доктора, пела духовные стихи и читала свои собственные. В дальнейшем имеет смысл делать сопоставительные описания речевых портретов представителей разных русских конфессий: они могут дать новый материал для теоретического описания взаимосвязи веры, культуры и языка в конфессиональных сообществах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: США, конфессиональная личность, конфессиональные признаки, молокане, старообрядцы, речевая деятельность, русская речь, речевые жанры, речевой портрет

для цитирования: Никитина С. Е. О русской речи в США: конфессиональная личность в иноязычной среде // Русская речь. 2020. № 6. С. 54–66. DOI: 10.31857/S013161170012876-2.

Issues of Modern Russian Language

On Russian Speech in the USA: Confessional Personality in Foreign Language Environment

Serafima E. Nikitina, Institute of Linguistics (Russian Academy of Sciences) (Russia, Moscow),
seniki38@mail.ru

ABSTRACT: The paper is devoted to Russian speech genres of Molokans and Old Believers, living in the USA in the states of California and Oregon. The article is based on the field notes of the author taken in 1990s. The paper introduces the term **confessional personality**, which denotes a member of a confessional community who shares the religious beliefs, traditions, lifestyle and language of the community. The article consists of two parts. The first part indicates the most crucial features of the described confessional cultures: specific social closure, high level of self-consciousness, self-sufficiency, high level of migration, traditionalism, eschatological thinking, religious attitude towards labour, the idea of chosenness, and mythological elements incorporated in their religion. The article shows examples of how these features influence various types of speech, e.g. there always exist

eschatological themes in different forms and genres of Russian speech, common for both Molokans and Old Believers. The second part of the article is a speech portrait of a confessional personality — a remarkable and talented Old-Believer woman of the Chapel Confession (Chasovennye) born in 1932. The woman came through a great number of deprivations and sorrow in her life, preserving a clear Russian speech, though. When talking about her life, she used different speech genres. She mentioned her religious credo, tried to be precise in memoir genre, devoted to her predecessors, spoke about sorcery as of false art, told about her job as a healer, sang spiritual verses and recited her own. Further research might include the comparison of speech portraits of members of different Russian confessions. It can provide new material for theoretical descriptions of the connection between faith, culture and language in confessional communities.

KEYWORDS: USA, confessional personality, confessional community features, molokans, old believers, speech activity, Russian speech, speech genres, speech portrait

FOR CITATION: Nikitina S. E. On Russian Speech in the USA: Confessional Personality in Foreign Language Environment. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 6. Pp. 54–66. DOI: 10.31857/S013161170012876-2.

*«Русскую душу лучше выяснять на русском языке»
(из высказываний молокан)*

1. О влиянии конфессиональных признаков на речевое поведение

Задача данной статьи — показать, какие жанры русской речи конфессиональных групп старообрядцев и молокан США сохраняются в чистоте практически *без американских* (английских) слов и выражений.

Начну с объяснения понятия «конфессиональная личность». Это член конфессионального сообщества, принимающий общее для такого сообщества (группы) вероучение, а с ним культурные традиции, образ жизни, язык с его новыми нормами. Для конфессиональных групп характерно такое слияние религии и культуры, когда религиозные установки пронизывают все слои культуры и влияют на жизнь языка.

Когда же такие группы попадают в инокультурную и иноязычную среду другой страны, они испытывают давление чужого языка и, вооруженные верой, пытаются сохранить свою родную речь. Именно так поступили две конфессиональные русские группы: старообрядцы-беспоповцы, проживающие в США в штате Орегон, и молокане-прыгуны, живущие в штатах Калифорния и Орегон. Данная статья основана на материалах, полученных

в экспедициях к молоканам-прыгунам совместно с американским этномузыковедом проф. М. Мазо (Лос-Анджелес, Керман, Фресно и Вудбурн) в 1990 и 1993 гг. и в экспедиции к старообрядцам Орегона совместно с диалектологами — проф. Л. Л. Касаткиным, д-ром Р. Ф. Касаткиной и американским этнологом д-ром Ричардом Моррисом.

Чтобы прояснить, как вера может влиять на речевую культуру, я обращаюсь к перечню выделенных мной наиболее существенных признаков, или характеристик, большинства конфессиональных групп. Хотя наши группы относятся к разным христианским конфессиям: старообрядчество является продолжением древнего ствола русского православия, а молокане-прыгуны — разновидностью русского народного протестантизма с элементами мистицизма, — их объединяет несколько общих признаков, а именно: **замкнутость**, вернее, особый для каждой группы баланс между замкнутостью и открытостью, необходимый для выживания группы; **обострённое самосознание**, стимулирующее сознательное строительство культуры; **самодостаточность**, то есть отсутствие потребности в регуляции духовной и материальной жизни извне; **высокая степень миграции**, обусловленная, главным образом, внешними факторами; **традиционализм**, берущий за эталон опыт прошлого; **религиозное отношение к труду** как к наказу Бога, а не наказанию; **эсхатологическая направленность**, рождающая ощущение близкого конца человеческой истории. Тесно связана с этими признаками **идея избранности**, присущая в разной степени каждой из рассматриваемых групп и постепенно исчезающая, а также **включенность в христианское сознание элементов народного мифологического мышления**, что роднит конфессиональные группы с народным православием.

В каждой из названных культур эти признаки приобретают специфическую окраску, накладывают особую печать на коммуникацию с «чужими», на функционирование коллективных текстов, на повседневное речевое поведение. Так, признак **замкнутости** очень четко обозначен молоканами: «Мы живем в мире, но не являемся его частью», что формально проявлялось до недавнего времени в отказе многих от американских паспортов, несмотря на положительное отношение к США: «эта страна под покровом Господа». Староверы, или старообрядцы, обычно неохотно вступают в разговор с «чужими»: внутренняя отгороженность от *преlestного* и *злого* мира помогает им сохранить чистоту веры. Многочисленные **миграции** — вынужденные переселения, чаще всего связанные с репрессиями властей, оставили разнообразные и часто очень тяжелые следы в сознании староверов и молокан, породили множество письменных и устных текстов на эти темы. Для части староверов пути из России в другие страны и, наконец, в Америку начались еще в XVIII веке — и привели их на долгое проживание в Турцию, откуда они в начале 60-х годов XX в. добрались до Америки,

а частично вернулись на историческую родину (Кубань) в СССР. Другая часть староверов на рубеже XIX и XX вв. ушла из Восточной Сибири в Китай и Маньчжурию. Там тоже были долгие перемещения, закончившиеся бегством в Америку от маодзедунизма в 50-х годах прошлого века. Сходные лишения перенесли и молокане, проделавшие длинный путь в Северную и Южную Америку через Гонконг. Поэтому так очевидна общность исторических судеб старообрядцев и молокан. Неслучайно Р. Ф. Касаткина назвала свою статью о группе старообрядцев в США «Вечные странники в Орегоне» [Касаткина 2008]. А на мой вопрос, почему русские молокане в США в свое время поручились за эмигрировавших туда же староверов — ведь они же чужие по вере, — пожилая молоканка ответила: «Ну, как тебе по-русски сказать: у нас background один». Конечно, расхождения в религиозной догматике значительны, но репрессии и пути исхода похожи, и не только это. Борода и у староверов, и у молокан — неотъемлемая принадлежность верующего мужчины, платочки девушкам и женщинам и той, и другой веры нужно носить обязательно, а вступать в брак следует только со своими по вере (последнее теперь часто нарушается).

И язык, который так стараются сохранить и староверы, и молокане, — это русский язык, русская речь. Замечу, что современный литературно-разговорный язык приезжих воспринимается как что-то чужое; как сказала старообрядка, *русские приезжие говорят быстро и непонятно; нам с молоканами легче разговаривать, чем с современными русскими*. И это понятно: практически у всех молокан — южный диалект, который является родным языком и для части старообрядцев, так называемых *турчан*, приехавших в Америку из Турции почти одновременно со старообрядцами, приехавшими из Китая, — *харбинцами* и *синьцзянцами*, названными так по местам прежнего проживания. Последние — носители среднерусских диалектов с элементами севернорусских, но за десятки лет совместного проживания с турчанами достигли с ними в речи полного взаимного понимания [Касаткин, Касаткина, Никитина 2001]. **Обостренное самосознание**, вкупе с неизбежными странствованиями, с одной стороны, сделали старообрядцев и молокан полиглотами, с другой — поддерживали в большинстве из них чувство уверенности в нерасторжимой связи русского языка и своей веры, хотя *американский язык очень липучий*, говорят молокане. Во время моего пребывания в США споры об отношениях языка и веры были в разгаре [Никитина 1998], однако постепенная утрата русской речи показалась мне неизбежной, но сильно растянутой во времени.

Остановлюсь далее на кратком описании общих для старообрядцев и молокан типичных речевых произведений, или речевых жанрах. Для этого вернемся к понятию речи как реализации языка, имеющей устную и письменную формы, а также предстающей как говорение или как **главная составная часть пения**, причем в пении нужно различать песенные мирские

жанры и жанры служебного пения. В описываемых культурах существенное место, промежуточное между служебным (сакральным) пением и мирским песенным творчеством, занимают духовные стихи старообрядцев и духовные песни молокан — соединительный мост между религиозной книжной культурой и традиционным фольклором, не тронутый чужим языком.

Тематически общими для двух наших культур являются обязательные религиозные речевые произведения, прежде всего набор молитв. Молокане считают, что многие русские молитвы нельзя перевести на английский язык: *молитва разводится, как разбавленная вода. Поэтому стараемся по-русски, чтобы не потерять смысл.* С этим согласны и старообрядцы.

Одним из главных общих признаков для этих групп является функционирование русских текстов эсхатологического характера: молокане-прыгуны — милленаристы, или хилиасты, имеют пророков и, хотя понимают трагизм и ужас конца человеческого существования, ожидают Второго пришествия Христа и наступления счастливого тысячелетнего царства для избранных [Никитина 2011]. У оregonских старообрядцев-беспоповцев веры в тысячелетнее царство нет; нет и священников, дающих прощение, а духовные стихи рисуют впечатляющие картины адских мук. Эсхатологические речевые жанры существуют главным образом в форме устных рассказов, стихотворных текстов и религиозных песнопений. А. Б. (беспоповец-синьцзянец, 1944 г. р.) говорит о скором конце света так:

«Придет антихрист чувственный (то есть в человеческом облике. — С. Н.). Страшный — когда денег не будет, Карта будет, а в ней число 666. Самый главный признак скорого конца — компьютер (компьютер. — С. Н.), а потом будут знамения показываться: небо открываться, бури, вихри, огнем будут палить города, землетрясения. Всё нарушается».

И хотя в США русские эмигранты — конфессиональные личности реже говорят о приметах конца света, чем это можно услышать в русских старообрядческих селах России, у них тоже существуют эсхатологические фольклорные тексты, устные и письменные, посвященные этой теме. Приводимый ниже укороченный текст песни из Сионского песенника молокан является почти идентичным вариантом широко известного духовного стиха старообрядцев, возможно, это заимствование. (Орфография и пунктуация источника сохранены). Ученики Христа спрашивают его:

Скажи нам Учитель, когда это будет

Когда мир судить ты придешь?

Христос отвечает:

Услышате войны, военные слухи

Восстанет народ на народ;

Будут болезни и глады и моры

И землетрясение по местам

(у старообрядцев: И братская кровь потечёт. — С. Н.).

Уменьшится Вера, угаснет надежда
В сердцах охладает любовь;
Многие люди тогда соблазняться
Прольётся невинная кровь.
В эти минуты поищите смерти
Но смерть от людей убежить;
И скажут спадите, покройте нас горы
Но горы на них не спадуть.
Кто в это время находится в поле
Пускай он домой не спешить;
Солнце померкнет — месяц и звезды
С небесного свода спадуть.
Увидите Христа в небесах лучезарных
Он будет как солнце сиять;
Церковь его, воскрешенная прежде,
Радостно будет встречать — и воздаст Ему честь вовек. Аминь
[Сионский песенник 1964: 581, № 703].

Две последних строчки — сугубо молоканские: *воскрешенная церковь* — это воскресшие праведники, которые войдут в тысячелетнее царство Христа. В предисловии к Песеннику 1964 г. издатель, молоканин П. И. Самарин, сообщает: *Настоящая книга напечатана на простонародном говоре Молокан-Прыгунов, а не на русском литературном языке*. Поэтому в большинстве случаев глаголы третьего лица множественного и единственного числа в настоящем и будущем времени оканчиваются там на **-ть**, что является диалектной чертой южных говоров.

В рукописном сборнике духовных стихов американских старообрядцев и в Сионском песеннике молокан, который есть в каждой семье, присутствует известный в общерусской народной традиции стих о потопе; совместно с вышеприведенным текстом оба стиха составляют русское эсхатологическое сказание о двух концах: конце начального периода человеческой истории — Всемирного потопа, посланного Богом в наказание за грехи, и ожидаемом в скором времени конце света для всех живущих сейчас грешников. О других речевых жанрах — ниже.

2. Речевой портрет конфессиональной личности

— Я не лезу в большие догматы. Я знаю про себя, как говорится, что не ищи ни Крым, ни Рим, ни свято место, а спасай и спаси свою душу. Последнее время нельзя шибко великому быть и много знать — обязательно уклонишься куда-нибудь. Знай, чё такое крест, чё такое вера истинна, знай, чё такое Бог, чё такое пост. Вот крест: сам Бог Исус Христос (пальцы на лбу) сошел в Деву Марию (рука к животу), сидит вправо от Отца (правое плечо), «помилуй нас» (левое плечо).

Это высказывание — кредо моей собеседницы (назову ее Анной Степановной, далее — А. С.), и она строго ему следует. Произносит громко, интонацией подчеркивая его начало и конец.

Русская речь у нее, синьцзянки, представительницы среднерусского говора с включением элементов севернорусских говоров, например, стяжения гласных в глаголах, течет свободно, не спотыкаясь, без *американских слов*. Она рассказала историю своей семьи, стараясь быть точной в деталях, являя образец мемуарного речевого жанра с резюме о своем сегодняшнем состоянии (объемный текст даю с купюрами).

— Мой дедушка — Федор Иванович Иванов — он из Бурановской, он служил у императора Николая. И в 1907 году он знакомых выбрал, ну, надежных людей, и убежал в Китай. Оставил свое войско и ушел в Китай. Проехали просто на санях зимой прямым сообщением, без границ, без всего. Бабушка с Мьяконьки. Шибко крепкие старообрядцы были. Вроде около Семипалатинска. А мой отец прибежал с России уже в 30-х годах. Их раскулачили там. Дедушку Корнилу посадили. Он [отец] один убежал, а потом отправили и сестру, и мать. Брат помер. Он [отец] женился на моей матери в 32-м или в 31-м году. В конце 32-го года я родилась. Маленько пожили, и потом войны и войны, бандиты были там, всяко разно. Зиму проживём в снегу. Голодовали. Весной коренья копали, потом весной лук пойдет, ремень пойдёт, весной — летом легче было. Мужики были на фронте, а дунгоны пошли с тылу. 250 дворов было, всех вырезали русских [в одном поселке]. Мы думали — власть будет. А они велели идти на площадку, окружили и пиками всех покололи. Один убежал. Они банда были.

— В Ильинский округ переехали в 1947 г. В другой штат. Там заброшенный край был — Алтай, а этот уже ближе к правительству. Там у нас никого не было, сами были. Кто побольше возьмет, кто кого зарезал, тот и начальник. А тут уже к правительству ближе. Нам легче стало. Я замуж вышла. Потом мама померла, семь детишек осталось, горе было. Я шесть лет прожила, муж пил, пьяный бушевал. Я ушла от его, потом одна моталась, с детьми моталась, без мужа. Восемь лет промоталась. Когда в Бразилию приехала в 57-м, я опять вышла [замуж]; четыре года прожила, ровно четыре года, как венчали. И вот пошли купаться на речку. Чего-то он побрёл и... утонул. В Бразилии было. Приехала сюда в 74-м году из Бразилии. Сейчас осталось двое детей: Памфил и Евдокия. Двое других умерли маленькими.

— В школу немножко ходила. Работала день и ночь. День на работе, а бабы родят ночью, я не знаю, почему (смеется). Детей принимала. А теперь в негодность пришла. Я ещё до пенсии не дошла (пенсия с 65 лет. — С. Н.). Пока молодая была — насадила садов, насадила малины, смородины. А теперь надо ходить, а я не могу! Всё заросло. Кусты выросли в небо, надо бы обрубать всех, а я не могу на лесину залезть. Тяжело. Дети приезжали. Дочь была, сын два раза был. Его дочь здесь замуж вышла. Она на квартире живёт. Я не могу с людьми! Когда больна сделаюсь, надо, чтобы муха не пролетела! Меня вот так трясёт. Мне никого не надо! Дом большой, люди просятся, а я не могу, боюсь.

Перед нами история жизни, полная несчастий. Голодное детство, набеги дунган, постоянный страх. Неудачное замужество и уход от пьющего мужа, гибель второго мужа. А более всего удручает и часто приводит А. С. к нервным срывам ее положение в конфессиональном обществе: она как бы изгой, потому что второй раз вышла замуж от живого мужа — горько-го пьяницы, и это второе замужество сама осознает как великий грех. Уже давно нет в живых этого мужа, а она, входя в моленную, стоит у дверей, по ее словам, как *оглашенная*. А меж тем к ней идут и идут люди — с бедой и нуждой, за добрым советом. Даже по церковным делам, таясь, конечно, к ней приходят мужчины. Считается, что женщины церковных правил не знают, однако известно, что А. С. все правила знает и их строго соблюдает.

А. С. знает церковную грамоту и свободно читает *по-славянски*, то есть на *церковном* языке. Имеет два Псалтыря, два Канонника, четыре Пролога, большой и маленький Требник. Лицевые рукописи отдала своим детям.

Она много читает из русской литературы:

— Пушкина и Лермонтова читала, про Петра Первого читала, про Степана Разина, про Емельяна Пугачёва. Очень нравится книжка «Приваловские миллионы»¹ [автора не помнит]. Больше военное читала. Как воевали, Первая мировая война. Как воевал Александр Невский, как немец воевал — переживала. С одной фильмы я три недели прохворала — «Иди и гляди». Мальчика-то... В глазах, в глазах этот ребёнок. Я вижу, как мать лежит убита, как две сестрёнки убиты, я вижу, как расстреляли с самолёта корову эту, как он друзей потерял, что у одного друга одна нога осталась, а другого совсем не нашёл².

Об английском языке говорит:

— Прочитать [по-английски] могу, любое прочитаю. А спеловать³ не могу, длинное слово, сложение не могу. Сказать могу, в телефон сама отвечаю. По-бразильски легче читать. А здесь много слов не слышится. А прочитать — прочитаю.

Тридцать лет А. С. проработала *бабушкой*, более всего *повитухой*. О профессии народного доктора она рассказывает:

— По породе в роду *бабушки* жили (то есть народные доктора. — С. Н.). С тридцати до шестидесяти лет жили правила. Надсаду исправляла. Что такое надсада? Подыми меня — сама узнаешь. Жильную кровь брала. Из ног брала, когда кровь застаивалась. Меня бабушка учила. У бабушки было повышение крови [высокое давление]. Маленькие баночки на голову [ставила]. Докторов не было. Лекарств не было — просто травы. *Кровянка* — когда

¹ Автор романа «Приваловские миллионы» — Д. Н. Мамин-Сибиряк.

² В основу фильма «Иди и смотри» Э. Климова положена «Хатынская повесть» белорусского писателя Алеся Адамовича.

³ Глагол *спеловать* образован от английского to spell — ‘писать, произносить по буквам’. Это один из немногочисленных примеров, когда в речи А. С. встречаются подобные слова.

сорвёшь, из неё как кровь идёт красным цветом, она от многих болезней. Она кровь наполняет человеку. *Девясил* — от надсады хорошо. Он цветёт как подсолнух. А сейчас у меня растёт, не знаю, как по-русски называют — *окопник*? — *компрей* по-американски. Очищает кровь тоже. *Мать-мачеха* называли — ото всего. Одна сторона мохнатая, другая гладкая. Эта мачеха, а это мать. Она ото всего тоже хорошо. Когда женщина при родах. Как сказать откровенно? Получатся... сила для дитя. Теперь вот подорожник. Счас мы собираю подорожник. Пользительная травка. *Боярка* — от сердца хорошо. Ромашка — сколько её везде! Зверобой по дорогам растёт, тоже очень пользительный. В лесах растёт *папорник* (папоротник. — С. Н.) — от испугу хорошо.

А. С. не признает никаких *чародейств* не только для наведения порчи, но и для лечения, для того, чтобы узнать свое будущее посредством гаданий:

— Девчонками были — поворожим что-нибудь, чтобы мамка не знала. Зимой гадали. Вечеруют девчонки. Балуются. Святки. Выйдешь на дорогу, раскружишься. Лягишь на снег и слушаешь — полозья скрипят, то замуж уйдешь, если не скрипят, то не уйдешь. За водой для гадания идти к речке взáдпятки (пятишься. — С. Н.), почерпнёшь воду и обратно взáдпятки. Я смелая была, пошла. Единственный стакан стеклянный у нас был! — и вот придумали — из речки выливать воду. Не заметила — собака лежала на дороге, спала. Я об её споткнулась. Она как залаяла! Я хряпнулась на спину и стакан разбила. Утром мама пошла — стакан разбитый лежит. Ну и попало мне!

— Сказали, что ночью нельзя ходить в баню за камнем — бес живёт. По спору пошла. Сама боюсь. Камень взяла в руки. Как повернулась — дверью хлопнула и себе хвост сарафаном прижала в дверь. Думала, что бес поймал. И как завопила звериным голосом (смеется). Они все прибежали, открыли дверь, меня вытащили. И опять попало девке! А теперь я в любое время не боюсь ходить.

— Лечила мама, но без *слов* — наши боялись таких *слов*. Страмота эта вышла с Йиндии — потом в Китае это приняли, пошла. У нас были чародеи, волшебники. Наши боялись. А у нас и здесь такие есть. Если кто не глядит на девушку (а ее нужно замуж отдавать. — С. Н.), молитву читают наоборот. Как по покойнику. Ведь врешь самому Христу, Богу врешь! А одна женщина мне говорит: «Присушить его. Ради необходимости — всё применишь. А на это покаяние есть». Господи, прости! О каком покаянии речь?! Самому Богу врешь! Это игрушки? Человек живой! Мне: «Никого ты не понимаешь». А я говорю: «Я не понимаю, я боюсь этой страмоты. Мои бабушки-дедушки нас воспитывали так. Златоуст говорит: “О человек! Легше тебе умереть, чем идти к чародею!”» (это уже жанр обличения. — С. Н.).

А. С. — прекрасный рассказчик. Кроме чистого русского языка, она привлекает слушателя интонационными находками, особенно когда пересказывает поучительные истории о человеческой сообразительности:

— Царь приказал прийти ни в одеже и не голой [это девушке он сказал], ни на коне и не пешком, ни дорогой, ни стороной, ни без подарков и не

с подарком. Что делать? Думала-думала, разделась, сеткой замоталась, она на осла села на маленького, ехала посередке между двух дорог. В подарок поймала перепёлку. Когда приехала, царь встретил её. И правда: не в одеже и не голая, не на коне и не пешком, ни дорогой, ни стороной. Когда царь протянул руки, она руки отпустила, перепёлка *фырк*, и нет её. Полцарства за это получила (усмехаясь). Умная была.

А. С. сама сочиняет стихи, а также поет духовные стихи. Я у А. С., говорю про пение, она в ответ:

— Попрыгунья стрекоза лето красное пропела... (смеется).

— Откуда знаете?

— О-о! Я даже здесь сочиняла! Я тут работала в школе, так сочиняла (школа русская была. — С. Н.). Они не хотели, чтобы советские были, чтобы Сталина и Ленина восхваляли, они хотели про здешнее. Мне приходилось даже сочинять стишки. Вот эти... «Новый год над мирным краем», там «Сталин думает о нас» говорится, а я переделала про Рузвельта, тогда был президентом.

Я напоминаю, что она хотела прочитать стих о себе. А. С. начинает:

— А вот пала под мешок с удобрениями, по 60 кг мешки-то, вот и сочинила. В 1963 г. в Бразилии:

Вот скажу я вам молву
Про бразильскую вдову,
Про её случившуюся беду.
Этот случай был в одна тысяча девятьсот
шестьдесят третьем году.
Сама была она некрасива и фигурой не статна,
Но в руках имела силу и с характером была.
На словах была сварлива, укоряла часто всех,
На работу так ленива, выходила позже всех.
И вот пришло время посева, раскрывается земля,
Люди веселы и смелы, засевают все поля.
И вот пришлось ей посеять земли гектара полтора.
Она сама ведь не сумеет, и соседа наняла.
Сосед вспахал, задисковал и посла к ней послал,
Чтоб сама быстрее шла и (нрзб.) *задуба* принесла
(вероятно, название удобрения. — С. Н.).
Запрягла она коней пару и подъехала к амбару.
Коням корм она дала, задуб (нрзб.) *грузить* начала.
Подняла мешок, второй, мысля мыслью своей:
«Удалее всех на свете», подняла она и третий.
Но причиной что-то стало: палка под ноги попала,
И тогда же баба та с мешком пала на себя.

Угодил же он, злодей, прямо на́ голову ей
(песчаное место там было, голова в песок ушла. — А. С.),
Руками бьёт, ногами бьёт, а всё пользы не даёт.
А соседке в ум запало мужику обед послать.
С хлебом узел завязала и идёт, чтоб передать.
И вот идёт она с узлом и мужа поджидает,
А соседка под мешком горько умирает.
Закричала во все силы, чтоб позвать сюда людей,
Чтобы вытащить соседку и помочь в такой беде.
Добры люди подбегали, отвалили тот мешок,
Её на руки подняли, посадили на песок.
Она с полчаса сидела, а потом пришла в себя
И буйным криком заревела, ругать задуба начала.
«Ну и тяжелый ты, злодей, не жалеешь ты людей.
Не буду сеять я и жать, лучше голодом лежать».
(Интересно, что о себе она пишет в третьем лице. — С. Н.)

А. С. весьма иронична по отношению к себе в самых разных высказываниях, в том числе в стихах собственного сочинения; но не в духовных стихах, многие из которых она знает и поет с глубоким чувством внутри и смиренным спокойствием снаружи. Она подарила мне записанную ею кассету с двенадцатью стихами; и почти каждый из них был так или иначе связан с ее жизнью, с миром доброго, трудолюбивого, одаренного, очень верующего и очень одинокого человека.

В заключение добавлю: духовные стихи, а также русские песни у старообрядцев способствуют по присущему староверам двуязычию продлению сохранности русской *гражданской* (бытовой) и *церковной* (славянской) русской речи. Возможно, что старообрядцы в отношении русского языка сумеют продержаться дольше, чем молокане.

Речевые портреты имеет смысл делать сопоставительными как в той же конфессиональной среде, так и на материале разных конфессий; существенные различия даст гендерный фактор. Это задача будущих исследований. Именно работа по сопоставлению разных речевых портретов способна дать неожиданный новый материал для теоретических обобщений по теме «связь веры, культуры и языка/речи в конфессиональной среде».

Литература

Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф., Никитина С. Е. Русский язык орегонских старообрядцев: языковые портреты // Речевое общение в условиях языковой неоднородности. Под ред. Л. П. Крысина. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 134–152.

- Касаткина Р. Ф. Вечные странники в Орегоне // Русские старообрядцы. Язык. Культура. История. Сборник статей к XIV Международному съезду славистов / отв. ред. Л. Л. Касаткин. М.: Языки славянских культур. 2008. С. 184–199.
- Никитина С. Е. Языковое самосознание молокан и старообрядцев США: судьбы русского языка // Русистика сегодня. № 1–2/98. Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. М., 1998. С. 62–71.
- Никитина С. Е. Земное царство Христа в молоканском фольклоре сквозь призму ключевых слов // Фольклор и этнография. К девяностолетию со дня рождения К. В. Чистова / отв. ред. А. К. Байбурун, Т. Б. Щепанская. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 189–202.
- Сионский песенник столетнего периода христианской религии Молокан Духовных прыгунов в Америке. Издание 4-е, сост. П. И. Самарин. Лос-Анджелес, 1964.

References

- Kasatkin L. L., Kasatkina R. F., Nikitina S. E. [Russian language of Oregon Old Believers: language portraits]. *Rechevoe obshchenie v usloviyakh yazykovoi neodnorodnosti* [Speech communication in the context of linguistic heterogeneity (ed. by L. P. Krysin)]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2000, pp. 134–152. (In Russ.)
- Kasatkina R. F. [Eternal wanderers in Oregon]. *Russkie staroobryadtsy. Yazyk. Kul'tura. Istoriya. Sbornik statei k XIV Mezhdunarodnomu s'ezdu slavistov* [Russian Old Believers. Language. Culture. History. Collection of articles for the XIV International Congress of Slavists (ed. by L. L. Kasatkin)]. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2008, pp. 184–199. (In Russ.)
- Nikitina S. E. [Linguistic identity of the Molokans and Old Believers of the USA: the fates of the Russian language]. *Rusistika Segodnya* № 1–2/98. Vinogradov Russian Language Institute RAS. Moscow, 1998, pp. 62–71. (In Russ.)
- Nikitina S. E. [The earthly kingdom of Christ in Molokan folklore through the prism of key words]. *Fol'klor i etnografiya. K devyanostoletiyu so dnya rozhdeniya K. V. Chistova* [Folklore and Ethnography. Festschrift to 90th anniversary of K. V. Chistov (ed. by A. K. Baiburin, T. B. Shchepanskaya)]. Sankt-Petersburg, MAE RAN Publ., 2011, pp. 189–202. (In Russ.)
- Sionskii pesennik stoletnyago perioda khristianskoi religii Molokan Dukhovnykh prygunov v Amerike. Izdanie 4-e, sost. P. I. Samarin* [Zion hymnal of the one hundred year old period of the religion of Molokans, the Spiritual Jumpers in the USA. 4th ed., by P. I. Samarin]. Los Angeles, 1964.

Послание президента Федеральному собранию: жанр, содержание и средства выражения

Ольга Евгеньевна Фролова, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Россия, Москва), olga_frolova@list.ru

DOI: 10.31857/S013161170012878-4

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается жанр послания президента Федеральному собранию. Статус жанра оговорен в Конституции. Модель жанра представляется такой: адресант — президент, узкий и близкий адресат послания — члены Федерального собрания, правительство страны, широкий, далекий адресат — российские граждане. Послание посвящено анализу внутренней и внешней политики страны. В содержании текста выделяются три блока: констатирующий, оценочный и прескриптивный. Тексты шести посланий 2014, 2015, 2016, 2018, 2019, 2020 г. проанализированы с помощью программы *istio.com*. Анализ частотности позволяет определить приоритетные для адресанта тематические сферы. Так, в послании 2020 г. упоминания демографии значительно опережают по частотности экономическую группу. В послании 2018 г., оглашенном в год выборов, обнаруживаются единицы, связанные с советским прошлым страны, не представленные в других тестах. Анализ коммуникативного блока посланий позволяет выделить те языковые средства, которые адресант считает эффективными для воздействия на широкого адресата: местоимение *мы*, глаголы *просить*, *поручать*, *считать*, а также модальные слова со значением долженствования и необходимости.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: жанр, официально-деловой функциональный стиль, публицистический стиль, субъект речи, экстралингвистическая ситуация, модальность, частотность

для цитирования: Фролова О. Е. Послание президента Федеральному собранию: жанр, содержание и средства выражения // Русская речь. 2020. № 6. С. 67–81. DOI: 10.31857/S013161170012878-4.

БЛАГОДАРНОСТИ: Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект 17-29-09158 «Создание корпуса официально-деловых текстов русского языка (ОДКРЯ)».

Issues of Modern Russian Language

Presidential Address to the Federal Assembly: Genre, Content and Means of Expression

Olga E. Frolova, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow), olga_frolova@list.ru

ABSTRACT: The article considers the genre of the president's address to the Federal Assembly. The status of the genre is stipulated in the Constitution of the country. The model of the genre is as follows: the sender is the president, the narrow and close addressee — members of the Federal Assembly, the government, the broad and distant addressee is Russian citizens. The address is devoted to the analysis of domestic and foreign policy of the country. The text contains three blocks: ascertaining, evaluative, and prescriptive. The texts of the six messages of 2014, 2015, 2016, 2018, 2019, 2020 were analyzed using the istio.com program. Frequency analysis allows us to determine the thematic areas of priority for the addressant. For instance, in the message of 2020, references to demographics are significantly ahead in frequency of the economic group. In the message of 2018, which was broadcast in the election year, there are units associated with the Soviet past of

the country, not represented in other tests. The analysis of the communicative block of the messages allows one to identify linguistic means that the sender considers effective for influencing a wide addressee: pronoun *we*, verbs *to ask, to commit, to believe* and modal words with the meaning of duty and necessity.

KEYWORDS: genre, official business functional style, journalistic style, subject of speech, extralinguistic situation, modality, frequency

FOR CITATION: Frolova O. E. Presidential Address to the Federal Assembly: Genre, Content and Means of Expression. *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2020. No. 6. Pp. 67–81. DOI: 10.31857/S013161170012878-4.

ACKNOWLEDGEMENTS: This work is supported by the Grant of *Russian Foundation for Basic Research* 17-29-09158 “Creation of a Corpus of Official Business Texts of the Russian Language (ODKRYA)”.

Картина функционально-стилистического расслоения языка и речи исторически изменчива, а современное коммуникативное пространство чрезвычайно динамично (см. [Иссерс 2012]). С одной стороны, в этом стилистическом многообразии официально-деловой и публицистический стили сохраняют свои основные характеристики (см. [Кожина и др. 2011: 319–323; Крылова 2006: 385–387; Солганик 2001: 176; Сологуб 2013: 262–266]). Юридическая и правовая сферы с функциями предписания, ходатайства и информирования преимущественно закреплены за официально-деловым стилем [Кожина и др. 2011: 330–332; Ширинкина 2017; Дускаева, Протопопова 2003: 273–277]. С другой стороны, изменяется жанровый состав правовых текстов.

Наша цель — рассмотреть жанр послания президента Федеральному собранию. Данный жанр существует с 1994 г. В ст. 84 Конституции говорится о том, что один раз в год президент обращается к Федеральному собранию с посланием о положении в стране, основных направлениях внутренней и внешней политики государства.

Послания президента стали предметом анализа в работах Т. И. Стексовой, Лю Лифэнь и Д. Р. Шарафутдинова, которые относят данный жанр к политическому дискурсу [Стексова 2012; Лю Лифань, Шарафутдинов 2018]. Реализация речевого воздействия на адресата и важная роль послания в юридической сфере приводят к тому, что в тексте присутствуют черты официально-делового и публицистического стилей. Т. И. Стексова пишет

об узком (представители властных структур) и широком адресате послания (граждане России). По мнению автора, «жанр послания... совмещает в себе информативный и императивный компоненты» [Стексова 2012: 59]. В статье Лю Лифэнь и Д. Р. Шарафутдинова основное внимание уделено средствам выражения отношения адресант — адресат [Лю Лифань, Шарафутдинов 2018] и проанализировано употребление личных местоимений первого лица единственного и множественного числа, в том числе в инклюзивном значении (см. также [Гранева 2010]).

Мы же хотим рассмотреть особенности подачи информации в посланиях президента сквозь призму частотности в исторической перспективе. Для достижения цели нам надо определить частотность единиц в тексте, выявить показатели структуры денотативной ситуации, а также средства их выражения.

Нами были отобраны шесть посланий президента с 2014 по 2020 гг., размещенные на официальном сайте <http://kremlin.ru>¹.

Модель жанра можно охарактеризовать следующим образом: отправитель, широкий адресат — граждане страны, узкий адресат — представители и депутаты обеих палат Федерального собрания, а также члены правительства. К широкому адресату президент обращается за поддержкой, а к узкому — с поручениями. Кроме того, широкий адресат является бенефициантом текста.

Содержание послания — внутренняя и внешняя политика страны. Жанр включает три блока: 1) информативный (констатирующий), 2) оценочный и 3) императивный (прескриптивный). В первом блоке содержится описание положения дел. Во втором блоке событиям дается оценка. В третьем блоке адресант на основе анализа ситуации предлагает пути преодоления кризисных явлений и планы развития страны. Последний блок представляется ключевым, поскольку в правовом плане именно на его основе создаются указы президента, оформленные как законодательные акты.

Соответственно, коммуникативные цели жанра — информирование, оценка и предписание — обращены к узкому адресату. К широкому адресату, главным образом, — информирование и оценка.

¹ Послание президента Федеральному собранию 2014 г. [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47173>; послание президента Федеральному собранию 2015 г. [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864>; послание президента Федеральному собранию 2016 г. [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379>; послание президента Федеральному собранию 2018 г. [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957>; послание президента Федеральному собранию 2019 г. [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863>; послание президента Федеральному собранию 2020 г. [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582>.

Тексты посланий были проанализированы с помощью программы *istio.com*², Данный сервис предназначен для копирайтеров, заказчиков статей и находится в свободном доступе в Интернете. Программа позволяет производить семантический анализ текста: автоматически определяет длину текста в количестве знаков с пробелами и без пробелов; количество знаменательных слов — ядро, общее количество и частотность слов, восприимчивость и язык текста. Программа *istio.com* автоматически определяет абсолютную частотность знаменательных слов в заданном тексте по количеству их употреблений, учитывая все формы слова при неснятой омонимии.

В анализе текста мы исходим из нескольких предпосылок. Высокая частотность единицы может свидетельствовать о двух мотивировках: а) важности денотата в экстралингвистической ситуации или б) о важности денотата для говорящего. Присутствие и отсутствие того или иного полнозначного слова также свидетельствует о а) структуре ситуации и б) о том, как представляет себе ситуацию адресант. Высокая частотность единицы, означающей поручение отправителя или выражающей должностное поручение, позволяет отнести данное слово к прескриптивной части текста. Сопоставимые показатели частотности единиц нескольких тематических блоков свидетельствуют об их связи в структуре описываемой ситуации. Отсутствие единицы или его низкая частотность могут получить двоякую интерпретацию: а) отсутствие явления в описываемой внеязыковой ситуации или б) «уведение его в тень» (см. [Левин 1998]).

Методика анализа такова. Мы определяем абсолютную частотность лексических единиц с помощью программы *istio.com* в каждом тексте. Далее слова группируются тематически и выявляются синонимы. Таблицы, приведенные ниже, позволяют судить о сравнительной частотности, т. е. об увеличении или уменьшении количества употреблений слова, его синонимов, а также тематически и семантически близких единиц в посланиях от года к году.

В таблице 1 представлена тематическая группировка лексики, описывающей внутреннюю политику. Семь столбцов представляют послания с 2014 г. до 2020 г. В первых строках содержатся сведения о тексте: объем в словах, словарь текста и словарь ядра.

В таблице 1 собраны слова, описывающие внутривнутриполитическую проблематику: «Государство, демография, медицина, экология», «Экономика», «Финансы», «Наука, образование», «Армия, флот, МВД», «Право», «Проблемы». Единицы, частотность которых превышает употребление в посланиях других годов, выделены полужирным шрифтом.

² Istio 2007–2020 — сервис для семантического анализа текстов [Электронный ресурс]. URL: <https://istio.com/>

Табл. 1. Частотность единиц, описывающих внутреннюю политику страны

	2014	2015	2016	2018	2019	2020
Всего слов	7075	6603	7658	12646	9716	7531
Словарь	1896	1844	1947	2420	2329	1825
Словарь ядра	1582	1539	1620	2068	1961	1500
ГОСУДАРСТВО, ДЕМОГРАФИЯ, МЕДИЦИНА, ЭКОЛОГИЯ						
1 демография, демограф, демографический	3	6	3	7	4	12
2 материнский капитал	1	3	–	2	2	7
3 семья	3	5	3	17	35	35
4 ребенок	7	10	5	13	24	43
5 здравоохранение, медицина, медицинский	12	13	13	18	18	13
6 СССР, Советский Союз	1	–	–	10	1	2
7 советский	–	–	2	8	1	4
8 экология, экологический, экологичный	1	2	3	9	9	4
ЭКОНОМИКА						
9 экономика, экономический	23	23	42	40	23	13
10 бизнес	11	14	13	10	15	6
11 кризис	–	–	1	1	–	1
12 развитие, рост, прирост, расти	34	34	68	94	52	33
13 импортозамещение	3	5	–	–	–	–
14 инвестиция, инвестиционный	6	3	4	6	3	7
15 стабильный, стабильность	3	2	4	8	2	5
ФИНАНСЫ						
16 зарплата, заработная плата	0	0	1	5	3	2
17 уровень жизни	0	2	0	2	1	2
18 доход	1	10	2	8	12	19
19 инфляция	4	2	4	7	3	3
20 налог, налоговый	7	8	7	8	17	6
21 деньги, рубль, рублевый, бюджет, бюджетный, финансы, финансовый	29	32	35	36	53	27

		2014	2015	2016	2018	2019	2020
22	<i>финансирование</i>	2	3	3	6	1	1
	НАУКА						
23	<i>наука , научный</i>	7	1	16	17	10	2
24	<i>образование</i>	7	9	8	15	10	6
25	<i>технология, технологичный, технологический</i>	14	18	26	43	26	13
	АРМИЯ, МВД						
26	<i>вооружения</i>	1	3	4	17	5	–
27	<i>Вооруженные силы, армия, флот</i>	3	5	2	19	1	–
28	<i>антитеррористический</i>	–	3	–	–	1	–
29	<i>терроризм , террор, террорист, террористический</i>	6	22	3	–	–	1
30	<i>безопасность</i>	3	2	4	12	10	5
	ЗАКОН						
31	<i>гарантировать, гарантия, гарантированный,</i>	5	6	1	6	4	7
32	<i>закон, законный</i>	6	7	3	1	5	14
33	<i>законодательство, законодательный</i>	6	5	4	3	6	10
34	<i>незаконный</i>	–	–	1	1	1	1
35	<i>Конституция, конституционный,</i>	2	1	1	1	1	29
36	<i>право, правовой</i>	9	10	6	4	5	17
37	<i>правоохранительный</i>	5	5	2	2	3	3
38	<i>справедливость, справедливый</i>	2	4	6	5	3	5
39	<i>несправедливость</i>	–	–	1	–	2	1
40	<i>свобода, свободный</i>	12	14	7	5	3	4
41	<i>суд, судья</i>	1	8	1	4	5	50
	ПРОБЛЕМЫ						
42	<i>бедный, бедность</i>	0	0	0	4	6	2
43	<i>задача</i>	9	13	19	30	21	12
44	<i>проблема</i>	13	12	15	13	18	13
45	<i>трудный, трудность</i>	2	2	6	4	3	3

Слова *экономика*, *экономический* показывают высокую частотность в 2016 г. и в 2018 г. Проблематика импортозамещения после 2015 г. из послания исчезает, несмотря на то, что санкции Евросоюза и США с России не сняты. Это один из примеров «уведения в тень».

Тема развития и роста показывает резкий взлет в 2018 г. Пик частотности слов демографической тематики наблюдается в послании 2020 г., что видно из высоких показателей слов *демография*, *ребенок*, *семья*. Однако применительно к данной проблематике обнаруживается выпадение связующего звена между двумя явлениями экстралингвистической ситуации: демографией, защитой семьи, с одной стороны, экономикой, медициной, здравоохранением и экологией — с другой. Медицинская же проблематика полнее всего отражена не в 2020, а в 2018 и в 2019 гг.

Второй пример выпадения связующего звена между двумя явлениями экстралингвистической ситуации: рассогласование частотности между *экономикой* и *демографией*.

Третий пример подобного плана — частотное рассогласование между словами *демография* и *образование*, поскольку пик частотности второго существительного приходится не на 2020, а на 2018 г.

Тема террора более всего затрагивается в 2015 г., а затем сходит на нет.

В 2018 г. на высокие места по частотности поднимаются слова военной тематики: *оружие*, *ядерный*, не демонстрировавшие ранее подобной частотности.

В 2020 г. обнаруживаем рост частотности слов *Конституция*, *конституционный*, *суд*, *закон*, что объясняется тем, что президент объявляет о внесении изменений в основной закон. Тематика законности получает высокие показатели лишь в послании 2020 г., в текстах предыдущих лет данная тема представлена достаточно скромно. Заметим, что начиная с 2016 г. прилагательное *незаконный* появляется ежегодно, однако только в одном употреблении. Пики частотности слова *свобода* приходятся на 2014 г., 2015 г., далее показатели его снижаются, в 2020 г. оно употреблено только четыре раза.

Анализ позволяет выделить группу единиц, связанных с проблемами, которые нуждаются в решении. Максимальное количество трудностей было отражено в послании президента 2016 г. В эту же группу мы включаем также существительное *задача*. Данное слово поднимается до 20 самых частотных слов текста в 2016, 2018 и в 2019 гг. При этом *бедность*, судя по частотности, как важная проблема не осознается.

По ряду показателей частотности выделяется послание 2018 г., именно в этом году проходили президентские выборы. В тексте самый высокий показатель единиц социальной проблематики: у слова *здравоохранение* показатели суммарно выше, чем у группы науки и образования. 2018 год

демонстрирует и высокую частотность слов *задача* и *безопасность*. Достаточно высокие показатели у экономической группы и группы «Армия, флот и МВД». В это же время только в послании 2018 г. обнаруживаются упоминания СССР, не представленные в другие годы, что, возможно, следует объяснить ностальгическими настроениями адресата.

При составлении таблицы 2 были использованы программы *istio.com* и ручной подсчет, поскольку программа не позволяет определить частотность словосочетаний.

Таблица 2 состоит из двух частей: посвященных частотности прилагательного *международный*, словосочетаний с ним, а также именам собственным, называющим контрагентов внешней политики России — своеобразной геополитической карте мира. Прилагательное *международный* демонстрирует самую высокую частотность в 2016 г. После 2018 г. не представлены словосочетания *международный стандарт*, *международный уровень*, служившие ранее в качестве ориентиров. Словосочетание *международные эксперты* встречается также лишь в 2018 г. Можно сказать, что тематика международного сотрудничества к 2020 г. утрачивает свою актуальность.

С другой стороны, в 2020 г. самую высокую частотность из проанализированных шести текстов демонстрирует слово *война* — пять употреблений, что свидетельствует о его важности для говорящего. Чаще всего президент говорит о Великой Отечественной и Второй мировой войне: в 2014, 2015, 2019 гг. по 1 упоминанию, в 2018 гг. по 2 упоминания, в 2020 г. — 4 упоминания. При этом для говорящего важны как память, так и параллели с сегодняшним днем. Словосочетание *холодная война* упоминается в 2016 г., *глобальная война* — в 2020 г. Два упоминания слова *война* заслуживают внимания: в 2015 г. президент говорит об участии российских войск в военном конфликте в Сирии как о *войне с террором*, а в 2018 г. — о конфликте в Чечне как о *гражданской войне*.

В подгруппе имен собственных видим, что украинская тематика затрагивается только в 2014 г., а крымская представлена минимально и в 2020 г. не отражена совсем. Контрагенты России на международной арене, из которых самым важным являются США, чаще всего упоминаются в предвыборном послании 2018 г. Аббревиатура *НАТО*, называющая возможного военного противника России, также встречается только в предвыборном 2018 г.

В таблице 3 собраны единицы, характеризующие говорящего, — глаголы *поручать*, *считать*, *просить* и модальные слова. В 2018 г. наблюдается самое частотное употребление модальных слов *необходимо*, *должен* и *нужно*, но рамочные конструкции с глаголами, выражающие поручения адресанта, представлены скромно. Поручения президента имеют пики

Табл. 2. Частотность единиц, описывающих внешнюю политику

		2014	2015	2016	2018	2019	2020
	МЕЖДУНАРОДНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ						
1	<i>международный</i>	12	7	13	11	6	6
2	<i>международный терроризм</i>	–	4	1	–	–	1
3	<i>международная безопасность</i>	3	–	1	4	2	–
4	<i>международное право</i>	2	3	1	1	1	–
5	<i>международные обязательства</i>	–	–	–	1	–	–
6	<i>международные организации</i>	–	–	1	1	–	–
7	<i>международный стандарт, уровень, эксперты</i>	1	1	3	1	–	–
8	<i>международные рынки, торговля</i>	1	–	2	–	–	–
9	<i>международные исследовательские коллективы, исследования</i>	–	–	–	1	1	–
10	<i>международные соревнования</i>	1	–	–	–	–	–
11	<i>война</i>	1	2	1	3	1	5
12	<i>санкция</i>	3	–	2	1	1	–
13	<i>сотрудничество</i>	3	3	5	3	5	1
	ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ						
14	<i>Азия, азиатский</i>	1	1	1	2	1	–
15	<i>Америка, американский, американец, США</i>	9	–	4	23	14	–
16	<i>Европа</i>	7	1	5	7	6	2
17	<i>Евразия, евразийский, ЕвразЭс</i>	4	3	3	4	4	–
18	<i>Китай</i>	–	1	1	2	2	–
19	<i>Сирия</i>	–	6	1	–	1	–
20	<i>Турция</i>	–	6	–	–	–	–
21	<i>ООН, Организация объединенных наций</i>	3	3	1	2	1	1
22	<i>НАТО</i>	–	–	–	3	–	–
23	<i>СНГ, Содружество Независимых Государств</i>	1	1	1	–	1	–
24	<i>Крым³</i>	12	2	1	2	4	–
25	<i>Украина</i>	16	–	–	–	–	–
26	<i>Донбасс</i>	–	–	–	–	–	–

³ Топоним *Крым* помещен в эту таблицу, т. к. в 2014 г. его юрисдикция изменилась.

Табл. 3. Частотность единиц, формирующих коммуникативное устройство текста

		2014	2015	2016	2018	2019	2020
	КОММУНИКАЦИЯ						
1	<i>мы</i>	57	73	67	112	77	45
2	<i>мы</i> в косв. падежах	21	46	43	78	35	31
3	<i>поручаю</i>	4	2	3	0	7	0
4	<i>прошу</i>	8	20	7	2	11	14
5	<i>считаю</i>	1	8	3	7	3	14
6	<i>необходимо</i>	21	15	14	22	13	12
7	<i>должен</i>	57	46	29	93	67	65
8	<i>нужно</i>	19	28	40	74	56	26
9	<i>надо</i>	14	9	10	8	19	7
10	суммарное употребление <i>долж..., нужно, надо</i>	120	126	103	197	169	138

частотности в 2015, 2019, 2020 гг. и оформляются несколькими способами: с помощью глаголов *поручать*, *просить* и *считать*. *Поручаю* и *прошу* в первом лице единственного числа выступают как высказывания, равные поступкам, то есть собственно поручения, поскольку статус говорящего выше статуса узкого адресата. Глагол *поручать* демонстрирует высокую частотность только в 2019 г. В 2019 г. все поручения выражены в форме глагола 1-го лица единственного числа. Словосочетание *дать поручение* встречается два раза — в 2016 г. и в 2015 г.: в одном случае глагол употреблен в форме прошедшего времени, в другом — в форме страдательного причастия прошедшего времени. К 2020 г. адресант от императивного *поручать* отказывается совсем. Пик частотности глагола *просить* приходится на 2015 г.

Что касается глагола *считать*, он полифункционален и представляет собой рамку, вводящую мнение, оценку и поручение.

Фрагмент послания 2020 г., посвященный изменениям в Конституции, оформлен исключительно с помощью конструкций с глаголом *считать*. Интересны диффузные употребления, которых в послании 2020 г. около десяти. Адресант говорит о необходимости внесения изменений в Конституцию, но употребляет при этом глагол *считать* в 1-м лице единственного числа в контексте с модальным словом *необходимо*, но не называет исполнителя.

Наибольшее количество употреблений данного глагола наблюдаем в послании 2020 г. С учетом диффузных случаев глагол *считать* в контексте

слов необходимо, целесообразно, обоснованный, оправданный употребляется в послании 2020 г. 14 раз в значении 'поручаю'. Однозначных поручений, по нашему мнению, в данном тексте пять. В таблице отражены все случаи, когда форма в 1-м лице единственного числа интерпретируется как поручение.

Наиболее частотные единицы в послании, оглашенном в год выборов, по сравнению с посланиями других лет, — инклюзивное *мы*, а также модальные слова со значением долженствования и необходимости, — по видимому, обладают наибольшим суггестивным потенциалом и способны воздействовать на широкого адресата — избирателя.

Подведем итоги. Частотность значимых единиц в посланиях президента позволяет определить, как изменяются приоритеты адресанта в описании экстралингвистической ситуации в ее внутри- и внешнеполитическом аспектах.

Послание 2018 г. можно считать маркированным. Соотношение коммуникативной ситуации и роли текста в коммуникативной ситуации здесь таково: 1 марта 2018 г. было оглашено послание, а 18 марта состоялись президентские выборы. В тексте послания 2018 г. обнаруживается рост частотности единиц, касающихся внутренней политики: *экономика, медицина, образование, стабильность, армия и флот*, а также слов *развитие и финансирование*. Положение России на международной арене говорящий в послании 2018 г. затрагивает в меньшей степени по сравнению с другими годами. Отсылки к советскому прошлому встречаются также лишь в предвыборном послании 2018 г. Местоимение 1-го лица множественного числа также дает значительный рост только в послании 2018 г. В этом же тексте наблюдается полный отказ от категоричного *поручаю* и самый высокий частотный потенциал слов, выражающий модальность долженствования.

Можно говорить о рассогласованности по частотности единиц текста синхронного и диахронного (исторического) плана. Соотношение частотных характеристик значимых слов разных рубрик дает возможность делать осторожные выводы о том, как адресант представляет себе связи между явлениями и сферами хозяйственной и общественной жизни.

Примеры диахронной рассогласованности. При сопоставлении частотности единиц блока «Экономика» обнаруживаем пики для слов *экономика, сотрудничество, международный* в 2016 г. Слово *экономика* частотно также в 2018 г. Пики частотности других составляющих блока таковы: *сотрудничество* — 2019 г., *инвестиция* — 2014 и 2018 гг., *импортозамещение* — 2015 г. Более это слово не упоминается. Словосочетания *международные рынки, международная торговля* упоминаются только в 2014 и в 2016 гг.

Группа словосочетания *международный стандарт, уровень, эксперты*, как мы уже указывали, не встречается после 2018 г. Топоним *Крым* частотно в 2014 г. и в 2020 г. не встречается. Аналогичная картина для слова *санкция*. Экономика, по-видимому, представлена в текстах посланий как все более внутренняя сфера деятельности правительства и бизнеса. Для данного блока мы можем говорить о частотной диахронной рассогласованности компонентов.

При попытке найти корреляции между количеством употреблений слов *экономика* и *бедность* обнаруживаем, что первое чаще всего встречается в тексте 2018 г., а второе — 2019 г.

Цепочка *медицина, наука, образование, экономика* показывает, что данные сферы демонстрируют различную частотность по годам: *медицина* дает пик частотности в 2019 г., но у этой области нет четкой корреляции со словами *наука, образование* и *экономика*, у которых самая высокая частотность в послании 2018 г.

Подобный разрыв находим между словами *медицина, экология* и *демография*: первое частотно в послании 2019 г., второе — 2018 г. и 2019 г., а третье — 2020 г. Мы видим здесь причинно-следственный разрыв, поскольку можно предположить, что численно возрастающее население будет требовать и возрастающих возможностей здравоохранения. Кроме того, вырастить здоровое поколение можно только в условиях хорошей экологии.

Интересный феномен обнаруживается при соотнесении слова *справедливость*, которое частотно в 2016 г., и *суд*, пик частотности которого в тексте 2020 г.

Примеры синхронной рассогласованности зависят от точки зрения говорящего. В пределах послания одного года могут наблюдаться частотная согласованность и рассогласованность. В послании 2018 г. корреляция в частотности присутствует в блоке «Наука, образование, технологии» у слов *наука* (17 употреблений) и *образование* (15 употреблений). Однако, поскольку данные сферы требуют инвестиций, соотнесение их со словом *экономика* показывает значительный разрыв (40 употреблений), *инвестиция* (6 употреблений). Еще один пример рассогласованности мы видим в том же послании: слова *технология, технологический* употреблены 43 раза, что значительно опережает частотность слов *наука* и *образование*, в то время как технологии традиционно являются плодом научного поиска.

Итак, отсутствие единицы или частотная рассогласованность единиц в пределах одного тематического блока можно трактовать как особенности реализации адресантом информативной цели жанра.

Литература

- Гранева И. Ю. Местоимение «мы» как средство идеологических манипуляций в русской языковой картине мира // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 494–496.
- Дускаева Л. Р., Протопопова О. В. Официально-деловой стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Наука: Флинта, 2003. С. 273–277.
- Иссерс О. С. Люди говорят...: дискурсивные практики нашего времени. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2012. 275 с.
- Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2011. 462 с.
- Крылова О. А. Лингвистическая стилистика. Кн. 1. М.: Высшая школа, 2006. 313 с.
- Левин Ю. И. О семиотике искажения истины // Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 594–605.
- Лифэнь Лю, Шарафутдинов Д. Р. Анализ текста Послания президента России Федеральному Собранию РФ от 2016 года с позиций системно-функциональной лингвистики // Политическая лингвистика. 2018. № 5 (71). С. 73–80.
- Маркова В. А. К вопросу о составе стиливых черт официально-делового стиля // Филология и человек. 2018. № 1. С. 62–73.
- Протопопова О. В. Официально-деловой стиль: проблема стиливого единства // Медиалингвистика. 2013. № 1. С. 280–289.
- Солганик Г. Я. Стилистика текста: учеб. пособие. 3-е изд. М.: Флинта: Наука, 2001. 256 с.
- Сологуб О. П. Изучение официально-деловой речи: прошлое, настоящее, будущее // Медиалингвистика. 2013. № 1. С. 260–270.
- Стексова Т. И. «Послание президента» как жанр политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2012. № 3 (41). С. 58–63.
- Ширинкина М. А. Документы исполнительной власти в функционально-стилистикаческой системе русского языка // Известия УрФУ. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2017. Т. 19. № 2 (163). С. 134–146.
- Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Вып. 1. Саратов: Колледж, 1997. С. 88–98.

References

- Duskaeva L. R., Protopopova O. V. [The official business style]. *Stilisticheskii enciklopedicheskii slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Ed. by M. N. Kozhina. Moscow, Nauka Publ., Flinta Publ., 2003, pp. 273–277. (In Russ.)
- Graneva I. Yu. [The pronoun “we” as a means of ideological manipulation in the Russian language picture of the world]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2010, no. 4 (2), pp. 494–496. (In Russ.)

- Issers O. S. *Lyudi govoryat...: diskursivnye praktiki nashego vremeni* [People say...: Discursive practices of our time]. Omsk, Omsk State University Publ., 2012. 275 p.
- Kozhina M. N., Duskaeva L. R., Salimovskii V. A. *Stilistika russkogo yazyka* [The Russian language stylistics]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 2011. 462 p.
- Krylova O. A. *Lingvisticheskaya stilistika* [Linguistic stylistics]. Vol. 1. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 2006. 313 p.
- Lifen' Yu. I. [On the semiotics of the distortion of truth]. *Levin Yu. I. Izbrannye trudy. Poetika. Semiotika* [Selected works. Poetics. Semiotics]. Moscow, Yazyki Russkoi Kul'tury Publ., 1998, pp. 594–605. (In Russ.)
- Lifen' Lyu, Sharafutdinov D. R. [Analysis of the text of the Decree of the President of Russia to the Federal Assembly of the Russian Federation of 2016 from the perspective of system-functional linguistics]. *Politicheskaja lingvistika*, 2018, no. 5 (71), pp. 73–80. (In Russ.)
- Markova V. A. [On the issue of the composition of the stylistic features of an official business style]. *Filologiya i chelovek*, 2018, no. 1, pp. 62–73. (In Russ.)
- Protopopova O. V. [The official business style: the problem of stylistic unity]. *Medialingvistika*, 2013, no. 1, pp. 280–289. (In Russ.)
- Shirinkina M. A. [Executive documents in the functional styles system of the Russian language]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*, 2017, vol. 19, no. 2 (163), pp. 134–146. (In Russ.)
- Shmeleva T. V. [A model of speech genre]. *Zhany rech'i*. [Genres of speech]. Iss. 1. Saratov, Kolledzh Publ., 1997, pp. 88–98. (In Russ.)
- Solganik G. Ya. *Stilistika teksta* [Stylistics of Text]. 3-th ed. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2001. 256 p.
- Sologub O. P. [The study of official speech: past, present and future]. *Medialingvistika*, 2013, no. 1, pp. 260–270. (In Russ.)
- Steksova T. I. ["President's address" as a genre in political communication]. *Politicheskaya lingvistika*, 2012, no. 3 (41), pp. 58–63. (In Russ.)

«Тело возбуждено, а дело возбуждено»?

Татьяна Дмитриевна Четверикова, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), tchetverikova@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170012879-5

аннотация: Автор статьи приводит свою точку зрения на причины возникновения фразы, вынесенной в заголовок, которая затрагивает давнюю проблему социально и профессионально обусловленных акцентных форм слова. Отмечается, что причин появления разных акцентологических форм может быть несколько: и общие языковые тенденции, и смысловые тонкости, и социальная, и профессиональная обусловленность, — все они могут накладываться друг на друга и тем самым порождать различную оценку рассматриваемого явления.

В статье последовательно анализируются различные взгляды на расхождение акцентологической нормы в общем языке и в профессиональной речи для слова «возбужденный». В науке сложились две основные, абсолютно противоположные точки зрения, одна из которых не допускает никаких иных вариантов произношения, кроме литературной нормы. Другая, напротив, их допускает, но ограничивает круг употребления, относя подобный перенос ударения либо к просторечию, либо к профессионализмам.

Также некоторые ученые еще более тонко рассматривают данное расхождение и, допуская нелитературный вариант ударения, относят его либо к профессиональному просторечию, либо к профессиональному жаргону.

Автор статьи считает, что, несмотря на противоречия, каждая из этих точек зрения имеет право на существование. Между тем обращает свое внимание на то, что отклонение от литературной нормы — не всегда показатель низкого уровня культуры речи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: акцентологическая норма, ударение, юридический термин, специальное слово, профессиональная речь

для цитирования: Четверикова Т. Д. «Тело возбуждено, а дело возбуждено»? // Русская речь. 2020. № 6. С. 82–93. DOI: 10.31857/S013161170012879-5.

Issues of Modern Russian Language

“Telo Vozbuzhdeno” and “Delo Vozbuzhdeno”: Special Accent Forms in Professional Jargon

Tatiana D. Chetverikova, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)
(Russia, Moscow), tchetverikova@mail.ru

ABSTRACT: The article studies the origin of the phrases ‘telo vozbuzhdeno’ and ‘delo vozbuzhdeno’, which are connected with the long-standing problem of socially and professionally determined accent forms. It is noted that there may be several reasons for the appearance of different accentological forms: general language tendencies, semantic subtleties, social and professional factors. The reasons may overlap and thus give rise to different views on the phenomenon itself.

The author considers different views on the discrepancy between the accentual norm in the common Russian language and that in the professional legal language for the word “*vozbuzhdennyi*” (‘aroused’, ‘initiated’). There are two main, completely opposite points of view, one of which does not allow any other variant of pronunciation, except for the literary norm. The other one, on the contrary, accepts both variants, but with a strictly limited range of use, and attributes this linguistic phenomenon either to vernacular, or to professionalisms. There is also a group of scientists who accept a non-literary version of the accent, referring it either to professional vernacular or to professional jargon.

The author of the article believes that, despite the contradictions, each of these points of view has the right to exist. Meanwhile, the paper draws attention to the fact that deviation from the literary norm is not always an indicator of a low level of speech culture.

KEYWORDS: accentuation norm, accent, legal term, special word, professional speech

FOR CITATION: Chetverikova T. D. “Telo Vozbuzhdeno” and “Delo Vozbuzhdeno”: Special Accent Forms in Professional Jargon. *Russian Speech = Russkaya Rech’*. 2020. No. 6. Pp. 82–93. DOI: 10.31857/S013161170012879-5.

Ф

раза, вынесенная в заголовок статьи, известна многим советским выпускникам юридических вузов, такие варианты произношения просто вбивались им в голову преподавателями-юристами. Трудно найти истинные причины появления такой фразы, можно лишь предположить, что она является порождением советской цензуры, когда, согласно классификации А. Роткирх, нормы официальной и литературной речи, определяемые государством, налагают запрет на описание телесных проявлений. Между «общенародной» и публичной (пристойной) речью в этом отношении проводится резкая граница, и происходит четкое разделение сфер употребления [Роткирх 2000: 153].

Так, слово *возбудить* в юридическом языке означает ‘начать уголовное дело’, а в общем языке данное слово имеет прямое значение: «**1. что.** Вызвать, пробудить какое-л. чувство или состояние»; более того, данная лексема в переносном смысле означает «**3. разг.** Вызвать половое влечение» и снабжена в словаре пометой *разг.* (см., например, «Большой толковый словарь русского языка» [Кузнецов (ред.) 2002]). Иными словами, основной смысл этой лексемы для человека, не имеющего юридического образования, так или иначе связан с чувствами, ощущениями и т. п. Следует отметить, что восприятие смысла специального слова у профессионала и непрофессионала идет совсем разными путями. В сознании специалиста идет процесс от понятия к форме, и его ассоциативная цепочка будет начинаться со специальных признаков, т. е. «начать уголовное дело», у неспециалиста первое значение строится на семантических признаках общелитературного слова — это «взволновать» и далее по ассоциативной цепочке — «любовь», «чувство», «страсть», «сексуальное влечение» и т. п.

Как помнится, «в СССР секса нет» — крылатая фраза, источником которой послужило высказывание одной из советских участниц телемоста Ленинград — Бостон («Женщины говорят с женщинами»), вышедшего в эфир в 1986 г. В ходе общения американская участница телемоста задала вопрос: ...*У нас в телерекламе все крутится вокруг секса. Есть ли у вас такая телереклама?* Советская участница Людмила Николаевна Иванова (в то время — администратор гостиницы «Ленинград» и представительница общественной организации «Комитет советских женщин») ответила: *Ну, секса у нас... (смешок) секса у нас нет, и мы категорически против этого!* После этого аудитория рассмеялась, и какая-то из советских участниц уточнила: *Секс у нас есть, у нас нет рекламы!* В обиход вошла искаженная и вырванная из контекста часть фразы: «В СССР секса нет» [Википедия]. И это не пустая оговорка — это, своего рода, показатель того, что государство тогда осуществляло контроль над частной жизнью советских людей, оно диктовало и социальное, и языковое поведение граждан, тем более сознательно формировало облик советского правосудия.

Итак, фраза «Тело возбуждено, а дело возбуждено», на наш взгляд, появилась именно в советский период и связана с цензурой того времени. Однако явление, которое обнажает эта фраза, — разные акцентологические формы — имеет давнюю историю и наблюдалось еще в XIX в. именно в среде юристов. Так, известный адвокат того времени П. С. Пороховщиков (П. Сергеич) осуждал сдвиг ударения на корень в слове *возбуждил* и в своей книге, адресованной судебным ораторам, писал: «Неправильное ударение так же оскорбительно для слуха, как неупотребительное или искаженное слово» [Сергеич 1988: 21]. Между тем некоторые ученые считают, что причиной корпоративных особенностей речи являются особые законы внутри юридического коллектива. Они также предполагают, что для работников органов следствия, прокуратуры, полиции, т. е. силовых структур, связанных с жестким внутренним подчинением, важным фактором, влияющим на поведение и, в частности, на язык, является корпоративная традиция и особая атмосфера принадлежности к системе. В подобных коллективах, если начальник говорит с ошибкой, то с большой долей вероятности подчиненные будут повторять ее, не желая противопоставлять себя руководству и коллективу [Давыдова, Филимонова 2013: 21].

Необходимо подчеркнуть, что отклонение от общелитературной нормы в профессиональной речи может накладываться на общеязыковой процесс. Например, общей тенденцией в ударении, по признанию многих лингвистов, считается «тенденция к ритмическому равновесию, которая заключается в смещении ударения к центру слова» [Валгина 2001]

(ср., например, четырехсложные глаголы *нормировать* и *нормировать* как вариантные формы).

Наряду с общей тенденцией смещения ударения ближе к центру слова для достижения ритмического равновесия наблюдаются частные тенденции, характеризующие отдельные части речи: «Ненормативное перемещение ударения, очень активное в последнее время, на приставку в действительных причастиях прошедшего времени и деепричастиях происходит под влиянием литературно принятого ударения в формах страдательных причастий прошедшего времени; действ., прич. и деепр. *начавший, начав, занявший, заняв* — нелитературные формы <...> страдательные причастия прош. времени *начатый, начат, начато, начаты; занятый, занят, занято, заняты* — литературные формы. Такие расхождения в кодификации в речевой практике часто не учитываются, и обнаруживается стремление свести все к одному знаменателю, тем более что закон языковой аналогии очень сильный закон, отмеченный яркой наглядностью» [Валгина 2001]. Думается, под эту тенденцию вполне подпадают такие противоречивые варианты ударения, как *новорождённый* — *новорожденный, осуждённый* — *осужденный*, и рассматриваемый в статье вариант *возбуждённое (дело)* — *возбужденное, возбуждено* — *возбуждено* и т. п.

Как видно, причин появления разных акцентологических форм может быть несколько — и общие языковые тенденции, и смысловые тонкости, и социальная, и профессиональная обусловленность и др., — все они могут накладываться друг на друга и тем самым порождать разные взгляды на само рассматриваемое явление.

На сегодняшний день сложилось два диаметрально противоположных взгляда на расхождение ударения в данном слове — недопустимый вариант произношения, только литературная норма, и допустимый вариант произношения, но с ограниченным кругом употребления. Далее более подробно остановимся на каждой из указанных точек зрения.

I. Недопустимый акцентологический вариант, только литературная норма.

Большинство ученых рассматривают данное явление как языковую ошибку [Ивакина 2002; Давыдова, Филимонова 2013; Каленчук, Касаткин, Касаткина 2017; Брадецкая, Кузнецова 2017; и другие].

Так, в «Большом орфоэпическом словаре русского языка» рассматриваемый нами вариант произношения (*возбуждено*) дается с запретительной пометой: (! неправ. *возбудить*...), есть лишь одна норма: «ВОЗБУДИТЬ, *возбужу, возбудит; возбуждённый; возбуждён, возбуждена́, возбуждено́, возбуждены́*» [Каленчук, Касаткин, Касаткина 2017: 94],

следовательно, авторы этого труда считают любое отступление от нормы ошибкой. То же мнение отражается и в другом орфоэпическом словаре, под ред. Н. А. Еськовой, с кричащим комментарием *!неправильно профессионал.:*

возбудить, -ужу́, -удит, прич. страд. прош. возбуждённый, -ён, -енá | Возбуждено уголовное дело ! *неправ. профессионал.* возбужденный, -ен, -ено

Более того, не только лингвисты ратуют за языковую норму в юридической среде. Сами юристы неоднократно обращали внимание на нарушение произношения некоторых юридических терминов, призывая своих коллег изменить это положение и повысить уровень культуры речи. Особенно трепетно к языку относились одаренные юристы дореволюционной эпохи, которые деятельность юриста сочетали с литературной и научной работой (например, А. Ф. Кони, В. Д. Спасович, Н. П. Карабчевский, К. К. Арсеньев, А. И. Урусов и другие). В современных научных статьях и пособиях, посвященных деятельности судебных ораторов, также рекомендуется уделять особое внимание речи, которая должна быть правильной, при этом чаще всего приводится в пример наиболее заметная ошибка устной речи — неправильная постановка ударения: «Следует правильно произносить: <...> *возбуждено́*...» — и там же далее, для закрепления: «Примеры наиболее часто допускаемых ошибок: *возбуждено* (дело) (норма: *возбуждено́*)...» [Сухарев (ред.) 2003: 64].

Между тем отступление от литературной нормы продолжает не только существовать, но и укрепляться в своих позициях, несмотря ни на какие указания словарей русского языка.

II. Допустимый вариант произношения, но с ограниченным кругом употребления.

Другие ученые относят рассматриваемое явление к просторечию. Например, в «Словаре ударений для дикторов радио и телевидения» наряду с нормой *возбудить* встречаем и вариант *возбудить* с пометой «просторечие» [Введенская 2004: 41]. Иными словами, автор допускает такой вариант произношения, но лишь в неофициальной, скорее бытовой, обстановке и в социально ограниченном кругу общения, причем не связанном ни с какой профессиональной деятельностью, поскольку просторечие — это одна из форм национального языка, вместе с народными говорами и жаргонами, составляющая некодифицированную сферу общенациональной речевой коммуникации — народно-разговорный язык [Русский язык. Энциклопедия 1979: 391].

Однако юристы, будучи в большинстве своем грамотными людьми, сознательно употребляют рассматриваемое слово с нарушением акцентологической нормы, дабы выявить «своего» в среде «чужих», где «свои» — юристы, а «чужие» — неюристы, и в зависимости от окружения выстроить свою речевую тактику, предполагающую, в частности, решение вопроса о том, следует ли разъяснять некоторые термины или в этом нет необходимости. Среди таких слов-маркеров лексема *возбуждено* занимает одно из первых мест в подобном выявлении. В этой связи справедливо замечание Л. П. Крысина: «По такого рода особенностям словоупотребления профессионал легко опознает своего, собрата по профессии и, с другой стороны, безошибочно определяет речь “чужака”, не владеющего профессиональными навыками использования слова» [Крысин 2003: 71].

Еще одна группа ученых рассматривает иной вариант произношения как профессионализм [Солоухин 2007; Кущенко 2008; Гараева, Баклашова 2016 и другие]. Отражение этой точки зрения находим в «Орфоэпическом словаре» И. Л. Резниченко:

...// в профессиональной речи работников правоохранительных органов возбужденный, -бужден, -буждена [Резниченко 2003: 113].

То есть это слово, «свойственное только(!) речи данной профессиональной группы» [Шелов, Лейчик 2012: 47].

Необходимо уточнить, что некоторые ученые еще более тонко рассматривают данное расхождение и называют нелитературный вариант ударения профессиональным просторечием [Фельде 2010; Шелов, Лейчик 2012 и другие]. Более того, внутри данной точки зрения наблюдается разный подход к профессиональным просторечиям в целом.

Так, в широком смысле оно означает «устную некодифицированную форму бытования языка для специальных целей» [Фельде 2010]. В этом случае профессиональное просторечие рассматривается как часть профессионализмов.

В узком смысле профессиональное просторечие означает «просторечные единицы, находящиеся за границей литературной нормы и используемые в профессиональной среде для выражения специального профессионального содержания» [Шелов, Лейчик 2012]. В этом случае профессиональное просторечие рассматривается как часть просторечия и характеризуется признаками просторечия — общепонятность, ориентированность исключительно на устную форму общения, несоответствие литературной норме, недостаточная речевая культура носителей и т. п. По мнению этих ученых, нелитературный вариант ударения сло-

ва *возбуждено* является иллюстрацией профессионального просторечия в узком смысле.

В этом ключе интересна еще одна точка зрения, выраженная Л. П. Крысиным, который относит нелитературный акцентологический вариант рассматриваемого слова к профессиональному жаргону. Статус профессиональных жаргонов он оценивает следующим образом: «По своему социальному и коммуникативному статусу профессиональные жаргоны отличаются от других подсистем русского национального языка одной существенной особенностью: носители этих жаргонов владеют также какой-либо другой подсистемой — специальным подъязыком, языком общелитературным, диалектом. Иначе говоря, они диглосны: в профессиональной среде, для целей непринужденного профессионального общения они используют профессиональный жаргон, для официального, в особенности письменного, общения — специальный подъязык, а вне этих ситуаций, при общении на профессиональные темы и вне профессиональной среды они пользуются литературным языком, реже местным говором или просторечием» [Крысин 2003: 69].

Итак, фраза «*Тело возбуждено, а дело возбуждено*», появившаяся в среде советских юристов, затронула давнюю проблему социально и профессионально обусловленных акцентных форм слова.

Рассмотрев каждую точку зрения на данное явление, мы считаем, что, несмотря на противоречия, каждая из них, безусловно, имеет право на существование. Между тем хотелось бы обратить внимание на то, что отклонение от литературной нормы — не всегда показатель низкого уровня культуры речи. В этой связи примечательно высказывание Е. Н. Ширяева о том, что употребление в профессиональной речи особых лексем или их фонетических модификаций может считаться допустимым в устном употреблении «при одном неременном условии: носитель языка должен знать общелитературный эквивалент» [Ширяев 2003: 10].

Думается, что затронутая нами тема лишь обнажила проблему, а потому требует дальнейшего исследования.

Для наглядности представим рассмотренные в статье точки зрения ученых в виде схемы (см. стр. 90).

Схема. Система взглядов на расхождение акцентологической нормы в общем языке и в профессиональной речи для слова *возбужденный*

Scheme. The system of views on the discrepancy between the accentological norm in the general language and in the professional legal language for the word *'vozbuzhdennyi'*

Источники

Википедия [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

Литература

- Брадецкая И. Г., Кузнецова Т. Е. Языковая ошибка или профессиональная особенность? // Актуальные вопросы развития правовой информатизации в условиях формирования информационного общества (сб. ст. по итогам Международной научно-практической конференции), Таганрог, 2017. С. 24–28.
- Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие. М.: Логос, 2001. 304 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook050/01/eabout.htm> (дата обращения: 31.01.2020).
- Введенская Л. А. Словарь ударений для дикторов радио и телевидения (Орфоэпический словарь русского языка). 2-е изд. М.: МарТ, 2004. 352 с.
- Гараева Л. М., Баклашова Т. А. Реализация дихотомии «свой» – «чужой» в профессиональной коммуникации посредством инвективных номинаций (на примере русского и английского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7–1 (61). С. 70–72.
- Давыдова М. Л., Флимонова Н. Ю. Профессиональный юридический жаргон: проблема определения границ понятия // Юрислингвистика, 2013. № 2 (13). С. 16–23.
- Еськова Н. А. (ред.). Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы: свыше 70 000 слов / Н. А. Еськова, С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова; 10-е изд., испр. и доп. М.: АСТ, 2015. 1008 с.
- Ивакина Н. Н. Основы судебного красноречия (риторика для юристов): учеб. пособие. 2-е изд. М.: Юрист, 2002. 384 с.
- Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2017. 1024 с.
- Крысин Л. П. Часть I. Социальная дифференциация системы современного русского языка // Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 33–100.
- Кузнецов С. А. (ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2002. 1536 с.
- Кущенко Н. С. Профессиональная обусловленность ментального лексикона (на материале речи юристов, медиков, военных) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2008. № 6. С. 210–223.
- Резниченко И. Л. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение. Ударение: Ок. 25 000 единиц. М.: Астрель – АСТ, 2003. 1183 с.
- Роткирх А. Мужской вопрос: любовь и секс трех поколений в автобиографиях петербуржцев / Пер. с англ. Е. Д. Никифоровой; науч. ред. Е. А. Здравомыслова. Гендерная серия. Вып. 2. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. 390 с.

- Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ф. П. Филин. М.: Советская энциклопедия, 1979. 432 с.
- Сергеич П. (П. Пороховщиков). Искусство речи на суде. М.: Юридическая литература, 1988. 384 с.
- Солоухин С. В. Особенности содержания юридического лексикона // Вестник Владимирского юридического института. № 2 (3). 2007. С. 290–296.
- Сухарев А. Я. (ред.). Судебная речь государственного обвинителя. Методич. пособие. М.: ЭКСЛИТ, 2003. 340 с.
- Фельде О. В. Русское профессиональное просторечие в свете теории LSP (Language for special purposes) // Вестник Читинского государственного университета. 2010. № 9 (66). С. 48–52.
- Шелов С. Д., Лейчик В. М. Терминология и профессиональная лексика: состав и функции: учеб. пособие. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2012. 94 с.
- Ширяев Е. Н. Словарь и современная концепция культуры речи // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта – Наука, 2003. С. 9–12.

References

- Bradetskaya I. G., Kuznetsova T. E. [Language professional error or feature?]. *Aktual'nye voprosy razvitiya pravovoi informatizatsii v usloviyah formirovaniya informatsionnogo obshchestva* [Collection of articles on the results of International scientific-practical conference: Actual issues of development of legal Informatization in the conditions of formation of information society]. Moscow, 2017, pp. 24–28. (In Russ.)
- Davydova M. L., Filimonova N. Yu. [Legal jargon: the problem of delimitation of concepts]. *Yurilingvistika*, 2013, no. 2 (13), pp. 16–23. (In Russ.)
- Es'kova N. A. (ed.). *Orfoepicheskiy slovar' russkogo yazyka: proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy* / N. A. Es'kova, S. N. Borunova, V. L. Voroncova [Orthoepic dictionary of the Russian language: pronunciation, accent, grammatical forms / N. A. Eskova, S. N. Borunova, V. L. Vorontsova]. Moscow, AST Publ., 2015, 1008 p.
- Fel'de O. V. [Russian professional vernacular in the light of LSP (Language for special purposes)]. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, no. 9 (66), pp. 48–52. (In Russ.)
- Garaeva L. M., Baklashova T. A. [Implementation of the dichotomy “own” – “foreign” in professional communication by means of invective nominations (on the example of Russian and English languages)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2016, no. 7–1 (61), pp. 70–72. (In Russ.)
- Ivakina N. N. *Osnovy sudebnogo krasnorechiya (ritorika dlya yuristov)* [Foundations of forensic eloquence (rhetoric for lawyers)]. Moscow, Yurist Publ., 2002, 384 p.
- Kalenchuk M. L., Kasatkin L. L., Kasatkina R. F. *Bol'shoi orfoepicheskiy slovar' russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka: norma i ee varianty* [Large orthoepic dictionary of the Russian language. Literary pronunciation and accent of the beginning of the XXI century: norm and its variants]. Moscow, AST Press Kniga Publ., 2017, 1024 p.

- Krysin L. P. [Part 1. Social differentiation of the modern Russian language]. *Sovremennyy russkii yazyk. Social'naya i funkcional'naya differenciaciya* [Modern Russian language. Social and functional differentiation / ed. by L. P. Krysin]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kultury Publ., 2003, pp. 33–100. (In Russ.)
- Kushchenko N. S. [Professional conditionality of the mental lexicon (based on the speech of lawyers, doctors, military)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 6, pp. 210–223. (In Russ.)
- Kuznetsov S. A. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Large explanatory dictionary of the Russian language]. Saint-Petersburg, Norint Publ., 2002. 1536 p.
- Reznichenko I. L. *Orfoehpicheskii slovar' russkogo yazyka: Proiznoshenie. Udarenie* [Orthoepic dictionary of the Russian language: Pronunciation. Emphasis]. Moscow, Astrel' – AST Publ., 2003, 1183 p.
- Rotkirch A. *The Man Question: Love and Sex of three generations in the AV-thebiography of St. Petersburg*. Helsenky, 2000. (Rus. ed. from English E. D. Nikiforova; scientific ed. by E. A. Zdravomysova. *Gendernaya seriya*, Sankt-Petersburg, 2011, 390 p.)
- Russkii yazyk. Entsiklopediya / gl. red. F. P. Filin* [Russian language. Encyclopedia ed. by F. P. Filin]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1979, 432 p.
- Sergeich P. (P. Porohovshchikov). *Iskusstvo rechi na sude* [The art of speech in court]. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1988. 384 p.
- Shelov S. D., Leichik V. M. [Terminology and professional vocabulary: structure and function: composition and functions]. Sankt-Petersburg, 2012. 94 p.
- Shiryayev E. N. [Dictionary and modern concept of speech culture]. *Kul'tura russkoi rechi. Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik* [Culture of Russian speech. Encyclopedic dictionary-reference]. Moscow, Flinta-Nauka, 2003, pp. 9–12. (In Russ.)
- Solouhin S. V. [Features of the content of the legal lexicon]. *Vestnik Vladimirskegо yuridicheskogo instituta*, 2007, no. 2 (3), pp. 290–296. (In Russ.)
- Suharev A. Ya. (ed.). *Sudebnaya rech' gosudarstvennogo obvinitelya: metodich. posobie* [Prosecutor's court speech: toolkit]. Moscow, EKSLIT Publ., 2003. 340 p.
- Valgina N. S. *Aktivnye processy v sovremennom russkom yazyke: uchebnoe posobie* [Active processes in modern Russian: tutorial]. Moscow, Logos Publ., 2001, 304 p. Available at: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook050/01/eabout.htm> (accessed 31.01.2020).
- Vvedenskaya L. A. *Slovar' udarenii dlya diktorov radio i televideniya (Orfoehpicheskii slovar' russkogo yazyka)* [Dictionary of accents for radio and television announcers (Orthoepic dictionary of the Russian language)]. Moscow, MaRT Publ., 2004. 352 p.

Специфика референциального статуса местоимения *мы* в «маленьких» поэмах С. А. Есенина

Юлия Александровна Арская¹, Ахмед Алипашевич Мамедов²,
Иркутский государственный университет (Россия, Иркутск),
juliaarskaja@mail.ru¹, achmedved@inbox.ru²

DOI: 10.31857/S013161170012880-7

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается специфика употребления местоимения *мы* как одного из способов обозначения лирического героя в «маленьких» поэмах С. А. Есенина. В фокусе исследования — референциальная соотносительность коллективного субъекта, обозначенного местоимением *мы*.

Предпринимается подробный контекстуальный анализ всех случаев использования местоимения *мы* в самой большой по объему поэме «Инония», в которой наиболее эксплицитно отражена космогоническая тематика цикла.

В результате анализа устанавливается, что если в трех из четырех случаев первым «долевым» участником коллективного субъекта, обозначаемого местоимением *мы*, является лирический герой, то в последнем контексте употребления этого местоимения его определить нельзя, так же как и невозможно идентифицировать второго « долевого » участника во всех четырех случаях. Референциальная непрозрачность местоимения *мы* переключается с отвлеченным характером субъектов предложений и тяготением к нереперентному и реперентному неопределенному употреблению номинаций лиц во всех текстах цикла, что позволяет выдвинуть предположение о невозможности однозначной

идентификации коллективного субъекта, обозначаемого местоимением *мы*, как об особенностях поэтики исследуемого цикла.

С помощью поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка произведен сопоставительный анализ количества вхождений местоимения *мы* в дореволюционной лирике С. А. Есенина и в «маленьких» поэмах, который выявил, что в раннем творчестве поэта это местоимение, во-первых, встречается значительно реже, а во-вторых, его референциальный статус гораздо легче поддается интерпретации: он либо референтный (в сюжетной лирике и в стихотворениях, обращенных конкретному лицу), либо нереферентный (*мы* экзистенциальное и *мы* универсальное). Это подтверждает вывод о частотности и референциальной непрозрачности местоимения *мы* в рассматриваемом поэтическом цикле. В итоге утверждается, что противоречивая система действующих лиц, сформированная в том числе неидентифицируемыми коллективными субъектами, обозначенными местоимением *мы*, явилась одной из причин диаметрально противоположных интерпретаций «маленьких» поэм.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: «маленькие» поэмы С. А. Есенина, лингвистическая поэтика, грамматика поэзии, местоимение *мы*, референциальный статус личных местоимений

для цитирования: Арская Ю. А., Мамедов А. А. Специфика референциального статуса местоимения *мы* в «маленьких» поэмах С. А. Есенина // Русская речь. 2020. № 6. С. 94–106. DOI: 10.31857/S013161170012880-7.

The Language of Fiction

Peculiarities of Referential Relation of the Pronoun *Мы* ("We") in S. A. Yesenin's "Small" Poems

Yuliya A. Arskaya¹, Akhmed A. Mamedov², Irkutsk State University (Russia, Irkutsk),
juliaarskaja@mail.ru¹, achmedved@inbox.ru²

ABSTRACT: The paper discusses the use of the personal pronoun *мы* (“we”) as means of denoting a persona in S. A. Yesenin’s “small” poems. The study focuses on referential correlation of the collective subject denoted by the pronoun *мы*.

The authors undertake a comprehensive contextual analysis of all *мы* pronouns in the most voluminous poem “Inonia”, in which the cosmogonic theme of the cycle is expressed most explicitly.

The investigation results in the conclusion that in three of four cases the first “equity” participant of the collective subject denoted by the pronoun *мы* is the persona. However, in the last context we cannot determine the first ‘equity’ participant. As for the second ‘equity’ participant, it cannot be determined in any of four cases.

Referential non-transparency of the pronoun *мы* has common features with the abstract character of the subjects in the sentences and inclination to non-referential or indefinitely referential usage of persons’ nominations. Hence we can assume that the fact that it is impossible to identify the collective subject denoted with the pronoun *мы* might be a poetological peculiarity of the cycle under study.

The authors present the results of contrastive analysis of frequency of the pronoun *мы* in prerevolutionary S. A. Yesenin’s lyrics and in his “small” poems. The research is based on the material from a poetry subcorpus of Russian National Corpus. In early work of S. A. Yesenin, the pronoun *мы* is used more rarely and its referential relation is more transparent. It is either definite (in narrative poetry and in poems addressed to a certain person) or non-referential (existential *мы* and universal *мы*). This confirms the frequency and referential non-transparency of the pronoun *мы* in the poetic cycle under consideration. Summarizing the results, the authors claim that the contradictory system of dramatis personae created by means of unidentified collective *мы* -subjects was one of the causes of polar opposite interpretations of “small” poems.

KEYWORDS: S. A. Yesenin’s “small” poems, language of poetry, grammar of poetry, pronoun *мы*, referential relation of personal pronouns

FOR CITATION: Arskaya Yu. A., Mamedov A. A. Peculiarities of Referential Relation of the Pronoun *Мы* (“We”) in S. A. Yesenin’s “Small” Poems. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2020. No. 6. Pp. 94–106. DOI: 10.31857/S013161170012880-7.

«**М**аленькие» поэмы С. А. Есенина образуют цикл из 12 текстов («Товарищ», «Певущий зов», «Отчарь», «Октоих», «Пришествие», «Преображение», «Инония», «Иорданская голубица», «Небесный барабанщик», «Сельский часослов», «Пантократор», а также «Кобыльи корабли»), созданных с 1917 по 1919 гг. и объединенных идеей разрушения старого мира и создания нового.

Как показывает история изучения «маленьких» поэм, они представляют собой самые сложные для интерпретации поэтические произведения С. А. Есенина: «Для критики 20-х годов XX века поэмы были по преимуществу реакционными, для критики периода оправдания Есенина — апофеозно-революционными. <...> В работах есениноведов 70–80-х годов XX века сильны сомнения в безоговорочном революционном пафосе «маленьких» поэм. <...> Противоречивость в оценках говорит о значимости этих поэм» [Кузьмищева 2011: 46].

Возможность диаметрально противоположных трактовок данных текстов обусловлена, на наш взгляд, далеко не только различиями в мировоззрении интерпретаторов и изменением научной парадигмы, но и самой спецификой языковой организации цикла: замысловатой образностью, множеством библейских аллюзий и референциальной¹ неопределенностью художественного мира, которая прежде всего проявляется в противоречивости и фрагментарности образов персонажей и пространственных координат, в которых они действуют.

На первый взгляд, в «маленьких» поэмах множество действующих лиц, активно участвующих в описываемых процессах преобразования действительности. Однако внимательный лингвистический анализ данных текстов показывает, что в большинстве из них, несмотря на наличие элементов сюжета, персонажи (а также их действия и отношение к лирическому герою) с трудом поддаются идентификации. Так, анализ средств адресации в «маленьких» поэмах позволяет сделать вывод о том, что «большинство адресатов императивов и обращений в исследуемых текстах имеет отвлеченный характер или не идентифицируется, а потому

¹ В рамках теории, разработанной Е. В. Падучевой, под *референцией* понимается соотнесение языковых выражений с объектами действительности (*референтами*). *Референциальный статус* — это специфика референта с точки зрения его известности/неизвестности говорящему. Выделяется (1) *референтный* (а) *определенный* статус, если объект известен говорящему («Я прочел эту книгу»); (б) *неопределенный*, когда объект выделен из класса однородных объектов, но неизвестен говорящему («*Какие-то* люди побывали в моей комнате»; и (2) *нереферентный*, когда объект не выделен из класса предметов («В этом лесу водятся *лоси*») [Падучева 1985: 87, 91, 94].

“динамичность образов” принадлежит ментальной сфере автора» [Арская 2018: 25].

Структурно-семантический анализ двусоставных предложений всех поэм цикла показывает, что большая часть грамматических субъектов² также представлена отвлеченными номинациями (*ночь, тишина, мрак, страх, мечты, свет, прохлада, голод, гибель, вера, правда, время, грусть, дни, смерть, слово, вечер, душа, память, рок* и др.) или наименованиями природных, а также космических явлений и объектов (*небо, солнце, звезды, месяц, луна, Водолей, ветер, заря, гром, гроза, буря, метель, дождь, снег, пламя, огни, тучи, весна, облако, прибой, родник, песок* и др.). При этом номинации лиц в позиции подлежащего составляют, по нашим подсчетам, лишь 15 % грамматических субъектов двусоставных предложений всего цикла (*отец, товарищи, народ, люд, вои, пастыри, Мартин, мать, рыбак, дед, воитель, жаждущие бденья, рачитель, сеятель, гость, пророк Есенин Сергей, пахарь, калмык и татарин, солдаты, полководцы, стрелок, кто-то, человек, поэт*).

Преобладающий отвлеченный характер субъектов предложений и тяготение к нереферентному и референтному неопределенному употреблению номинаций лиц не позволяют говорить о наличии системы персонажей «маленьких» поэм, при этом множество лексических повторов свидетельствует о языковой цельности данных текстов как цикла.

Вышесказанное позволяет заключить, что лирический герой как субъект персонажного уровня занимает не просто центральное, но исключительное место в художественном мире «маленьких» поэм.

Цель данной статьи — проанализировать денотативную³ составляющую значения номинаций с использованием местоимения *мы*, являющихся одним из способов обозначения лирического героя в рассматриваемом поэтическом цикле С. А. Есенина.

Для подробного исследования выбрана поэма «Инония», поскольку именно она представляет собой самый большой по объему текст «маленьких» поэм, в котором наиболее эксплицитно отражена характерная для всего цикла космогоническая тематика.

По сравнению с другими «маленькими» поэмами лирический герой в «Инонии» чаще предстает активно действующим демиургом. С точки

² Под *субъектом* в данной работе понимаются сущности разного рода: грамматический субъект — это подлежащее, а семантический — это производитель действия или носитель признака или состояния, описываемого сказуемым (*предикатом*). Синтаксическая структура, образуемая предикатом, называется *предикативной единицей* (далее — ПЕ).

³ *Денотативная* составляющая значения — информация об объектах действительности, названных данным словом.

зрения лексической и синтаксической организации текста «Инония» выделяется на фоне остальных поэм повышенной «я-центричностью». Проведенный нами количественный анализ показал, что местоимение *я* в функции грамматического субъекта встречается в поэме 19 раз, а в 39 случаях оно является семантическим субъектом двусоставных неполных предложений с предикатом 1-го лица ед. ч. Таким образом, *я* — семантический субъект 58 предикативных единиц, что составляет 44,3 % всех ПЕ поэмы. Кроме того, четверть предложений с грамматическим субъектом и/или предикатом 3-го лица ед. и мн. ч. обнаруживает семантическую связь с лирическим героем или референциальную отсылку описываемых ситуаций к говорящему: «Грозовой расплескались вьюгою / От плечей **моих** восемь крыл»⁴.

Помимо местоимения *я* и глаголов 1-го лица ед. ч., лирический герой выражен в «Инонии» местоимением *мы*, которое встречается четыре раза. В ряде исследований ([Гранева 2009а], [Норман 2002] и др.) отмечается неопределенность референта этого местоимения: «Семантическая сложность *мы* в русском языке обусловлена как неопределенностью второй составляющей “совокупного субъекта” (‘не-я’), так и возможностью различного долевого участия партнеров в рамках этого субъекта» [Норман 2002: 233].

Местоимение *мы* в трех случаях из четырех и местоимение *наш* в трех случаях из пяти сконцентрированы в четвертой и шестой строфах в начале поэмы «Инония». Рассмотрим последовательно все случаи использования местоимения *мы* в этом тексте.

Местоимение *мы* появляется впервые в четвертой строфе на фоне повествования от первого лица в синтаксической функции субъекта в придаточном предложении: «Я хочу, чтоб на бездонном вытяже / **Мы** воздвигли себе чертог».

Текст «Инонии» до этого предложения состоит из 32 ПЕ, 22 из которых — с грамматическим субъектом и/или предикатом 1-го лица ед. ч., 10 — с грамматическим субъектом и/или предикатом 3-го лица ед. ч. Пять из десяти ПЕ 3-го лица включают эксплицитное указание на референциальную соотнесенность именных групп к лирическому герою *я*: притяжательное местоимение *мой*, местоимение *я* в дательном падеже и имя собственное *Есенин Сергей*.

Три из оставшихся пяти ПЕ с грамматическим субъектом и/или предикатом 3-го лица, в которых отсутствуют притяжательные местоимения и другие указания на принадлежность лирическому герою, представляют собой придаточные к предложениям с субъектом и/или предикатом

⁴ Все цитаты текста «Инонии» даются по [Есенин 1997].

в 1-м лице: 1) «Я иное узрел пришествие — / Где не пляшет над правдой смерть»; 2) «Не хочу я небес без лестницы, / Не хочу, **чтобы** падал снег»; 3) «Не хочу, **чтоб** умело хмуриться / На озерах зари лицо».

Таким образом, до появления первого местоимения *мы* в тексте только две ПЕ не имеют семантической или референциальной связи с лирическим героем: «Лай колоколов над Русью грозный — / Это плачут стены Кремля». Все остальные ПЕ, как показывает проведенный анализ, синтаксически и семантически организованы вокруг субъекта *я*, в то время как никакого указания на то, кто или что является «второй составляющей “совокупного субъекта”», к которому отсылает *мы* 33-й ПЕ, в тексте не содержится.

Прочие субъекты, встречающиеся в анализируемом фрагменте, представляют собой отвлеченные существительные и являются метафорами или входят в состав развернутых метафор: *время, лязг кнута, смерть, зари лицо, моих восемь крыл, лай колоколов, (плачут) стены Кремля, словесный луг*. Среди существительных, выступающих в других синтаксических функциях, выделяется группа имен собственных и нарицательных, семантически принадлежащих библейской сфере: *пророк, Господи, Бог, Радонеж, Библия, Христово тело, спасение, муки, крест, учение, пришествие, восемь крыл*.

На основании всего этого можно сделать вывод о том, что местоимение *мы*, появляющееся в данном контексте, не позволяет однозначно определить его референциальную соотнесенность.

И. Ю. Гранева относит подобные употребления личного местоимения 1-го лица мн. ч. к нереферентным: «Нереферентное употребление *мы* связано с отсутствием отсылки к непосредственному участнику речевой ситуации, когда *мы* обозначает неопределенное множество людей, не подлежащее параметризации по объему» [Гранева 2009а: 12].

В случае с поэтическим текстом невозможно говорить о полноценной коммуникативной ситуации. Из трех типов нереферентных употреблений *мы*, описанных И. Ю. Граневой, для поэтических текстов характерно два: ***мы* экзистенциальное**, «очерчивающее некий класс лиц, объединяя говорящего вместе с лицами одного с ним круга, одних с ним взглядов, убеждений и т. п.», и имеющее значение ‘я + некоторые лица’, и ***мы* универсальное**, «предполагающее указание на множество всех лиц, включая говорящего», со значением ‘я + все’ [Там же: 12, 13]. При этом исследователь отмечает, что экзистенциальное *мы* «в специфических коммуникативных условиях художественной речи... трансформируется в *мы* поэтическое», которое «отличается от основного типа тем, что референтная группа все же задается контекстом (например, заглавием)»: «Мы не сдадим позиций Октября» (Вас. Александровский. Красноармейцам)

[Там же: 17]. По И. Ю. Граневой, *мы* «поэтическое» «содержит установку — очертить некий круг “наших” по аксиологически или психологически значимому признаку (принадлежность к культурной группе, художественному течению и пр.)» [Гранева 2009б: 85].

Контекст первого *мы* «Инонии» не задан ни текстом поэмы, ни заглавием. Как было показано выше, 32 ПЕ до появления первого *мы* посредством метафор описывают физические действия лирического героя-демиурга, а также представляют его воспринимающим и мыслящим субъектом, а кроме того — субъектом речи. Как кажется, подобная грамматическая и семантическая организация текста в сочетании с будущим временем многих глаголов (*не утрашуся; остригу; раскушу; прокушу; протянусь; выщиплю; ухвачу*) говорит о том, что описываемый в первых пяти строфах поэмы художественный мир целиком принадлежит ментальному пространству лирического героя.

Следующие два местоимения 1-го лица мн. ч. появляются в 6-й строфе поэмы, содержащей аллюзию на 136-й псалом: «Проклинаю тебя я, Радонез, / Твои пятки и все следы! / Ты огня золотого залежи / Разрыхляя киркою воды. / Стая туч твоих, по-волчьи лающих, / Словно стая злющих волков, / Всех зовущих и всех дерзающих / Прободала копьем клыков. / Твое солнце когтистыми лапами / Прокотялось в душу, как нож. / На реках вавилонских **мы** плакали, / И кровавый мочил **нас** дождь. / Ныне ж бури воловьим голосом / Я кричу, сняв с Христа штаны: / Мойте руки свои и волосы / Из лоханки второй луны».

В данном фрагменте *мы* также затруднительно охарактеризовать с точки зрения его референциальной соотнесенности. Возможно, *мы* обозначает некоторое подмножество класса субъектов, названного именными группами с субстантивированными причастиями *всех зовущих* и *всех дерзающих*. В пользу такой интерпретации говорит семантическая связь между предложениями в данном отрывке. Нагнетание насильственных метафор и сравнений с семантической доминантой *острие* во втором, третьем и четвертом предложениях логически завершается описанием страдания в пятом предложении с помощью метафоры с областью-источником *кровь*. В терминологии Ю. М. Лотмана данные метафоры как имеющие одинаковое денотативное содержание являются эквивалентными элементами художественной структуры [Лотман 1998: 46]. При этом сами номинации *всех зовущих* и *всех дерзающих* неререферентны. Как известно, определительное местоимение *весь* в сочетании с именем мн. ч. способно актуализировать как референтный определенный («Все сотрудники отдела выполнили свой годовой план»), так и неререферентный универсальный статус («Все дети любят мороженое») [Падучева 1985: 95].

Представляется, что при нереферентных употреблении границы класса предметов, названного субстантивированным причастием множественного числа, для слушающего остаются более неопределенными, чем в случае с существительными. Ср. контексты в первой и второй группах:

1) «Более того, **все воры** в Москве не работали в то время, наслаждаясь этим фильмом дома вместе с остальными зрителями» (Форум: 17 мгновений весны. 2005–2010); «**Все курильщики** знают, что курить вредно, но продолжают это делать» (Форум: Моющие средства (альтернатива). 2010);

2) «Но снова те же кассиры отправляли **всех желающих** приобрести билеты на электрички исключительно в нашу кассу» («Смерть предателям»?) (Н. Сверчок. Мы виноваты уж тем, что хочется нам ехать... (2002) // Сочи. 22.08.2002); «У **всех интересующихся** есть возможность пройти с сопровождающим в гости к животным, выступающим в театре, и познакомиться с ними» (Детский сад (2002) // Известия. 14.02.2002)⁵.

Следовательно, можно сказать, что субстантивированные причастия в анализируемом фрагменте дополнительно вносят референциальную неопределенность, так как границы класса объектов, поименованных ими, для читателя остаются более размытыми, чем в случае нереферентных употреблений существительных множественного числа с местоимением *весь*.

Последний, четвертый, случай использования местоимения *мы* в тексте «Инонии» встречается в заключительном стихе поэмы и, в отличие от первых трех случаев, местоимение включено не в речь лирического героя, а в текст песни, которой завершается поэма: «И тихо под шепот речки, / Прибрежному эху в подол, / Каплями незримой свечки / Капает песня с гор: / “Слава в вышних Богу / И на земле мир! / Месяц синим рогом / Тучи прободил. / Кто-то вывел гуся / Из яйца звезды — Светлого Иисуса / Проклевать следы. / Кто-то с новой верой, / Без креста и мук, / Натянул на небе / Радугу, как лук. / Радуйся, Сионе, / Проливай свой свет! / Новый в небосклоне / Вызрел Назарет. / Новый на кобыле / Едет к миру Спас./ Наша вера — в силе. / Наша правда — в нас!”».

Вероятно, лирический герой уже не является частью этого *мы*, при этом за рамками текста остается информация о том, кто является тем субъектом речи, с которым соотносится местоимение *мы*. В отличие от трех предыдущих употреблений *мы* в «Инонии», в данном случае совершенно неизвестен первый «долевой участник» общности (субъект речи), в то время как претендентом на соучастие в этой общности может быть «новый Спас».

⁵ Примеры извлечены из Национального корпуса русского языка: <http://www.ruscorpora.ru>.

Подобным образом местоимение *мы* используется и в других «маленьких» поэмах. Подробный анализ всех текстов приводит к мысли о частотности не поддающихся референциальному отнесению употреблений местоимения *мы* как особенности данного цикла.

Для верификации данного предположения мы прибегли к количественному анализу дореволюционной лирики С. А. Есенина с помощью поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка. Оказалось, что местоимение *мы* в лирике поэта периода до 1917 г. встречается достаточно редко: в 195 текстах оно использовано 51 раз, в то время как в 11 из 12⁶ «маленьких» поэм — 47 раз.

При преобладающей непрозрачности референциального статуса местоимения *мы* в «маленьких» поэмах, *мы* дореволюционных текстов в подавляющем большинстве случаев поддается подробному анализу. В стихотворениях 1907–1916 гг. все употребления местоимения *мы* можно разделить на три типа:

1) *мы* внутри прямой речи героев сюжетной лирики (14 употреблений);

2) «*мы* экзистенциальное» (*мы* = 'лирический герой + некоторые лица' (5 употреблений); *мы* = 'лирический герой + адресат стихотворения в любовной лирике или посвящениях конкретным лицам' (10 употреблений); *мы* = 'лирический герой + неодушевленный предмет' (1 употребление));

3) «*мы* универсальное» (лирическое *мы*⁷ (7 употреблений); *мы* = 'лирический герой + все' (13 употреблений)).

По данным проведенного анализа, неререферентными являются 26 употреблений *мы* из 51. Это 5 употреблений в значении 'лирический герой + некоторые лица', 7 употреблений в текстах, где присутствует лирическое *мы*, 13 употреблений в значении 'лирический герой + все' и 1 неререферентное употребление, в котором референциальный статус *мы* не вполне ясен: «Занеслися залетною пташкой / Панихидные вести к **нам**. / Родина, черная монашка, / Читает псалмы по сынам. / Красные нити часослова / Кровью окропили слова. / Я знаю — ты умереть готова, / Но смерть твоя будет жива» («Занеслися залетною пташкой...», 1915)⁸.

При этом вторая составляющая *мы* в экзистенциальных употреблениях, которые сосредоточены в пяти стихотворениях, как правило, охарактеризована контекстом или заглавием: «Разухабистой гурьбой / По сугробам, по пригоркам / Мы идем, бредем домой. / Опостылеют салазки, /

⁶ Местоимение *мы* не встречается в поэме «Отчарь».

⁷ И. Ю. Гранева выделяет лирическое *мы* как «производное к обычному "универсальному *мы*"» [Гранева 2009а: 18].

⁸ Все цитаты дореволюционных текстов С. А. Есенина даются по [Есенин 1996].

И садимся в два рядка / Слушать бабушкины сказки / Про Ивана-дурака. / И сидим **мы**, еле дышим. / Время к полночи идет. / Притворимся, что не слышим, / Если мама спать зовет» («В зимний вечер по задворкам...» | Бабушкины сказки, 1913–1915); «Вы к **нам** явились, как солнце / Среди тумана серых туч, / И, заглянув в души моей оконце, / Свой бросили животворящий луч» («Вы к нам явились, как солнце...» | И. Д. Рудинскому по поводу посещения им нашей школы 17 ноября 1911 г., 1911).

Анализ с помощью поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка показывает, что для дореволюционной лирики С. А. Есенина нехарактерно использование местоимения *мы* с неясным референциальным статусом — он либо референтный, либо нереферентный (чаще всего — «*мы* универсальное»). При этом в «маленьких» поэмах преобладают нереферентные употребления, которые затруднительно более подробно классифицировать с точки зрения референциальной соотнесенности. Интерпретировать *мы* «маленьких» поэм как *мы* универсальное («лирический герой + все» или лирическое *мы*) не позволяет множество сопутствующих ему местоимений *вы*, так же редко соотнесенных с какими-либо номинациями в контексте, и других средств адресации. Данный тезис справедлив не только для «Инонии», но и для десяти других поэм, в которых встречается данное местоимение.

Таким образом, для цикла «маленьких» поэм С. А. Есенина характерна повышенная частотность употреблений местоимения *мы*, которое в подавляющем большинстве случаев обозначает лирического героя, выступающего как часть некоего коллективного субъекта. На образном уровне организации текста это приводит к формированию противоречивой системы действующих лиц, которые сами по себе, а также ввиду наличия внешне противопоставленных им субъектов, обозначенных местоимением *вы*, не поддаются однозначной идентификации. Представляется, что на фоне тяготения к отвлеченному характеру субъектов художественного мира «маленьких» поэм и адресатов лирического героя референциальная непрозрачность отличает поэтику данного цикла в целом. Автор как будто намеренно избегает однозначного отождествления лирического героя с какой-либо «ценностно значимой для него группой лиц» [Гранева 2009б: 83], не позволяет своему герою обнажить «ценностную позицию говорящего по отношению к миру» [Там же: 83], средством выражения которой является местоимение *мы*. Эта «недосказанность», на наш взгляд, — один из источников идеологически противоречащих друг другу интерпретаций рассматриваемых текстов: наделенный автобиографическими чертами лирический герой с не артикулированной явно ценностной позицией способствовал приписыванию диаметрально противоположных взглядов его автору.

Литература

- Арская Ю. А. Метаморфозы автора и его поэтики: лингвистический анализ революционных поэм С. А. Есенина // Русский язык в парадигме современного образования: Россия и Иберо-Американский мир: материалы Международного форума (10–11 мая 2018 г., г. Кадис, Испания) / Южный федеральный университет (редкол.: О. Е. Гайбарян и др.). Ростов-на-Дону, Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2018. С. 20–25.
- Гранева И. Ю. Местоимение *мы* в современном русском языке: коммуникативно-прагматический подход: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Вят. гос. гуманитар. ун-т. Киров, 2009а. 27 с.
- Гранева И. Ю. Местоимение *мы* и проблема языковой концептуализации мира // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009б. № 2 (019). С. 82–87.
- Есенин С. А. Полное собрание сочинений. В 7 т. Т. 2. Стихотворения (Маленькие поэмы). М.: Наука: Голос, 1997. 464 с.
- Есенин С. А. Полное собрание сочинений. В 7 т. Т. 4. Стихотворения, не вошедшие в «Собрание стихотворений». М.: Наука: Голос, 1996. 544 с.
- Кузьмищева Н. М. Мифопоэтика «струящихся» образов «маленьких» поэм в контексте эпоса Сергея Есенина: монография. Иркутск: ИГЛУ, 2011. 313 с.
- Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Об искусстве. СПб.: Искусство-СПб, 1998. С. 14–288.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 09.01.2020).
- Норман Б. Ю. Русское местоимение *мы*: внутренняя драматургия // Russian linguistics. 26 (2). 2002. С. 217–234.
- Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Наука, 1985. 272 с.
-

References

- Arskaya Yu. A. [Metamorphoses of the author and his poetics: a linguistic analysis of S. A. Yesenin's revolutionary poems]. *Russkii yazyk v paradigme sovremennogo obrazovaniya: Rossiya i Ibero-Amerikanskii mir: materialy Mezhdunarodnogo foruma (10–11 maya 2018 g. g. Kadis, Ispaniya)* [The Russian language in the contemporary education paradigm: Russia and the Ibero-American world: materials of the International forum (May 10–11 2018. Cádiz (Spain))]. Rostov-on-Don, Taganrog, Sthouthern Federal Univ. Publ., 2018, pp. 20–25. (In Russ.)
- Graneva I. Yu. *Mestoimenie my v sovremennom russskom yazyke: kommunikativno-pragmaticheskii podkhod*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [The pronoun *мы* ("we") in modern Russian: communicative and pragmatic approach: Kand. philol. sci. diss. abstract]. Kirov, 2009. 27 p.

- Graneva I. Yu. [The pronoun *мы* (“we”) and the problem of language conceptualization of the world]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 2009, no. 2 (019), pp. 82–87. (In Russ.)
- Kuz'mishcheva N. M. *Mifopoetika “struyashchikhsya” obrazov “malen'kikh” poem v kontekste eposa Sergeya Esenina: monografiya* [“Flowing” images’ mythological poetics in “small” poems in context of Sergey Yesenin’s epos: a monograph]. Irkutsk, IGLU Publ., 2011. 313 p.
- Lotman Yu. M. [Structure of a literary text]. *Ob iskusstve* [On the arts]. St.-Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 1998, pp. 14–288. (In Russ.)
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 09.01.2020).
- Norman B. Yu. [The Russian pronoun *мы* (“we”): inner dramaturgy]. *Russian linguistics*, 2002, no. 26 (2), pp. 217–234. (In Russ.)
- Paducheva E. V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu (Referentsial'nye aspekty semantiki mestoimennii)* [An utterance and its relation to reality (Referential aspects of pronouns’ semantics)]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 272 p.
- Ysenin S. A. *Polnoe sobranie sochinenii. V 7 t. T. 2. Stikhotvoreniya (Malen'kie poemyy)* [Complete works. In 7 Vols. Vol. 2. Poems (Small poems)]. Moscow, Nauka, Golos Publ., 1997. 464 p.
- Ysenin S. A. *Polnoe sobranie sochinenii. V 7 t. T. 4. Stikhotvoreniya, ne voshedshie v “Sobranie stikhotvoreniy”* [Complete works. In 7 Vols. Vol. 2. Poems not included into “Collection of poems”]. Moscow, Nauka, Golos Publ., 1996. 544 p.

Сонет-медальон Игоря Северянина «Шмелев» как стихотворный ремейк «Солнца мертвых»

Олег Иванович Федотов, Московский педагогический государственный университет
(Россия, Москва), o_fedotov@list.ru

DOI: 10.31857/S013161170012881-8

АННОТАЦИЯ: Медальон Игоря Северянина, посвященный И. С. Шмелеву, представляет собой поэтический аналог его трагической эпопеи «Солнце мертвых». Игорь Северянин побывал в Крыму дважды: в марте 1913, а также в конце декабря 1913 — начале января 1914 гг., т. е. за четыре года до гражданской войны, заставшей его в Эстонии, гражданином которой ему суждено было стать и где он закончил жизнь в 1941 г., предсказав свою кончину горьким парафразом тургеневского стихотворения в прозе: «Как хороши, как свежи будут розы / Моей страной мне брошенные в гроб!» Следовательно, можно с уверенностью заключить: если в реальности его взору предстал именно «цветущий» край, то в своем сонете он воссоздал прежде всего картину мира, отображенную в «Солнце мертвых», и уже во вторую очередь поверил ее не такими уж давними личными впечатлениями. Между двумя произведениями неизбежно должны были установиться активные интертекстуальные связи, обогащающие оба текста. Анализ развернутой системы эпитетов северянинского сонета («цветущий Крым», «ошеломляемая людьми природа», «людская свобода», «безучастный небосвод», «умирающие живые <люди>», «глумливое светило солнце», «солнце мертвых», «злой дракон совсем из Сологуба», «в смехе золотом все было грубо», «в каждом смерти была окне» и др.) убедительно подтверждает это предпо-

ложение. С одной стороны, практически все они порождены явственным поэтическим элементом иступленной прозы Шмелева, с другой стороны, в них отразилась и творческая индивидуальность поэта, казалось бы, очень далекого от автора «Солнца мертвых». В резонансе двух неповторимых художественных систем образовался в результате синтетически сложный, экспрессивно-напряженный и исключительно многозначный интертекст.

ключевые слова: Игорь Северянин, сонет-медальон, система эпитетов, Шмелев, «Солнце мертвых»

для цитирования: Федотов О. И. Сонет-медальон Игоря Северянина «Шмелев» как стихотворный ремейк «Солнца мертвых» // Русская речь. 2020. № 6. С. 107–116. DOI: 10.31857/S013161170012881-8.

The Language of Fiction

Sonnet-Medallion by Igor Severyanin “Shmelev” as a Remeyk of “The Sun of the Dead”

Oleg I. Fedotov, Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow), o_fedotov@list.ru

ABSTRACT: Medallion of Igor Severyanin dedicated to I. S. Shmelev, is a poetic analogue of his tragic saga “The Sun of the Dead”. Igor Severyanin visited Crimea twice: in March 1913, and also in late December 1913 — early January 1914. It was four years before the civil war that caught him in Estonia, the citizen of which he was destined to become and where he ended his life in 1941, having denounced it with a paraphrase of the poem in prose by Turgenev: “How fresh, how beautiful will be the roses that my country will throw upon my tomb!” Therefore, we can confidently conclude: in reality it was the “blooming” land that appeared to his eyes, but in his sonnet he recreated the picture of the world, displayed in “The Sun of the Dead”, and it with

his personal impressions. Inevitably, active intertextual links were to be established between the two works, enriching both texts. The analysis of the expanded system of epithets of the Severyanin sonnet ("blooming Crimea", "nature stunned by people", "human freedom", "indifferent sky", "dying living <people>", "mocking sun shone", "sun of the dead", "evil dragon as if from Sologub", "everything was rude in golden laughter", "there was death in every window", etc.) convincingly confirms this assumption. On the one hand, almost all of the epithets are generated by a clear poetic element of Shmelev's frenzied prose, on the other hand, they also reflect the creative individuality of the poet, who seemed to be very far from the author of "The Sun of the Dead". As a result, the resonance of two unique artistic systems formed an expressively intense and synthetically-complex extremely poly-semantic intertext.

KEYWORDS: Igor Severyanin, sonnet-medallion, system of epithets, Shmelev, "The Sun of the Dead"

FOR CITATION: Fedotov O. I. Sonnet-Medallion by Igor Severyanin "Shmelev" as a Remeik of "The Sun of the Dead". Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 6. Pp. 107–116. DOI: 10.31857/S013161170012881-8.

ШМЕЛЕВ

Все уходило. Сам цветущий Крым
Уже задумывался об уходе.
В ошеломляемой людьми природе
Таилась жуть. Ставало все пустым.
И море посинелым и густым
Баском ворчало о людской свободе.
И солнце в безучастном небосводе
Светило умирающим живым.
Да, над людьми, в страданиях распростертых,
Глумливое светило солнце мертвых
В бессмысленно-живом своем огне,
Как злой дракон совсем из Сологуба,
И в смехе золотом все было грубо
Затем, что в каждом смерти была окне...

(Северянин 1941)

В отличие от большинства написанных им сонетов-медальонов (их свыше ста), в которых, как правило, даются поэтические портреты либо характеристики творчества обозначенных в названиях поэтов, прозаиков

и композиторов, в «Шмелеве» Северянин осуществил стихотворный ремейк кровотокащей эпопеи своего современника.

С первой же строки, с первых вступительных слов стихотворения заявлена тема ухода — ухода в небытие, ухода целой эпохи с утратой выработанного веками гармонического уклада жизни. Тавтологическое, по сути дела, сочетание безличного глагола среднего рода «уходило» с обобщенным и неоднозначным существительным «об уходе» находит поддержку в местоимении «всё», прозрачно намекая на поистине вселенскую или, во всяком случае, в масштабах всей России гуманитарную катастрофу. Одним словом — Уход. Для усиления впечатления это слово повторяется еще дважды.

Об уходе «задумывается» отнюдь не частный человек, а «сам цветущий Крым». Метафорический глагол «задумывается» олицетворяет Крым как разумное живое существо, размышляющее о том, чтобы оторваться от России, стать, как у Аксенова, островом, бежать от кошмара гражданской войны, эмигрировать, и... вместе с тем о неизбежной гибели. «Все уходило» — не что иное, как шадящий эвфемизм апокалиптической «всеобщей смерти». Почти дословную аналогию находим и у Шмелева: «У доктора дрожат руки, трясется челюсть. Губы его белесы, десны синеваты, взгляд мутный. Я знаю, что и он — *уходит*. Теперь *на всем* лежит печать *ухода* (курсив мой. — О. Ф.). И — не страшно» [Шмелев 2017]¹.

Не в пример персонифицированному заголовку, указующему на автора «Солнца мертвых», обобщенный субъект повествования никак себя не обнаруживает, хотя косвенно все же выражает и свое личностное отношение к происходящему разветвленной системой нетривиальных тропов. Наиболее активны среди них несущие на себе изрядную долю индивидуальных предпочтений как автора, так и заглавного героя медальона, обильные экспрессивно заряженные и отмеченные необычной грамматической формой эпитеты:

- 1) «*цветущий Крым*»,
- 2) «*в ошеломляемой людьми природе*»,
- 3) «*ставало все пустым*»,
- 4) «*посинелым и густым / Баском*» (о ворчании моря),
- 5) «*о людской свободе*»,
- 6) «*в безучастном небосводе*»,
- 7) «*и солнце <...> / Светило умирающим живым*»,
- 8) «*в страданиях распростертых*»,
- 9) «*глумливое светило солнце*»,

¹ Текст «Солнца мертвых» здесь и далее цитируется по этому электронному изданию без указания страниц.

- 10) «солнце мертвых»,
- 11) «в бессмысленно-живом своем огне»,
- 12) «злой дракон совсем из Сологуба»,
- 13) «в смехе золотом все было грубо»,
- 14) «в каждом смерть была окне».

Исключительный интерес в этом смысле представляет вопрос: чью точку зрения они по преимуществу отражают — Северянина или Шмелева?

Игорь Северянин побывал в Крыму дважды: в марте 1913, а также в конце декабря 1913 — начале января 1914 гг., т. е. за четыре года до гражданской войны, заставшей его в Эстонии, гражданином которой ему суждено было стать и где он закончил жизнь в 1941 г., предсказав свою кончину еще в 1925 г. горьким парафразом тургеневского стихотворения в прозе: «Как хороши, как свежи будут розы / Моей страной мне брошенные в гроб!» [Северянин 1990: 180]. Следовательно, можно с уверенностью заключить: если в реальности его взору предстал именно «цветущий» край, то в своем сонете он воссоздал прежде всего картину мира, отраженную в «Солнце мертвых», и уже во вторую очередь поверил ее не такими уж давними личными впечатлениями.

Итак, первый, как будто бы заурядный банальный эпитет, выраженный причастием «цветущий», относится к одушевленному Крыму. С одной стороны, он воспринимается как само собой разумеющееся определение полуострова как царства действительно вечнозеленого неистового буйства флоры. Примерно таким он предстал еще в знаменитых «Крымских сонетах» Адама Мицкевича:

Łąka w kwiatach, nad łąką latające kwiaty,
Motyle różnofarbne, niby tęczy kosa,
Baldakimem z brylantów okryły niebiosą;
Dalej szarańcza ciągnie swój całun skrzydlaty.
(A. Mickiewicz. Sonety krymskie XI. Ałuszta w dzień)

[Поляна вся в цветах, над ней цветы летают
Цветастых мотыльков, как радужные косы,
Закрылось небо балдахином бриллиантов;
Натягивает саранча крылатый саван].

(А. Мицкевич. Крымские сонеты, XI. Алушта днем /
Пер. О. Федотова) [Федотов 2011: 589–590]

Но в данном случае речь идет о цветении не столько растений, сколько всего Киммерийского Крыма, воспетого Волошиным и Шмелевым. В «Солнце мертвых» буквального повторения эпитета «цветущий» нет.

Там мы находим «груды *цветов* — нездешних», украшенные цветами деревья, тоже «нездешние: высокие-высокие *сирени*, бледные *колокольчики* на них, *розы* поблекшие», а также «старую татарскую грушу», которая в унисон всей «ошеломляемой людьми природе» упорно «*цветет* и сохнет»², и, наконец, цельную картину весеннего пробуждения неповторимой крымской флоры: «Там рано *расцветают* подснежники, белый фарфор кафельский, и виноград поспекает раньше — от горячего камня-диорита, и фиалки *цветут* на целую неделю раньше».

Далее привлекает внимание синтаксическая констатация, представшая в свойственном Северянину стилистическом регистре: «В *ошеломляемой* людьми природе / Таилась жуть». Это продолжение весьма пространной экспозиции, раскинувшейся на восемь стихов катренной части. Столь любимый Северяниным эффект экстравагантного словоупотребления обеспечивается причастием в страдательном залоге «ошеломляемой», т. е. находящейся в процессе непрекращающегося ошеломления, которое наносят природе обезумевшие в бойне гражданской войны люди. Зловещая «жуть» затаилась в ней, наподобие одноглазого лиха, гнетущей тревогой, порождаемой резким ритмическим перебоем анжамбемана на внутрисконъюнктивной паузе после 2-й стопы. И тут же еще один морфологический раритет: «*Ставало* все *пустым*», не «становилось», а именно «ставало» — архаизм³, усугубляет тотальное опустошение и чувство тотального ужаса.

Эпитет «*пустым*» в сочетании с местоимением «всё», конечно же, был внушен сквозным лейтмотивом шмелевской эпопеи. Вот, к примеру, как описываются шесть курочек, которых высидела одинокая индюшка: «Пышные, они день ото дня *пустеют*, становятся легкими, как их перья. Зачем я их вызвал к жизни?! Обманывать *пустоту* жизни, наполнить птичьими голосками?» В полном соответствии с неоднозначным обобщением глобального опустошения как аннигиляции жизни получила свое наименование глава «Пустыня». Речь у Шмелева, конечно, идет не о какой-то конкретной, засыпанной бесконечными песками местности, вроде Сахары или места действия боевика Вл. Мотыля «Белое солнце пустыни», а о пустыне в библейском смысле, уединенном пространстве⁴, уместном для randevu поэта-пророка с Серафимом и самим Богом.

В соответствующем бытийном значении эпитет «пустой» и производная от него символическая «пустыня» повторяются в эпопее неоднократно:

² Эта формула, как рефрен, повторяется дважды.

³ Как считал В. И. Даль, этот глагол употреблялся почти только в церковном обиходе, «стихерах» и в «думах». См. [Даль 1980: 4, 309].

⁴ По определению В. И. Даля, «необитаемое, обширное место, простор, степи» [Даль 1980: 3, 542].

«Понять не могу, кому и зачем понадобилось все обратить в *пустыню*, залить кровью!» И море, и небо, как мы увидим далее, упоминаются в сопровождении чуть ли не постоянных эпитетов «синее и *пустое*». Отчего же небосвод в сонете Северянина оказывается «безучастным»? Да оттого, что с землей сливается не только «пустое море», но и «пустое небо». Пустыня на земле безлюдна, а небо, в восприятии автора-повествователя «Солнца мертвых», лишилось Бога: «Бога у меня нет: синее небо *пусто*».

Неотделимое от крымского локуса море, тоже естественным образом олицетворенное, ворчит у Северянина «посинелым и густым / Баском» не о чем-нибудь, а именно «о *людской* свободе», как бы реагируя на достопамятное обращение лирического героя Пушкина: «Прощай, *свободная* стихия...». Будучи символом свободы, море скорее всего недовольно разнужданным своеволием людей, которое обесчеловечивает их и не имеет ничего общего с естественной гармонией, царящей в природном мире. Если эпитет «*густой*» по отношению к ворчащему басу напрашивается сам собой, то сопредельное с ним колористическое определение «*посинелый*» воспринимается уместным только с поправкой на море, которое, как и небо, в художественном мире «Солнца мертвых» накрепко связано с безжизненно холодной синевою.

Изнемогающая от голода корова Тамарка с усилием отрывает «глаза от кукурузы, поворачивает от калитки и... смотрит в море. *Синее* и *пустое*. Она его хорошо знает: *синее* и *пустое*. <...> *Фиолетовый* пляж розовым подержался, теперь бледнеет. Накалится — засветится. К ночи с холоду *посинеет*. А вот и она — *синь-бель*: вскипает с играющего моря. <...> Бога у меня нет: синее небо *пусто*. <...> А там вон — горы, *синие* какие стали! Ты и их не знала, а привыкла. А это, *синее* такое, большое? Это — море.

Знаменательно, что этот находящийся в холодной фиолетовой части спектра цвет объединяет две, казалось бы, враждебных друг другу природных стихии — небо и море, скрадывая неизбежное между ними вертикальное измерение пространства. Получается, таким образом, парадоксальное слияние, отождествление антиномических координат: верха и низа, земли, моря и неба, зла и добра, густого с пустым⁵. Космос со всей его упорядоченной гармонией обращается в нерасчлененный Хаос.

На стыке катренной и терцетной частей сонета, а именно в 8-м стихе, встречаются два самых пронзительных, семантически ударных слова — «*умирающим живым*», одно из которых представляет собой эпитет-прича-

⁵ Грамматически параллельное рифмующееся созвучие в данном случае компенсируется семантической антитезой.

стие к другому — тоже, кстати, эпитету, но уже по отношению к опущенному члену языковой метафоры «людям», выраженному субстантивированным прилагательным, антитетически воплощающим идейный пафос шмелевского шедевра. Вот такой получается фантастический оксюморон: «солнце *мертвых*» «светило *умирающим живым*», т. е. фактически умерщвляло их, полумертвых.

Терцетная часть, с 9-го по 14-й стих включительно, — это реакция автора-повествователя на обозначенный им в катренной части парадокс. «Да, — подтверждает он, — над людьми, в страданиях распростертых, / Глумливое светило солнце мертвых, / В бессмысленно-живом своем огне, / Как злой дракон совсем из Сологуба, / И в смехе золотом все было грубо / Затем, что в каждой смерти была окне». Фраза, сконцентрированная в одном предложении, буквально нашпигована серией также весьма примечательных эпитетов.

В 9-м стихе эпитетом служит словосочетание «*в страданиях распростертых*», в котором причастие «*распростертых*» относится, конечно, не к уточняющим «*страданиям*», а к оставшимся за пределами этого словосочетания «*людям*». Так лишний раз актуализируется не действительная, а страдательная их роль, с утратой гуманистических идеалов.

В 10-м стихе опять сталкиваемся с инверсированной перестановкой логических акцентов: «*глумливое*», ясное дело, «*солнце мертвых*», а никакое не «*светило*», каковым оно могло бы быть. Эффект обманутого ожидания порожден грамматическими омоформами: «*светило*» как существительное и как глагол. Одновременно во второй половине стиха реализуется заглавный эпитет в форме субстантивированного прилагательного «*солнце мертвых*», обладающий многозначительным спектром внутри- и интертекстуальных аллюзий [Гальперин 1981; Ильин 1991: 162–163; Николина 2003: 187–188; Федотов 2013: 93–109].

Загадочно-неоднозначен сложный эпитет «*В бессмысленно-живом своем огне*» из 11-го стиха. Скорее всего Северянин, вслед за Шмелевым⁶, использовал таким образом изощренную форму отрицания наличия жизни в потону и «*глумливом*» «огне» «*Солнца мертвых*».

Весь 12-й стих целиком участвует в распространенном сравнении центрального образа эпопеи Шмелева со «*злым драконом совсем из Сологуба*». Действительно, в образной системе Сологуба доминантное положение занимает созданный им авторский миф о Солнце-Драконе/Змее

⁶ Прощаясь с умирающей курочкой Торпедкой, автор-повествователь не случайно предлагает взглянуть ей на солнце: «Ну, посмотри на солнце... ты его любила, хоть и не знала, что это. А там вон — горы, синие какие стали! Ты и их не знала, а привыкла. А это, синее такое, большое? Это — море. Ты, маленькая, не знаешь. Ну, покажи свои глазки... Солнце! И в них солнце!.. только совсем другое — *холодное* и пустое. Это — *солнце смерти*».

[См.: Potyrańska 2011: 137–150]; в 1907 г. в нашумевшей книге «Змей» он опубликовал цикл стихотворений, одно из которых содержало в инициальном стихе процитированное, по сути дела, Северяниним словосочетание: «*Злой Дракон, горящий ярко там, в зените...*». Видимо, автор сонета уловил такую же трактовку небесного светила в «Солнце мертвых»⁷.

13-й стих вместил в себя два эпитета: «в смехе *золотом*» и «*всё было грубо*». Метафорическое определение смеха генетически восходит также к уже упомянутому стихотворению Сологуба, где Злой Дракон, слишком рано празднуя победу, выражает свое ликование, конечно, смехом и, конечно, золотым. Естественно, «*всё было грубо*» именно в этом «смехе золотом», поскольку, как выясняется в 14-м замковом стихе, «*...в каждом смерти была окне*». Так иносказательно Северянин обыгрывает призыв большевиков «вымести Крым железной метлой» с тем, чтобы уничтожить треть населения.

Итак, медальон Игоря Северянина, посвященный И. С. Шмелеву, представляет собой поэтический аналог его трагической эпопеи «Солнце мертвых». Между двумя произведениями неизбежно должны были установиться активные интертекстуальные связи, обогащающие оба текста. Анализ развернутой системы эпитетов северянинского сонета убедительно подтверждает это предположение. С одной стороны, практически все они порождены явственным поэтическим элементом испуленной прозы Шмелева, с другой стороны, в них отразилась и творческая индивидуальность, казалось бы, очень далекого от автора «Солнца мертвых» поэта. В резонансе двух неповторимых художественных систем образовался в результате синтетически сложный, экспрессивно-напряженный и исключительно многозначный интертекст.

Литература

- Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1980; т. 3, 555 с.; т. 4, 683 с.
- Ильин И. О тьме и просветлении: Книга художественной критики. Бунин. Ремизов. Шмелев. М.: Скифы, 1991. 216 с.
- Николина Н. А. Филологический анализ текста. М.: ИЦ «Академия», 2003. 256 с.

⁷ Небезынтересно сравнить как «Солнце мертвых», так и сонет «Шмелев» с сонетным триптихом К. Бальмонта «Решенье», 1921 г. 1) «Решеньем Полубога Злополучий...»; 2) «Бывает встреча мертвых кораблей...»; 3) «Два мертвых Солнца третьи породили...», где Солнце неизменно предстает в сопрождении эпитета «мертвое».

- Северянин И. В. Стихотворения. М.: Молодая гвардия, 1990. 237 с.
- Федотов О. И. Сонет. М.: РГГУ, 2011. 601 с.
- Федотов О. И. Черное солнце Ивана Шмелева // Вестник МГУ. Сер. 9. Филологические науки. 2013. № 4. С. 93–109.
- Шмелев И. С. Солнце мертвых [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/fiction/solnce-mertvux/> (дата обращения: 20.06.2020).
- Potyrańska Agnieszka. Миф о Солнце-Змее в поэзии Федора Сологуба // Acta Humana. 2011. № 2 (1). С. 137–150.

Reference

- Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4- t.* [Explanatory dictionary of the Live Great Russian language: In 4 vols]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1980. Vol. 3. 555 p., Vol. 4. 683 p.
- Fedotov O. I. *Sonet* [Sonnet]. Moscow, RSUH Publ., 2011. 601 p.
- Fedotov O. I. [Ivan Shmelev's Black sun]. *Vestnik MGU. Ser. 9. Filologicheskie nauki*. 2013, no. 4, pp. 93–109. (In Russ.)
- Gal'perin I. R. *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 139 p.
- Il'in I. *O t'me i prosvetlenii: Kniga hudozhestvennoi kritiki. Bunin. Remizov. Shmelev* [On darkness and enlightenment: Book of art criticism. Bunin. Remizov. Shmelev]. Moscow, Skify Publ., 1991. 216 p.
- Nikolina N. A. *Filologicheskii analiz teksta* [Philological analysis of the text]. Moscow, Akademiya Publ., 2003. 256 p.
- Potyrańska Agnieszka. [The myth about the Sun-Snake in the poetry of Fyodor Sologub]. *Acta Humana*, 2011, no. 2 (1), pp. 137–150. (In Russ.)
- Severyanin I. V. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 1990. 237 p.
- Shmelev I. S. *Solnce mertvykh* [The Sun of the Dead]. Available at: <https://azbyka.ru/fiction/solnce-mertvux/> (accessed 20.06.2020).

Параязык в художественной прозе

Александр Тимофеевич Хроленко, Курский государственный университет (Россия, Курск),
alexanderhrolenko@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170012882-9

АННОТАЦИЯ: Параязык занимает важное место в процессах устного общения. Однако парадоксальным образом параязык связан и с письменной речью. Детальный анализ текстов романа М. Ю. Лермонтова и юношеских повестей Л. Н. Толстого дал некоторое представление о том, какое место в художественной прозе занимает параязыковая составляющая (мимика, движения головы, рук, плеч, интонация и паузы). Сделаны наблюдения над тем, как классики русской литературы вырабатывали приемы передачи параязыковых средств, используя шрифтовые выделения и абзацную структуру текста как способ передать интонацию или «значащие» паузы. На писательском опыте Лермонтова и Толстого продемонстрированы четыре основные формы письменной реализации параязыка: *кинема* — слово или группа слов, описывающие тот или иной жест, мимику или движение тела; средством передачи «звуковых жестов», выражением *параязыковой просодики* служит шрифтовое выделение слова или группы слов, передающих фиксированную, тем или иным способом закреплённую в тексте интонацию или иную другую фонацию; *парасемема* — слово или группа слов, содержащие текстовое описание смысла того или иного коммуникативного жеста; *интерпретанта* — авторское объяснение смысла жеста. Показано, как кинемы складываются в своеобразные диалоги и становятся сюжетообразующим средством. Делается вывод о целесообразности включения в образовательные программы и учебные книги по филологии темы «Параязык в художественной прозе».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: параязык, жест, кинема, параязыковая просодика, парасемема, интерпретанта, Л. Н. Толстой, М. Ю. Лермонтов

для цитирования: Хроленко А. Т. Параязык в художественной прозе // Русская речь. 2020. № 6. С. 117–128. DOI: 10.31857/S013161170012882-9.

The Language of Fiction

Paralanguage in Fiction

Alexander T. Khrolenko, Kursk State University (Russia, Kursk), alexanderhrolenko@yandex.ru

АБСТРАКТ: Paralanguage occupies a very important place in oral communication.

However, paralanguage is also connected to written speech. The detailed analysis of M. Yu. Lermontov's novel and L. N. Tolstoy's youth stories has built a holistic picture concerning the place of paralinguistics in fiction (facial expressions, movements of the head, hands, shoulders, intonation, pause, etc.). The article analyses the ways, Russian classical writers used to depict paralinguistic aspects. This includes using special fonts and paragraph structure as a means to emphasize intonation or "meaningful" pauses.

The studied works of M. Yu. Lermontov and L. N. Tolstoy contain four main forms of paralanguage in the written text: *kinems* — a word or a word group which describes a gesture, facial expression or body movements; to depict 'linguistic gestures' the authors use *paralinguail prosody* — a font alteration of a word or a word group, which emphasizes a certain intonation or any other phonation in the text; *parasememe* — a word or a word group that defines a communicative gesture; *interpretation unit* — an author's explanation of the meaning of the gesture.

The article demonstrates how parakinetics turns into peculiar dialogues and becomes a means for building a plot. The article draws a conclusion that it is crucial to include the topic "Paralanguage in Fiction" in educational programmes and philological books.

KEYWORDS: paralanguage, gesture, kinems, parasememe, paralinguail prosody, interpretation unit, L. N. Tolstoy, M. Yu. Lermontov

FOR CITATION: Khrolenko A. T. Paralanguage in Fiction. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 6. Pp. 117–128. DOI: 10.31857/S013161170012882-9.

*Погоди. Побудь. Помедли.
Молча что-нибудь скажи.*

(Владимир Соколов)

Известно, что в структуре общения особое место занимает параязык, обеспечивающий человека информацией, которую он получает помимо слов, но которая сопутствует речи и в той или иной мере связана со словом [Крейдлин 2002; Крейдлин, Морозова 2004]. Параязык складывается из движений рук и ног, мимики, позы тела, которые так или иначе включены в процесс коммуникации и служат средством передачи информации, а также акустических характеристик голоса, интонации, «значащих» пауз, неканонических звукокомплексов и т. д. и т. п.

Параязык обуславливает такое свойство разговорной речи, как двуканальность прохождения информации. Полагают, что параязык обладает повышенной информационной емкостью, а потому он активно изучается в теоретическом и прагматическом аспектах. В невербальности видят ключ к проблеме глоттогенеза (происхождение языка). В истории развития человеческого языка выявлен переходный период от первой ко второй сигнальной системе, который называют «функциональным базисом речи» [Горелов 1980]. Промежуточную систему коммуникации в процессе очеловечивания «прошел» не только наш предок, но ее «проходит» и каждый ребенок. Функциональный базис речи — система протопонятий со своей собственной знаковой системой — параязыком. Это протоязык мимики и жестов, взглядов и фонаций, которым человек владеет инстинктивно, как биологическое существо. Этот невербальный (несловесный) язык понятен и животным. Для животных такая коммуникация — верх развития, для человека — основа развития первого, бессознательного интеллекта и ступенька в обретении истинно человеческого языка, второй сигнальной системы. Концепция телесной природы сознания тоже основывается на параязыке. Популярными стали книги типа «Читать человека — как книгу» Дж. Ниренберга и Г. Калеро или «Язык телодвижений» А. Пиза. Подобная литература интересует преподавателей, следователей, врачей, журналистов, психологов и искусствоведов.

Л. Н. Толстой в своих «Дневниках» однажды с огорчением отметил:

Я невольно, говоря о чем бы то ни было, говорю глазами такие вещи, которые никому не приятно слышать, и мне совестно, что я говорю их [Толстой 1985: 82].

Вспомним эпизод из романа «Война и мир»:

Наташа, сама не зная этого, была вся внимание: она не упускала ни слова, ни колебания голоса, ни взгляда, ни вздрагивания мускула лица, ни жеста Пьера. Она налету ловила еще не высказанное слово и прямо вносила в свое раскрытое сердце, угадывая тайный смысл всей душевной работы Пьера [Толстой 1981: 235].

У параязыка обнаруживается и художественно-творческий аспект, поскольку творческая деятельность человека не мыслится вне жеста, который наличествует и в словесном искусстве.

Налицо явный парадокс. Параязык, этот неустранимый спутник разговорной речи, используется в письменной, художественной речи, основывающейся исключительно на слове и букве [Верещагин, Костомаров 1981]. Так что есть резон обратить внимание на элементы параязыка в художественной прозе.

Обнаружилось, что в юношеской трилогии Толстого «Детство. Отрочество. Юность» содержится около 140 фрагментов, которые так или иначе связаны с параязыком. Это наблюдение послужило основой статьи «Говорим словами — беседуем телом» [Хроленко 1999]. Позже автор этой публикации, знакомясь со статьей В. В. Виноградова «О языке Толстого (50–60-е годы)», написанной в 1939 г., обратил внимание на страницу, содержащую несколько примеров параязыка, извлеченных из художественных произведений Л. Н. Толстого, а также вывод о месте этого средства коммуникации в литературном творчестве. Будущий академик писал о том, что в непосредственной мимике, в экспрессивных изменениях глаз, губ, лица Толстой видит язык — более глубокий, сложный и экспрессивно-содержательный, чем язык обычных слов. Правда, этот язык Толстому приходится воспроизводить средствами литературного слова или той же устной речи. Диалог толстовских героев в силу этого всегда двупланен. С одной стороны, звучат голоса героев, с другой, параллельно с этой речью, сплетаясь с ней, ее дополняя, разъясняя или разоблачая, вступая с ней в противоречие, иногда ее вытесняя, развивается другой диалог — зрительный: говорят глаза, губы, рот, лицо, говорят их сменяющиеся выражения. Всю сложную семантику их показаний, пишет Виноградов, весь этот многозначительный мимический разговор Толстой передает тоже в образах и формах устного диалога, который наслаивается на произносимый, звучащий диалог. Иногда воспроизводится только один молчаливый, но от этого не менее красноречивый язык мимики, который делает ненужными звучащие слова. Однако и в этом случае Толстой переводит язык мимики на формы внешней речи, читая

«слова» глаз, улыбки, уст, лица. Стилль этого разговора глаз, лица, улыбки остается неизменным на протяжении всего творчества Толстого [Виноградов 1939: 206].

Напрашивается естественный вопрос, а не является ли столь повышенный интерес к «несловесному в слове» исключительной чертой писательской манеры Толстого. В поисках ответа на этот вопрос обратимся к тексту романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Оказывается, что в произведении, вышедшем двенадцатью годами ранее юношеских повестей Толстого, параязыковая составляющая весьма обширна и разнообразна, а потому может послужить базой для размышлений о ее месте в художественном тексте.

Начнем с описаний движения тела — наиболее употребительной области параязыка. Так, персонажи романа, разговаривая, дополняют и уточняют диалог.

<Она> ...кивнула головой в знак согласия (585. Здесь и далее в круглых скобках указывается страница романа Лермонтова «Герой нашего времени»);

Она мне кивнула головой: во взгляде ее был упрек (654).

Кивком подають потаенный знак:

...она, проходя мимо, едва приметно кивнула ему головой (638).

Ответить можно и без слов:

Я покачал головою (585). То же (670).

Поклон — ‘наклонение головы, верхней части туловища в знак приветствия, уважения, благодарности и т. п.’, — как и глагол *поклониться*, весьма употребительный в XIX веке элемент этикета.

Я поблагодарил, поклонился почтительно и вышел (682).

Лицо предстает не только как экран эмоционального переживания, но и активный участник диалога:

...отвечала она с иронической гримаской... (639);

...в самом деле? — сказал он, ударив себя по лбу (651);

...сказал он, почти тотчас принужденно зевнув... (605).

У улыбки на страницах романа широкий диапазон выражаемых смыслов:

Эти слова были произнесены с иронической улыбкой (606);

...сказала она, очень мило улыбаясь (650);

...сказал он, злобно улыбаясь (653).

Персонажи пытаются управлять улыбкой:

Он... **скривил рот на манер улыбки** (600);
...сказала мне княжна **с принужденной улыбкой** (649);
...отвечал мне штабс-капитан, **примигивая с хитрой улыбкою** (591).

Плечи в коммуникации могут быть и орудием действия¹:

Ты глуп, — хотел я ему ответить, но удержался и только **пожал плечами** (644);
— Зачем? — отвечал я, **пожав плечами** (659),

а также объектом действия:

Он не церемонился, даже **ударил меня по плечу**... (600);
...прибавил он, **ударив дружески по плечу лакея**... (602).

Из всех параязыковых средств рука кажется самой активной участницей общения. Персонаж может протянуть руку, взять собеседника за руку, схватить руку, пожать руку, пожимать руку, выдернуть свою руку из руки другого:

— **Достойный друг!** — сказал я, **протянув ему руку**. Доктор **пожал ее** с чувством и продолжал... (627).

В некоторых ситуациях руку может заменить рукав.

...воскликнул Максим Максимыч, **дернув меня за рукав** (601).

У параязыка многовековая традиция использования его в письменном тексте, о чем свидетельствуют фразеологические единицы с компонентом «рука» типа *всплеснуть руками* или *ударить по рукам*.

— *Помилуйте!* — сказал я, **всплеснув руками**, — разве героев представляют? (627).

В словаре Даля *всплеснуть руками* означает ‘начать бить в ладоши’, а *восплескание* ‘одобрительное хлопанье в ладоши’ [Даль, т. 1: 250]. Академический словарь современного русского литературного языка фразеологизм толкует так: ‘вскинув руки, слегка хлопнуть в ладоши под влиянием какого-л. сильного чувства’ [Евгеньева (ред.), т. 1: 233]. Этимолого-исторический словарь «Русская фразеология», истолковав этот жест ‘в знак удивления вскинуть руки, слегка хлопнуть в ладоши’, указал на то, что это «исконное выражение, возникшее по аналогии со звуком всплеска

¹ О роли плеч в невербальной коммуникации см. также статью [Крейдлин, Летучий 2005] и словарную статью «Пожать плечами» в «Словаре языка русских жестов» [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001: 92].

воды» [Бирих и др. 2005: 607]. Исторический словарь русского языка существительное *плескание* ‘всплескивание руками, хлопки в ладоши’ считает отголоском языческих обрядов. Иллюстрации относятся к 1089 г. [СлРЯ XI–XVII, т. 15: 88]. Фразеологизм *всплеснуть руками* отмечен и в Изборнике Святослава 1076, и в «Слове о полку Игореве» [СлРЯ XI–XVII, т. 3: 49]. В «Словаре языка русских жестов» ему дается следующее описание: «Жестикулирующий резко приподнимает и несильно разводит руки в стороны, как бы взмахивая ими, после этого руки или возвращаются в исходное положение, или сближаются в хлопке на уровне груди жестикулирующего» [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001: 41].

Мы ударили по рукам и разошлись (585).

У Даля *ударить по рукам* — ‘дать слово, кончить дело’ [Даль, т. 4: 109]. В Малом академическом словаре: ‘заключать (заклчить) сделку, соглашение’ [Евгеньева (ред.), т. 3: 738]. Исторический словарь русского языка начало истории этого фразеологизма относит к 1632 г. Историко-этимологический словарь указывает на два возможных источника выражения: славянский обряд сватовства ‘согласие на брак’ и торговый обычай тюркоязычных народов обмениваться рукопожатием при обоюдном удовлетворении результатами сделки [Бирих и др. 2005: 606].

У просодической составляющей в письменном тексте возможности весьма скромные. М. Ю. Лермонтов использует слова *вздыхать*, *вдох* ‘усиленный вдох и выдох как выражение какого-л. чувства’. Вдох — явление прежде всего звуковое.

— *Нет, еще вчера, — наконец сказала она, тяжело вздохнув* (591);

...*отвечал он, тяжело вздохнув* (603);

Она хотела что-то ответить, но только вздохнула (688).

Важнейшим средством параязыка является интонация. Вспоминаются слова М. М. Бахтина о том, что интонация всегда лежит на границе словесного и не-словесного, сказанного и не-сказанного, что именно в интонации говорящий соприкасается со слушателями [Бахтин 1979: 401]. Понятно, что интонация — свойство разговорной речи. А как быть с речью письменной, художественной. Писатели в этом случае ищут свои способы передачи этого важного компонента общения. Способы эти связаны с природой написанного текста — шрифтовые выделения и абзацная структура текста.

В своих юношеских повестях Л. Н. Толстой прибегал к использованию курсива, чтобы передать целенаправленное изменение интонации слова.

— *Нечего их спрашивать, а надо спросить их дядьку, — сказала бабушка, особенно презрительно выговаривая слово “дядька”, — что он смотрит?*

[Толстой 1978: 132] (Курсив Л. Н. Толстого в примере передан полужирным шрифтом — *прим. ред.*).

Интересным видом параязыка является и такое парадоксальное явление, как «значащая» пауза, яркой иллюстрацией которой служит финальная «немая» сцена комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». Не кажется преувеличением вывод о том, что из глубин молчания-безмолвия рождаются и речь, и мысль. И если в разговорной речи пауза естественна, то как передать ее в письменном тексте? Многообразием? М. Ю. Лермонтов попытался воспользоваться абзацной структурой письменного текста.

Азамат молчал (581).

В романе это отдельный абзац. Абзац в романе может состоять всего из одного слова.

Молчание (633).

Текстовая отдельность лексемы актуализирует в слове коммуникативное содержание — это то, что в разговорной речи и называют «значащей паузой».

Анализ художественных текстов Лермонтова и Толстого убеждает в том, что оба писателя активно использовали параязык. Их привлекала выразительность языка тела, заменяющего язык слов, а потому предполагающая лаконизм повествования. Немаловажно и то, что вопросы параязыка связаны с проблемой бессознательного в процессах познания и коммуникации. Территория параязыка лежит между артикулируемым и бессознательным, и она является связующим звеном между мирами, в котором живет человек и который живет в человеке. Об этом в свое время тонко размышлял основатель русской филологической науки Ф. И. Буслаев, когда говорил о «филологии духа» [Никитин 2018]. Подобное имел в виду Лермонтов в сцене свидания Печорина с Верой.

Тут между нами начался один из тех разговоров, которые на бумаге не имеют смысла: значение звуков заменяет и дополняет значение слов, как в итальянской опере (633).

С аналогичного наблюдения начинается стихотворный шедевр поэта:

*Есть речи — значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.*

Эту строфу можно считать гимном в честь параязыка.

Писательский опыт Лермонтова и Толстого свидетельствует о том, что параязыковая составляющая разговорной и письменной речи различается тем, что в устной реализации она континуальна, а в письменной дискретна, а потому в языке существуют специальные средства ее выражения.

Эти средства могут описывать жесты и мимику, движения, а также паралингвистические особенности речи (тембр, тон, громкость и др.).

Наиболее частотной является кинема — слово или группа слов, описывающие тот или иной жест, мимику или движение тела. Например: *...прибавил он, **ударив кулаком по столу*** (584).

Средством передачи «звуковых жестов», выражением параязыковой просодики служит шрифтовое выделение слова или группы слов, передающих фиксированную, тем или иным способом закреплённую в тексте интонацию или иную другую фонацию. Например: — *Пойдемте, **барчук**, я вас проведу, — сказал он, поворачиваясь назад и, по-видимому, сразу угадав мое положение...* [Толстой 1978: 204]. Таким способом (курсивом) Толстой передал интонацию, правда, не характеризуя ее. (Курсив Л. Н. Толстого в примере передан полужирным шрифтом — прим. ред.)

Описание кинем и параязыковой просодики как формы передачи кинесических или интонационных жестов обычно сопряжено со словами, содержащими толкование или описание смысла жеста, — парасемемой или интерпретантой.

Парасемема в нашем употреблении — это слово или группа слов, держащие текстовое описание смысла того или иного коммуникативного жеста. Например: *Настал и мой черед: бабушка с **одобрительной** улыбкой обратилась ко мне* [Толстой 1978: 58]. У Лермонтова: *<Грушицкий> кивнул головой **в знак согласия*** (672).

Интерпретанта — это авторское объяснение смысла жеста. Например: *Любочка и Катенька беспрестанно подмигивали нам, вертелись на своих стульях и вообще изъясляли сильное беспокойство. **Подмигивание это означало: “Что же вы не просите, чтобы нас взяли на охоту?”*** Я толкнул локтем Володю, Володя толкнул меня и, наконец, решился... [Толстой 1978: 28]; У Лермонтова: *...но Печорин **сделал знак рукой, который можно было перевести следующим образом: вряд ли! Да и зачем?*** (606).

Кинемы обычно используются единично, однако возможна их текстовая кооперация в виде цепочек или своеобразных «диалогов». Например:

*Он на меня **бросил бешеный взгляд, топнул ногою и отошел прочь*** (653); *Она **призадумалась, не спуская с него черных глаз своих, потом улыбнулась ласково и кивнула головой в знак согласия*** (585).

Кинемы также способны выстроиться в некие «бессловесные» диалоги. Например:

...он хотел кинуться на шею Печорину, но тот довольно холодно, хотя с приветливой улыбкой, протянул ему руку. Штабс-капитан на минуту остолбенел, но потом жадно схватил его руку обеими руками: он еще не мог говорить (605).

Такой «диалог» может стать сюжетообразующим элементом. В главе «Бэла», начинающей роман, встреча повествователя с Максимом Максимычем передана следующим образом.

Я подошел к нему и поклонился; он молча отвечал мне на поклон и пустил огромный клуб дыма.

— Мы с вами попутчики, кажется?

Он молча опять поклонился.

— Вы, верно, едете в Ставрополь?

— Так-с точно... с казенными вещами.

— Скажите, пожалуйста, отчего это вашу тяжелую тележку четыре быка тащат шутя, а мою, пустую, шесть скотов едва подвигают с помощью этих осетин?

Он лукаво улыбнулся и значительно взглянул на меня.

— Вы, верно, недавно на Кавказе?

— С год, — отвечал я.

Он улыбнулся вторично (571).

В финале романа сцена дуэли включает в себя «диалог», в котором решилась судьба обреченного Грушницкого.

— Пора! — шепнул мне доктор, дергая за рукав, — если вы теперь не скажете, что мы знаем их намерения, то все пропало. Посмотрите, он уже заряжает... если вы ничего не скажете, то я сам...

— Ни за что на свете, доктор! — отвечал я, удерживая его за руку, — вы всё испортите, вы мне дали слово не мешать... Какое вам дело? Может быть, я хочу быть убит...

Он посмотрел на меня с удивлением (674).

Если филология — это наука, имеющая своим объектом текст как целое, а предметом — смыслы, воплощенные в языковых и параязыковых структурах этого текста, а также все закономерности текста и свойства составляющих его единиц, то в образовательных программах и учебных книгах по филологии должна занять свое место тема «Параязык в художественном тексте». Наш исследовательский и преподавательский

опыт разработки этой проблемы [Хроленко 2013: 115–140] опирается на осознание выдающимися представителями отечественной литературы места и функции параязыковой составляющей в художественном дискурсе.

Источники

Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М. Ю. Стихотворения. Поэмы. Маскарад. Герой нашего времени. Библиотека всемирной литературы. Серия вторая. Т. 93. М.: Художественная литература, 1972. С. 567–690.

Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. Т. 1. Детство. Отрочество. Юность. М.: Художественная литература, 1978. 422 с.

Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. Т. 7. Война и мир. М.: Художественная литература, 1981. 431 с.

Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. Т. 21. Дневники. М.: Художественная литература, 1985. 575 с.

Литература

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.

Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / 3-е изд. испр. и доп. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. 926 с.

Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. О своеобразии отражения мимики и жестов вербальными средствами (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. 1981. № 1. С. 36–47.

Виноградов В. В. О языке Толстого (50–60-е годы) // Литературное наследство. Т. 35–36. М., 1939. С. 117–220.

Горелов И. Н. Невербальные компоненты коммуникации. М.: Наука, 1980. 104 с.

Григорьева С. А., Григорьев Н. В., Крейдлин Г. Е. Словарь языка русских жестов. М.; Вена: Языки славянской культуры – Wiener Slawistischer Almanach, 2001. 254 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1978–1980.

Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка. Т. 1–4 / Под ред. А. П. Евгеньевой. Изд. 2-е. М.: Русский язык, 1981–1984.

Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 581 с.

Крейдлин Г. Е., Морозова Е. Б. Внутриязыковая типология невербальных единиц: бытовые поклоны // Вопросы языкознания. 2004. № 4. С. 34–47.

Крейдлин Г. Е., Летучий А. Б. Семантическая структура слова *плечи* и его производных // Московский лингвистический журнал. 2005. Т. 8. № 2. С. 48–67.

- Никитин О. В. «Филология духа». Федор Иванович Буслаев как языковая личность (К 200-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2018. № 5. С. 79–86.
- СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975–. Вып 1–.
- Хроленко А. Т. Говорим словами – беседуем телом // Ученые записки Регионального открытого социального института (РОСИ). Вып. 4. Курск: Изд-во РОСИ, 1999. С. 45–58.
- Хроленко А. Т. Основы современной филологии. М.: ФЛИНТА, 2013. 352 с.

References

- Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 424 p.
- Birikh A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. *Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskij slovar'*; 3-e izd. ispr. i dop. [Russian phraseology. Historical and etymological dictionary, 3rd edition]. Moscow, Astrel': AST: Lyuks Publ., 2005. 926 p.
- Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language in 4 vols.]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1978–1980.
- Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Vol. 1–4. The 2nd edition. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1981–1984.
- Gorelov I. N. *Neverbal'nye komponenty kommunikacii* [Nonverbal components of communication]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 104 p.
- Khrolenko A. T. [We speak with words – we talk in body]. *Uchenye zapiski Regional'nogo otkrytogo social'nogo instituta* (ROSI). Vyp. 4. Kursk, Izd-vo ROSI Publ., 1999, pp. 45–58. (In Russ.)
- Khrolenko A. T. *Osnovy sovremennoi filologii* [Fundamentals of modern philology]. Moscow, FLINTA Publ., 2013. 352 p.
- Kreidlin G. E. *Neverbal'naya semiotika. Yazyk tela i estestvennyi yazyk* [Nonverbal semiotics. Body language and natural language]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2002. 581 p.
- Kreidlin G. E., Morozova E. B. [Intra-Linguistic typology of nonverbal units: household bows]. *Voprosy lingvistiky*, 2004, no. 4, pp. 34–47. (In Russ.)
- Nikitin O. V. ["Philology of the spirit": Fedor Ivanovich Buslaev as a linguistic personality (On the 200th anniversary of his birth)]. *Russkii yazyk v shkole*, 2018, no. 5, pp. 79–86. (In Russ.)
- SlRЯ XI–XVII – *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1975–. Vyp 1–.
- Vereshhagin E. M., Kostomarov V. G. [On the peculiarity of reflection of facial expressions and gestures by verbal means (on the material of the Russian language)]. *Voprosy lingvistiky*, 1981, no. 1, pp. 6–47 (In Russ.)
- Vinogradov V. V. [On the language of Tolstoy (50–60 years)]. *Literaturnoe nasledstvo*. T. 35–36. Moscow, 1939, pp. 117–220. (In Russ.)

ГАУГН-ПРЕСС

осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия

Ключевые направления:

- формирование учебно-методических комплексов
- внедрение мировых стандартов научной периодики и коммуникации
- популяризация науки

Принципы деятельности:

- сетевое взаимодействие ведущих научных центров
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- интеграция науки и образования

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% – кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- крупнейших общественных организациях
- органах государственной власти
- бизнес-структурах

Интеграция науки и образования

Бюджетные места

Насыщенная студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

- История
- Философия
- Политология
- Социология

- Международные отношения
- Зарубежное регионоведение

- Востоковедение и африканистика
- Психология
- Культурология

- Археология
- Менеджмент
- Юриспруденция
- Экономика

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/

gaugn.ru

E-mail: info@gaugn.ru

vk.com/gaugn

